

DIASPORA S

2003 №1

ДИА СПОРЫ

ДИА СПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2003

1

СУДЬБА «ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО»
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВРЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ДИАСПОР

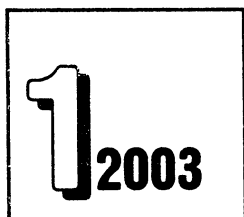
ПОЛЯКИ И ЕВРЕИ В ЗАПАДНОЙ
БЕЛОРУССИИ

**Издание осуществлено
Еврейским университетом
в Москве при поддержке
Российского еврейского
конгресса**

ДИАСПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит четыре раза в год
Год издания пятый

МОСКВА

Редакционная коллегия:

Главный редактор

А. Р. Вяткин

(Институт востоковедения
Российской академии наук)

Заместитель главного редактора

В. И. Дятлов

(Иркутский государственный университет)

Заместитель главного редактора

Н. П. Космарская

(Центр цивилизационных
и региональных исследований
Российской академии наук)

С. А. Арутюнов

(Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук)

П. Колсто

(Университет г. Осло, Норвегия)

И. А. Мадий

(издательство «Наталис»)

А. Ю. Милитарёв

(Институт восточных культур
при Российском государственном
гуманитарном университете)

В. Ю. Рабинович

(Иркутский лингвистический университет)

Е. Я. Сатановский

(Институт изучения Израиля
и Ближнего Востока)

А. М. Хазанов

(Университет Висконсина в Мэдисоне,
США)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Anatoly Vyatkin

(Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Victor Dyatlov

(Irkutsk State University)

Deputy Editor-in-Chief

Natalya Kosmarskaya

(Center for Civilizational
and Regional Studies,
Russian Academy of Sciences)

Sergey Arutyunov

(Institute of Ethnology
and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)

Anatoly Khazanov

(University of Wisconsin-
Madison, USA)

Pål Kolstø

(University of Oslo, Norway)

Irina Madiy

(«Natalis» Publishing House)

Alexander Militaryov

(Russian State
Humanitarian University,
Institute of Oriental Cultures)

Vladimir Rabinovich

(Irkutsk Linguistic University)

Evgeniy Satanovsky

(Institute of Israel and
Near East Studies)

Научный редактор номера: Н. П. Космарская

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

ЯЗЫК В ДИАСПОРЕ.

СТАБИЛЬНОСТЬ, УГАСАНИЕ ИЛИ БИЛИНГВИЗМ?

<i>Бируте Синочкина.</i> Судьба «великого и могучего» в пост-советской Литве	6
<i>Екатерина Протасова.</i> Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии	27
<i>Марина Нижник.</i> Особенности культурной интеграции выходцев из СССР/СНГ в Израиле	48
<i>Владимир Алпатов.</i> Языковая политика в России и Франции	68
<i>Михаил Членов.</i> К вопросу о социолингвистической характеристике еврейской диаспоры. Еврейские языки (статья вторая)	87
<i>Герман Ким.</i> Об истории принудительно-добровольного забвения родного языка корейцами Казахстана	110
<i>Абдыкадыр Орусбаев.</i> Русский язык в независимой Киргизии	146
ДИАСПОРА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА	161
<i>Габриэль Шеффер.</i> Диаспоры в мировой политике	162
АРХИВ	185
<i>Иван Бодуэн-де-Куртенэ.</i> Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России? (с послесловием В. М. Алпатова)	186
ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКИХ ДИАСПОР	201
<i>Евгений Розенблат, Сергей Струнец.</i> Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939–1941 гг.)	202
Summaries	228
Содержание журнала «Диаспоры» в 2002 г.	233

CONTENTS

MAINSTREAM

LANGUAGE IN DIASPORA. STABILITY, DECLINE OR BILINGUALISM?

<i>Birute Sinochkina</i> . The Fate of the «Great and Powerful» in Post-Soviet Lithuania	6
<i>Ekaterina Protassova</i> . Russian-German Bilingualism and the Russian Language. A Case-Study of Germany	27
<i>Marina Nizhnik</i> . Specifics of the Cultural Integration of the Russian-Speaking Immigrants in Israel	48
<i>Vladimir Alpatov</i> . Language Policies in Russia and France	68
<i>Mikhail Chlenov</i> . The Socio-Linguistic Features of the Jewish Diaspora. Jewish Languages (<i>a second article</i>)	87
<i>German Kim</i> . The Forced-Voluntary Oblivion of the Mother Tongue by Kazakhstani Koreans	110
<i>Abdykadyr Orusbayev</i> . The Russian Language in Independent Kirghizia	146
DIASPORA AS A RESEARCH ISSUE	161
<i>Gabriel Sheffer</i> . Ethno-National Diasporas in Politics	162
ARCHIVE	185
<i>Ivan Baudouin de Courtenay</i> . «Is the Peaceful Coexistence of the Different Peoples of Russia Possible?» (<i>with concluding remarks by V. Alpatov</i>)	186
ON THE HISTORY OF JEWISH DIASPORAS	201
<i>Evgeniy Rozenblat, Sergey Strunetz</i> . The Poles and Jews in Western Byelorussia: The Dynamics of Convergence and Divergence (1939–1941)	202
Summaries	228
Contents of Back Issues of «Diasporas», 2002	233

ДИАСПОРЫ

ЯЗЫК В ДИАСПОРЕ.
СТАБИЛЬНОСТЬ,
УГАСАНИЕ
ИЛИ БИЛИНГВИЗМ?

СУДЬБА «ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО» В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ

Бируте Синочкина

О региональном варьировании языка

Русский язык в Литве, как и любой другой, культивируемый за пределами своей этнической территории, и ранее обладал особенностями, не затрагивающими основ языковой системы, но отличавшими его в некоторых деталях как от «материкового» русского, так и от иных «национальных вариантов». Издавна живущие в Литве русские (и представители других этнических групп, считающие русский язык родным) говорят на нем не совсем так, как, например, в Московской области или в Эстонии. Говоря о специфике русской речи в Литве, мы имеем в виду не то, как говорит сельское старожильческое население страны или лица, лишь овладевающие русским, а устно-разговорную и книжно-письменную разновидности литературного языка, функционирующие без каких-либо ограничений, в частности, в местных средствах массовой информации.

Бытующий в отрыве от основного этносоциума, в инонациональном окружении, русский язык Литвы, естественно, подвержен воздействию этого окружения. Результаты литовско-русского языкового контактирования можно проследить на всех его уровнях. Это и специфика произношения, и отличия, пусть частные, в морфологии и синтаксисе¹. Так, в соответствии с местной нормой русского языка, кодифицированной в пределах Литвы, здесь говорят и пишут *Я живу в Шяуляй; Он подошел к Нерис*. В первом случае название города *Шяуляй* воспринимается как существительное *pluralia tantum*, что препятствует его склонению по образцу существительных единственного числа, во втором — гидроним *Нерис* понимается как существительное женского рода.

В обоих случаях нормы русской грамматики нарушаются в силу того, что сквозь русское слово как бы «просвечивает» его

Доктор Бируте Синочкина, доцент кафедры русской филологии филологического факультета Вильнюсского университета (Литва).

литовский прообраз с присущими ему грамматическими категориями². Несогласованное определение в Литве нередко употребляют там, где в «материковом» русском встречаем согласованное: так, улицу *Тургенева* в Литве никогда, даже в непринужденной беседе, не назовут *Тургеневской*. Забегая вперед, отметим, что новое именование *страны Балтии* — это тоже литуанизм (ср. лит. *Baltijos šalys*), отражающий предпочтение, отдаваемое в литовском языке несогласованному определению перед согласованным. Так говорят теперь и в России, но как бы с «местной» подачи, поскольку номинанты *Балтийские страны*, *Прибалтийские страны* более типичны для «материковой» нормы. Отметим попутно, что и само слово *Балтия*, ранее неизвестное русскому языку в свободном употреблении, широко применяется ныне в русском языке Литвы как совокупное название прибалтийской территории, занимаемой Литвой, Латвией и Эстонией. Ср.: «Рига — самый дорогой город *Балтии*» (Респ., 26 авг. 1997 г.).

Взаимодействие русского и литовского языков в советское время

До распада СССР в условиях единого государства региональное варьирование нормированного русского языка в сфере лексики было не слишком значительным. В силу коммуникативных потребностей русским языком осваивался местный ономастикон, адаптируемый фонетически, морфологически и графически; в словарь включалось обозримое количество экзотизмов (этнографизмов); проникали в него и коммуникативно ценные лексико-семантические инновации — результат культурно-языкового контактирования. Некоторые из подобных номинативных регионализмов русского языка Литвы воспринимаются ныне как устарелые и встречаются преимущественно в речи жителей старшего поколения: *банкухен* (<нем. *баумкухен*) ‘песочный торт в форме дерева’; *дача* ‘бязь’; *баскетки* ‘невысокие кеды’. Другие, являющиеся удобным средством обозначения актуальных реалий, по-прежнему частопотребительны и используются повсеместно: *гольф* ‘тонкий свитер с высоким воротом’; *секция* ‘комбинированный сборный шкаф универсального назначения’; *дантист* ‘врач-стоматолог’; *арония* ‘черноплодная рябина’; *цукиния* ‘кабачок цук-

кини (цукини)»; *сварайнис* 'японская (мелкоплодная) айва' и т. п.

Региональная специфика языка в сфере лексики порождается, прежде всего, наличием реалий, характерных лишь для данного региона и не известных (либо менее актуальных) на прочей территории бытования языка. Инновации возникают там, где коммуникативная потребность говорящих не покрывается наличными языковыми ресурсами, где ощущается «лексический дефицит». Средства для компенсации этой недостаточности черпаются чаще всего из языка инонационального окружения. Подобная инновация (заимствование либо калька) в силу своей коммуникативной ценности получает повсеместное распространение в данном говорящем коллективе и обретает права гражданства, превращаясь постепенно из факта речевого употребления в достояние системы языка³.

Основную массу лексических инноваций русского языка Литвы (если не брать в расчет имена собственные и производные от них слова) до сих пор составляли этнографизмы: наименования типично литовской одежды и обуви, народных музыкальных инструментов, блюд национальной кухни и т. п. Специфичность сугубо национальных реалий не позволяет изыскать средства для их номинации в рамках узуальной русской лексики, однако в некодифицированной устной речи подобные литовские заимствования подвергаются фонетико-морфологической адаптации. Ср.: *клумпес* 'обувь на деревянной подошве или целиком изготовленная из дерева' — *клумпы*; *цепелинай* 'крупные яйцевидные галушки из тертого картофеля с мясной или творожной начинкой' — *цеппелины*; *кугелис* 'род картофельной бабки' — *кугель*. Впрочем, два последних слова (названия популярных блюд), еще активно употребляемые в русской устно-разговорной речи, в недалеком будущем, по-видимому, обречены на забвение, поскольку в литературном литовском языке эти германизмы, восходящие соответственно к нем. *Zeppelin* и *Gugel*, решительно вытесняются собственными обозначениями *didžkukuliai* и *plokštainis*, которые постепенно осваивает и русский язык Литвы⁴.

Особенности процесса номинации в «островном» русском языке наглядно проявляются при назывании новых предметов. Если имеется возможность выбора, предпочтение отдается «международному» варианту, общему для контактирующих языков, литовского и русского. Поэтому интернациональная

лексика, освоённая литовским языком и применённая им позже для номинации новых объектов, проникает в тех же значениях и в русский язык Литвы. За пределами этой территории семантика таких интернационализмов, естественно, остается прежней, номинация же новых объектов там осуществляется иным путем. Ср.: *секция / (мебельная) стенка; гольф / битловка, водолазка; монолит / башня*.

Реалия, уже имевшая название в русском языке, может сменить его под влиянием контактирующего литовского языка, если эта смена сулит какие-то выгоды говорящим. И в этом случае наиболее удобной для заимствования также оказывается интернациональная, «ничейная», лексика. Примером подобных регионализмов, характерных для русского языка Литвы, могут служить латинизмы *абсольтвент* 'выпускник вуза'; *институция* 'форма общественного устройства, институт, инстанция'; *актуалия* 'то, что актуально'. Такие единицы, не будучи нормативными для русского языка в целом, выходят за рамки окказионального употребления, поскольку они отвечают стремлению говорящих экономить речевые усилия, которое проявляется, в частности, в предпочтении однословного варианта наименования многословному, а в более общем виде — в том, что усилия билингвов направлены в сторону достижения симметрии обеих систем и установления двуязычного изоморфизма⁵. Так, наименование *продекан* (лит. *prodekanas*) удобнее, чем громоздкое *заместитель декана* и хорошо вписывается в симметричное: *ректор — проректор, декан — продекан*.

Влияние языка коренного населения может проявляться в расширении семантического объема интернационального слова, освоённого русским языком, ср. *каденция* — не только музыкальный термин, но и 'срок полномочий, срок созыва'; *тренинг* — не только 'тренировка, тренаж', но и 'тренировочный, спортивный костюм'. Семантическому калькированию могут подвергаться и литовские составные наименования: *белый кофе* 'кофе с молоком или со сливками'; *белый сыр* 'творожный сыр'; *желтый сыр* 'ферментный сыр'.

Заметим, что такие местные единицы номинации стилистически нейтральны и циркулируют в пределах Литвы без особых функциональных ограничений на правах безэквивалентной лексики или как более удобное, экономичное наименование. Удобство, в частности, заключается и в том, что билингв может использовать практически одну и ту же едини-

цу (либо ее буквальный перевод), говоря на обоих языках, экономя тем самым речемыслительные усилия. Такая лексико-семантическая интерференция, по сути, даже не осознается рядовым носителем языка.

В некодифицированной устной русской речи интерференция контактирующего литовского языка всегда была более заметна и многообразна. Ср., например, ненормативные, но весьма характерные для речи русских жителей Литвы обороты типа *мне* (=у меня) *болит*; *он имеет* (=у него есть); *нет эта* (=штатной единицы)⁶ и т. п. В скрытом виде интерференция проявляется в том, что при возможности выбора билингв неосознанно отдает предпочтение средствам выражения, сходным в обоих языках. Так, в Литве сооружение для мелкой торговли чаще всего именуется *киоском*: *газетный киоск*, *цветочный киоск*, *пивной киоск*, гораздо реже — *ларьком* и практически никогда не называется *торговой палаткой*. Наличие в литовском языке интернационализма *kioskas* активизирует соответствующую русскую лексему, способствуя тем самым функциональному сужению синонимического ряда, поскольку «невостребованные» единицы номинации постепенно переходят в пассивный словарный запас носителей языка. Не часто услышишь в Литве и слово *лоток* 'открытый прилавок для уличной торговли'. Причина низкой частотности слова, на мой взгляд, — отсутствие его эквивалента в литовском, где его ближайшее соответствие *prekydėžė* не только представляет собой громоздкое образование, но и своей внутренней формой (буквально 'ящик для торговли') вызывает представление не о реалиях сегодняшнего дня, а, скорее, о лотках коробейников.

Новые условия функционирования русского языка в Литве

Восстановление государственной независимости Литвы заметно активизировало процессы дивергенции в лексике теперь уже зарубежного русского языка в сравнении с российским. Недаром язык зарубежья, по словам Ю. Н. Караулова, следует рассматривать как «отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мертвым языком па-

Таблица 1

**Национальный состав населения Литвы
(в % к общему числу жителей)**

Этническая группа	Годы проведения переписи				
	1959	1970	1979	1989	2001
Литовцы	79,3	80,1	80,0	79,6	83,5
Поляки	8,5	7,7	7,3	7,0	6,7
Русские	8,5	8,6	8,9	9,4	6,3
Белорусы	1,1	1,5	1,7	1,7	1,2
Украинцы	0,7	0,8	1,0	1,2	0,7
Евреи	0,9	0,8	0,4	0,3	0,1
Другие	1,0	0,5	0,7	0,8	1,5

мятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь — в СНГ»⁷.

На характере взаимодействия русского и литовского языков в Литве не могли не сказаться существенные изменения в их функционировании: литовский язык обрел статус государственного, а русский стал языком одного из национальных меньшинств. По результатам последней переписи, на 6 апреля 2001 г. в Литве проживало 3 483 972 человек⁸. Динамику национального состава населения страны можно проследить по данным переписей, приведенным в табл. 1.

Материалы последней переписи свидетельствуют также о том, что литовский язык отмечается как родной у значительной части нелитовского населения (см. табл. 2).

Русским языком в Литве владеет 60% населения, в том числе 64% литовцев и 77% поляков. Однако статистические данные неопровержимо свидетельствуют о том, что русская языковая компетенция в стране явно идет на убыль: его еще хорошо знают те, кто учился в школе в советское время, но уже хуже — молодежь, особенно сельская. По последней переписи, русским владеет (в различной степени) около 80% тех, кому 20 лет и старше, около 60% девятнадцатилетних и лишь 13% тех,

Таблица 2

Жители, указавшие литовский язык в качестве родного

Этническая группа	Кол-во жителей (тыс. человек)	Из них родным назвали литовский язык	
		всего	в %
Всего	3484,0	2855,8	82,0
Литовцы	2907,3	2810,7	96,7
Поляки	235,0	17,2	7,3
Русские	219,8	14,0	6,3
Белорусы	42,9	1,6	3,8
Украинцы	22,5	1,3	5,9
Другие	23,6	5,2	21,7
Не указали	32,9	5,8	17,7

кому меньше 15 лет. Картину владения литовским и русским языками (как неродными) наиболее крупных этнических групп в Литве дает табл. 3.

Сужение функций русского языка, отсутствие возможности получить на нем высшее образование в государственных учебных заведениях и диктуемое жизнью требование свободного владения литовским заметно снизило интерес к русскому

Таблица 3

Знание литовского и русского языков по этническим группам

Этническая группа	Жители, владеющие языком (в тыс. человек)	
	литовским	русским
Всего	355,8	2099,9
Литовцы	—	1863,0
Поляки	144,9	180,6
Русские	144,7	—
Белорусы	23,1	17,3
Украинцы	13,1	8,9

языку у нерусского населения Литвы, не принадлежащего к титульной нации. И вполне естественно, что если ранее русский как язык центра и средство межнационального общения оказывал значительное влияние на литовский⁹, то с перераспределением функций они как бы поменялись ролями, и последний стал играть более активную роль в процессе взаимодействия. О связи социального статуса языка с его подверженностью иноязычному влиянию писал в свое время У. Вайнрайх: «Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например от роли государственного языка, часто понижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями»¹⁰.

Русский язык в Литве в постсоветское время

Именно это снижение иммунитета к вторжению иноязычных элементов наблюдается в сегодняшнем русском языке Литвы. Кардинальные перемены в социальном укладе страны, реорганизация общественных институтов, административно-территориального деления, государственных структур и служб повлекли за собой пересмотр соответствующих номенклатурных обозначений, вначале литовских, а вслед за ними и русских. Литовский язык, как бы вычеркнув советский период из своей истории, во многом вернулся к наименованиям межвоенной Литвы, вновь введя в обиход устаревшие было слова *seimas* ‘сейм’; *policija* ‘полиция’; *policijos nuovada* ‘полицейский участок’; *teismo antstolis* ‘судебный пристав’; *areštinė* ‘арестантская’; *apskritis* ‘уезд’; *miesto valdyba* ‘городская управа’ и т. п.

Номинация в официальной сфере осуществляется целенаправленно, о чем свидетельствует, в частности, инициированная «сверху» смена наименований. Так, специальным законом Литовской Республики должность *ministerijos sekretorius* ‘секретарь министерства’ была заменена на *viceministras* ‘вице-министр’, а *apskrities valdytojas* ‘управляющий уездом’ — на *apskrities viršininkas* ‘начальник уезда’. За правильностью государственного языка, соблюдением его норм следит специально созданная Комиссия по литовскому языку при Сейме республики, обладающая большими полномочиями. В русском же языке, ставшем местным средством общения, подбор

соответствий к новым литовским наименованиям происходит по преимуществу стихийно, нередко путем проб и ошибок.

Разнобой в передаче специфических литовских реалий, относящихся к государственному устройству, наблюдается даже на страницах прессы, язык которой в целом ориентирован на книжно-письменную норму и в известной мере служит для читателей образцом. Так, переставшая недавно существовать газета «Вечерние новости» выходила с подзаголовком «Газета г. Вильнюса и Вильнюсского округа», где наименование *округ* соответствовало слову *apskritis* литовского варианта издания. В конкретных же сообщениях с мест та же газета использовала в аналогичной ситуации слово *уезд*: «...Хуже всего дело обстоит в крупных городах — Вильнюсе и Каунасе, а также в Алитусском и Мариямпольском уездах» (ВН, 6 авг. 1997 г.). Еженедельник «Летувос ритас» последовательно использует архаичное *уезд*, в то время как газета «Понедельник» предпочитает более нейтральное *округ*.

Все двуязычные словари дают слово *уезд* как единственное соответствие литовскому *apskritis*, а *округ* переводят как *apugarda*. Слово *округ* по-прежнему используется в Литве как название единицы территориального деления, вводимого с определенной целью (*избирательный округ*), сферы действия властных структур (*судебный округ, прокурор округа*). Почему же носители русского языка в Литве отдают предпочтение менее правильному варианту, чаще переводя *apskritis* как *округ*? Очевидно, такой перевод, во-первых, провоцирует внутренняя форма литовского слова (ср. *apskritas* 'круглый'; *apskritimas* 'круг'), заставляя подыскивать нечто похожее в русском. Во-вторых, *уезд* ассоциируется в сознании говорящих не только с давним прошлым, но и с провинциальностью, захолустьем (ср. *губернский город* и *уездный город*). Видимо, поэтому в живой устной речи это слово практически не употребляется.

Еще одна лексема, официально предложенная в качестве новой номенклатурной единицы (см., например, ее употребление в «Ведомостях Литовской Республики», где публикуются законы) и активно отторгаемая носителями языка, — слово *староста* как эквивалент литовского *seniūnas*. Литовское слово-реалия *seniūnija* 'мельчайшая административно-территориальная единица населенного пункта и ведающее ее делами хозяйственно-управленческое учреждение' для русского языка является безэквивалентным и вынужденно транслитериру-

ется. Слово же *seniūnas* 'должностное лицо, глава сянюнии' может быть переведено как *староста*. Однако и в этом случае в средствах массовой информации наблюдаем разноречивую передачу нового слова-реалии: наряду с переводом используется и транслитерация. Ср.:

«Сянюния готова оказать посильную помощь. *Староста* ... присмотрит за ходом строительных работ» (ВН, 19 авг. 1997 г.).

«Если я останусь на посту *сенюнаса*, обязательно этот проект пробую» (Пон., № 19, май 1997 г.).

«Группа инициативных жителей Лентвариса не пускала в здание сенюнии вновь назначенного *сенюнаса*...» (ЛР, № 42, июнь-июль 1997 г.).

Почему чужое слово оказалось в данном случае предпочтительнее своего? Привычное русское *староста* называет лицо, избираемое или назначаемое для ведения дел в небольшом обществе, коллективе: *староста класса, курса, кружка; церковный староста*. На *старосту* возлагаются определенные обязанности, но это не оплачиваемая государственная должность. Известное в прошлом *сельский староста*, довольно близкое по значению к анализируемому *seniūnas*, уже довольно прочно забыто. Однако новое применение слова, как известно, вызывает сдвиги в его значении, что могло бы произойти и со словом *староста* в его региональном использовании в пределах Литвы. Называли же здесь раньше *коммунальной* квартиру не с общей кухней, а государственную в отличие от кооперативной или частной (ср. лит. *komunalinis butas*).

Транслитерированный вариант оказывается более предпочтительным потому, что, во-первых, он позволяет и в русском языке сохранить формальную мотивированность семантически связанных единиц (*сянюнас* возглавляет *сянюнию*) и, что, видимо, еще существеннее, это слово официально-деловой лексики, его используют в основном при общении в государственных учреждениях, т. е. название данной реалии звучит преимущественно в литовской речи, его можно прочесть на дверях рабочего кабинета должностного лица и т. д. Необходимость в русском варианте названия возникает нечасто, и билингву проще использовать одно слово и в литовской, и в русской речи, тем более, что даже не владеющие или слабо владеющие литовским языком люди по необходимости знают, как теперь называют преемника прежнего управдома.

Разнобой в терминах может порождать недоразумения, поэтому при публикации особо важных официальных текстов русские газеты в целях адекватности понимания дают порой сразу оба сигнификата. Ср.: «Обратить внимание *сянюнас* (*старост*), руководителей учреждений образования, культуры, здравоохранения и т. д., находящихся в районе, что...» (ЭЛ, 10 янв. 1998 г., ЛК, № 5, янв.-февр. 1998 г.). «Начальник Вильнюсского уезда (*округа*)... издал приказ...» (ЛК, № 5, янв.-февр. 1998 г.).

Можно также предположить, что именно незнание русского эквивалента наименования новой реалии побуждает говорящих вкраплять в русскую речь оставленные без перевода литовские слова. Это явление, широко распространенное в настоящее время в речи русского населения Литвы, можно опять-таки наблюдать в языке прессы. В последнее время на страницах русских газет все чаще встречаем литовские инкрустации, набранные как латиницей, так и кириллицей, причем без перевода нередко оставляют не только непере译имое или труднопереводимое, но и вполне поддающееся этой операции.

Приведем несколько примеров: «Спасибо, *tamsta* Бируте, счастья Вам и процветания» (ЭЛ, 7 марта 1997 г.). *Tamsta* — почтительное обращение к человеку (<*tavo mylista*). «Выдержал это [судмедэкспертизу. — Б. С.] — через месяц тебя вызовут к “*квотясу*”, что в переводе с литовского означает — предстателенному следователю. <...> Все это включается в протокол и “*квотяс*” за это почему-то никто не дисквалифицирует» (Обз., № 28, июль 1997 г.). В данном случае журналисту оказался неведом русский юридический термин *дознател*. «Райстянскис и Вашкович являются членами “*вальдибы*” Совета самоуправления» (ЛК, № 20, май 1997 г.). Без перевода почему-то оставлено (возможно, чтобы избежать тавтологии) литовское *valdyba* ‘правление’. В некоторых русских изданиях вообще стала наблюдаться тенденция давать без перевода и даже без транслитерации, на языке оригинала, названия любых официальных инстанций: «Она пошла в *Vilniaus apskrities teritorinés gynybos rinktiné*, написала там заявление, как требовалось» (ЛК, № 34, авг. 1997 г.).

Если же составное наименование организации либо учреждения переводится на русский язык, то его сокращенное обозначение инициальной аббревиатурой обычно лишь транслитерируется. Так, наименование военной структуры *Savanorių krašto apsaugos tarnyba* переводится на русский как *Добровольче-*

ская (либо *Добровольная*) служба охраны края, но сокращенно чаще обозначается *СКАТ*, а не *ДСОК*. В живой разговорной речи практически употребляется лишь *СКАТ*, очевидно, потому, что при пользовании обоими языками проще помнить и использовать общую номинативную единицу, тем более, что и в «материковом» русском языке есть аббревиатуры, восходящие к иноязычным наименованиям (ср. *НАТО*, *ЮНЕСКО* и т. п.). Кроме того, анализируемая литовская аббревиатура благозвучнее соответствующей русской. Отметим попутно, что в переводном русском наименовании слово *край* (охрана *края*, т. е. Литвы) используется в нехарактерном для него значении 'страна, государство'.

Наше время коренных преобразований не скупится на новое в жизни, требующее языкового выражения, однако нынешний этап бытования русского языка в Литве характеризуется не только количественным увеличением в нем неологизмов, но и особенностями самого процесса именованья. Так, ранее новшества в Литву в основном приходили «из центра», и задачи номинации сводились к подбору литовских соответствий к русским неологизмам. Если же нечто новое появлялось в самой Литве, то региональные русские неологизмы получали быстрое распространение, тиражируясь в дублирующихся по содержанию двуязычных текстах надписей, вывесок, всевозможных бланков и формуляров. Транслитерируемые (транскрибируемые) безэквивалентные литовские слова-реалии обретали в русском языке региона обязательную для всех единую графико-произносительную и грамматическую форму, например: *apylinkė* 'административно-территориальная единица Литвы' — *апилинка*.

Что же касается русских неологизмов последнего времени, то они не только функционируют в графико-произносительных вариантах (ср.: *магистратура* / *магистрантура*, *габилитированный* / *хабилитированный* доктор наук¹¹), но зачастую вообще неизвестны носителям русского языка, что делает неизбежным литовские инкрустации в русской речи. Тематически это прежде всего лексика тех сфер общественной жизни, которые обслуживаются исключительно государственным языком, и подобное явление известно всем языкам в их зарубежном бытовании.

Представление о характере иноязычных включений в некодифицированной речи русского населения Литвы дает юмо-

реска Р. Пайпа, стилизованная под письмо пожилого читателя в редакцию газеты. Художественный текст, естественно, не адекватен живому языку, но в нем верно подмечена и отображена новая тенденция. Приведем отрывок из этой юморески:

«Мы с бабкой живем хорошо, слава Богу. За квартиру тоже не платим и нас ни разу не отключали. Дело простое. Иду в *сенуний* и там говорю, что денег нету. Они меня виртуально посылают в *содр*. Иду в *содр*. *Содр* дает *попирусъ*. Обрато иду в *сенуний* и даю *попирусъ*, *сенуний* берет *попирусъ* и дает *пажимейс*. Обрато иду в *содр* и даю *пажимейс*. *Содр* берет *пажимейс* и дает *попирусъ*. Обрато иду в *сенуний*, отдаю *попирусъ*, *сенуний* берет *попирусъ*, пишет меня в журнал и я им обрато бесплатно ни хрена не плачу» (Пон., № 32, авг. 1997 г.).

Такой текст без комментариев понятен только в Литве. Литуанизмы, как и следовало ожидать, относятся к официальной сфере, обслуживаемой исключительно литовским языком. Это названия учреждений: *сенуний* — искаж. лит. *seniūnija*; *содр* — искаж. лит. «*Sodra*» (< *socialinis draudimas*) ‘фонд социального страхования’; документов: *попирусъ* — искаж. лит. *popierius* ‘бумага, документ’; *пажимейс* — искаж. лит. *pažymėjimas* ‘справка’.

Средства массовой информации, как известно, играют важную роль в выработке и введении в широкий обиход новых номинативных единиц. Тиражирование региональных неологизмов в русском языке Литвы осуществляют в основном выходящие здесь газеты, поскольку доля эфирного времени собственных радио- и телепередач на русском языке в стране весьма незначительна. Так, именно в прессе впервые появился неологизм *сигнатор* как эквивалент литовского слова *signataras* ‘лицо, сторона, подписавшая документ’ (<лат. *signator* ‘прикладывающий печать как свидетель’). *Сигнатор Акта 16 февраля* и *сигнатор Акта 11 марта* — почетный титул лиц, чья подпись стоит на документе, провозглашающем независимость Литвы (1918 г.) либо восстанавливающим эту независимость (1990 г.). И если в отдельных случаях семантика безэквивалентного литовского слова может быть передана описательно, то в других, например, в названии мемориального объекта *Signatarų namai* (Дом *сигнаторов*), лексическая лакуна русского языка настоятельно требует заполнения. Коммуникативно ценный неологизм *сигнатор* вполне приемлем с точки зрения норм русского языка, поскольку корень этого

латинизма уже известен русскому языку (ср. *сигнал*, *сигнатура*), а модель, по которой он образован, является продуктивной (ср. *организатор*, *ликвидатор*, *регистратор* и т. п.).

Отражает пресса и сложности передачи специфической литовской лексики в русском тексте. Так, широкая кампания по борьбе с реализацией и потреблением фальсифицированной водки, проходившая под девизом *Negerk pilstuko kaukolinio!* (в вольном переводе — *Не пей смертельно опасную поддельную водку!*), сделала весьма часто встречающимся слово *pilstukas* ‘поддельная водка, разбавленный технический спирт’ и стимулировала поиски его эквивалента в русском. Передавалось это слово путем транслитерации:

«Недавно на рынке Гале задержали троих торговцев *пилстукасом*» (Пон., № 19, май 1997 г.).

Наблюдались и попытки подобрать адекватные, стилистически сниженные, русские номинативные единицы. Так, по-разному сообщают газеты о конфликте между пациентами и персоналом в Вильнюсском центре социальной и психологической реабилитации:

«В ночь на пятницу, около часа, контролеры заметили, что 8 пациентов, которые лечатся в центре от алкоголя [sic! — Б. С.], распивают *самопальную “бражку”*» (ЭЛ, 9 авг. 1997 г.).

«В конце прошлой недели контролеры ночью заметили, что восемь проходящих лечение от алкоголизма распивают *“самопал”*» (ВН, 13 авг. 1997 г.).

Можно отметить и попытки калькировать слово *pilstukas* (<лит. *pilstyti* ‘разливать’):

«В. С. ... дважды наказывался в административном порядке за распитие алкогольных напитков в общественном месте и хранение *“разливухи”*» (ЛР, № 46, июль-август 1997 г.).

Сохраняя мотивированность литовского слова, неологизм *разливуха* напоминает о русских словах, предшественниках того же тематического ряда — *сивуха* ‘плохо очищенная водка’ и *бормотуха* ‘низкосортное крепленое вино’.

В Литве сейчас уделяется большое внимание нормализации литовского языка, разработке собственной терминологии, очищению языка от излишних заимствований, устранению из

речи неудачного копирования иноязычных образцов, в частности, русских. Обретение независимости, отход от советского прошлого диктует стремление многое назвать по-новому, по-своему или же продолжить прерванные языковые традиции довоенной Литвы. И теперь уже русский язык порой грешит против собственных норм, механически воспроизводя литовские единицы номинации. Среди узаконенных, но, к сожалению, безупречных русских новообразований в Литве можно отметить, в частности уже упоминавшееся *страны Балтии, Министерство охраны края* (где *край* — ‘страна, государство’). Последняя номинативная единица обозначает не учреждение краеведов или сторонников охраны окружающей среды, а оборонное ведомство Литвы.

Бездумное калькирование чиновниками литовских наименований ввело в обиход устойчивое словосочетание *высшая школа* в значении ‘среднее специальное учебное заведение’. Интересно отметить, что в Литве училища и раньше назывались *aukštesnioji mokykla*. Это наименование, содержащее прилагательное в сравнительной степени, хорошо вписывается в триаду: *mokykla* — *aukštesnioji mokykla* — *aukštoji mokykla* (букв.: ‘школа’ — ‘более высокая школа’ — ‘высокая школа’). Термин *technikumas*, как неисконный, был выведен из литовского словаря, что определило и судьбу его русского соответствия. Бывшие техникумы и училища теперь по-русски называются *высшими школами*, что никак нельзя признать удачной номинативной находкой. Во-первых, сочетание *высшая школа* уже называет высшие учебные заведения в совокупности (или абстрактно), а омонимия терминов в пределах той же тематической сферы затрудняет коммуникацию. Во-вторых, налицо семантическая несообразность: превосходная степень *высший* никак не увязывается со «срединностью» обозначаемого этапа образования.

Смена наименования не всегда является необходимым следствием существенного преобразования объекта номинации: нередко она лишь манифестирует новую языковую политику, отражает новое восприятие старого явления. И такие изменения в литовском узусе не проходят безболезненно для зарубежного русского языка, который не всегда может следовать общерусскому употреблению. В результате одни и те же или предельно сходные реалии начинают по-разному называться в России и в Литве. Ср.: *соцобеспечение* — *социальная*

защита, опека; детский дом — дом опеки детей; отдел кадров — дирекция персонала; камера предварительного заключения — арестантская, Организация Объединенных наций — Соединенные Нации; художественный — игровой фильм (ср. игровое кино в русском узусе); мультипликационный — анимационный фильм и т. п. Последний пример интересен тем, что оба варианта наименования регулярно сталкиваются на страницах газет, выходящих в Литве на русском языке: в программах местного телевидения, переводимых с литовского языка, последовательно используется слово *анимационный*, в то время как в публикуемых там же программах российского телевидения, взятых из русских источников, встречаем исключительно синоним *мультипликационный*. Слова-синонимы, таким образом, получают региональную «прописку».

Особо следует сказать об изменениях в наименованиях, вызываемых стремлением придать сигнификату «щадящий» характер: не *инвалиды*, а *люди с недугом*; не *умственно отсталый*, а *особый* ребенок, ребенок *с особым интеллектом* и т. д. Нельзя, впрочем, не отметить, что подобные новые региональные русские наименования, появившиеся вслед за породившими их литовскими (которые, в свою очередь, нередко копируют западноевропейские образцы) порой опережают по времени появления соответствующие неологизмы в русском языке России.

Литовская лексика как стилистическое средство в русском тексте

Обособленность государственного развития Литвы, разумеется, способствует проникновению литуанизмов в русскую речь, но это все же лишь количественные изменения. А вот приобретение литовским языком статуса государственного вызвало и качественные изменения во взаимодействии литовской и русской лексики. Разграничение функций литовского и русского языков сделало возможным намеренное использование единиц литовской лексики в русском тексте в определенных художественных целях (более сложных, нежели имитация чьей-либо речи, как в вышеприведенной юмореске), чего не было ранее, когда языки применялись параллельно.

Государственный язык — это язык власти, поэтому недовольство какими-то ее действиями может сообщать негативную коннотацию элементам ее языка. Чужое слово, употребленное вместо эквивалентного своего, являясь скрытой цитатой, привносит в повествование голос «другого», давая тем самым основание для диалога или полемики, выражения авторского отношения к сообщаемому¹². В качестве коннотативных синонимов нейтральных русских слов используются прежде всего литовские слова с интернациональными корнями, понятные без перевода. Так, *электра* — это не просто электричество, а производимая в Литве электроэнергия, которую по вине местных властей перестали экспортировать, в силу чего она стала дороже обходиться местному потребителю:

«Энергетики Литвы больше не продают “электру” за рубеж» (ЛК, № 29, июль 1997 г.).

«Компромисс будет найден, но цена на “электру” для нас с вами уже никогда не понизится» (ЛК, № 30, июль 1997 г.).

В следующей короткой заметке автор, намеренно придавая литовский облик словам *Достоевский* и *театр*, как бы намекает на недостаток «русскости» в непонравившейся ему театральной постановке и, возможно, в театре в целом:

«7 и 9 мая в Русском драмтеатре премьера спектакля. Ф. Достоевский написал «Идиот», американский литовец А. Ландсбергис написал по роману пьесу «Сказка идиота». Пьесу поставил литовский литовец А. Варнас. Вот такой получился *Достоевскис* в русском театрасе» (ЛК, № 19, май 1997 г.).

Может иронически употребляться и слово, сходно звучащее в литовском и русском языках в силу общности происхождения корня: *paβėgėlis* — *беженец*. В приводимом ниже примере литовским словом названы нелегальные мигранты, стремящиеся транзитом через Литву пробраться на Запад, а ирония вызвана действиями властей, проявляющих, по мнению автора, чрезмерную о них заботу:

«Отныне “пабегелисам” совершенно ни к чему рваться дальше в Европу, они вполне законно смогут обосноваться в самом ее центре» (Респ., 2 авг. 1997 г.).

Литовское слово может вступать в неожиданные семантические отношения с русскими словами текста, становясь объектом языковой игры, как это происходит с лексемой *interesantas* ‘посетитель, пришедший в учреждение по какому-либо делу’:

«...Был час пик, обалдевший светофор и много машин, водители которых с любопытством наблюдали процесс латания и разрисовывания асфальта. В Сейме таких называют красивым словом “*интересанты*”. *Интересанты* ругались и грозились вступить в рукопашную схватку с оранжевыми мужиками [дорожными рабочими в форменных жилетах оранжевого цвета. — Б. С.]. Первым было интересно проехать по улице, а вторым — закончить латать и рисовать. Несовпадение интересов грозило перерасти в уличные бои» (Пон., № 30, июль 1997 г.).

Иногда в подобном экспрессивном контексте используется не литовское слово, а его семантическая русская калька. Приведем пример из «Пупакенских новостей» газеты «Понедельник»:

«Побывавшие в Пупакенай шефы международной антикоррупционной организации обещали создать пупакенский краевой антикоррупционный центр. Это — глупо. Сам посуди, пупакенец: на черта *краю* — центр?» (Пон., № 37, авг. 1997 г.).

В шутовском географическом названии *Пупакенай* (пуп Земли? центр Европы?) читатель без труда угадывает Литву, а слово *край* здесь — буквальный перевод литовского *kraštias*, которое может означать не только ‘край’, но и ‘страна, государство’. Именно в таком значении, нехарактерном для современного русского литературного языка, слово *край*, как уже отмечалось, используется ныне в составных наименованиях ряда структур и служб Литвы. Ср.: *Министерство охраны края*, *Добровольческая служба охраны края* (т. е. всей Литвы). И эта несообразность также не остается незамеченной публицистами, давая повод для обыгрывания. Так, в «Понедельнике» в язвительных, памфлетных по тону «Слухах от Секретарши» (*Секретарша* — мифический автор этой постоянной рубрики) читаем:

«Поговорю на военную тему. Из Америки вернулся министр *крайней охраны* (или как ее там?) Ч. Станкявичюс» (Пон., № 44, окт.-ноябрь 1997 г.).

Словесные игры, впрочем, могут становиться и самоцелью: ср. отклик в «Понедельнике» на открытие в Вильнюсе нового моста через реку Нерис:

«Гордое имя моста — Шило — вызывает совершенно дурацкую ассоциацию с Мылом, что еще раз подтверждает: незнание государственного языка приводит к ассоциациям» (Там же).

Название мосту (вполне обычное) дано по одноименной улице, продолжением которой он является. Лит. *šilo* (род. п. слова *šilas* 'хвойный лес, бор') и его русский омограф *шило* искусственно сближены, чтобы оправдать последующий пассаж об ассоциациях. Языковая игра здесь построена также на двузначности слова *ассоциация*, которое в первом случае реализует свое абстрактное значение 'связь представлений, мыслей', а во втором может быть понято как 'объединение, организация лиц для достижения общей цели' (намек на возможное объединение недовольных вступившим в силу законом о государственном языке).

Можно отметить в публицистике постсоветского времени и окказионализмы, образованные с участием элементов литовской лексики. Таковы, например, *президенция* (ЛК, № 20, май 1997 г.) — контаминация литуанизма *президентура* 'резиденция президента' и освоенного русским языком латинизма *резиденция*; *сейминаристы* (ЛК, № 21, май 1997 г.) 'члены сейма' по модели *семинаристы*. Встречаются и более пестрые по природе образования. Ср. резюме заметки «Понедельника» о награждении литовского интеллектуала французским орденом Почетного Легиона:

«А то тут некоторые думали, что легионером может быть только *корзинбольщик*, *шайбовик* или *мячевик*! То-то!» (Пон., № 33, авг. 1997 г.).

Экспрессивность цитируемому высказыванию обеспечивает уже слово *легионер*, которое может быть понято одновременно как 'спортсмен, играющий по контракту в команде другой страны' (модификация более старого значения 'наемник,

солдат Иностранного легиона') и — контекстуально — как 'кавалер ордена Почетного Легиона', поскольку «вне зависимости от данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность»¹³. Повышают экспрессивность текста, придавая ему «местный колорит», окказионализмы: *корзинбольщик* — дериват полукалькированного англицизма баскетбол (ср. *корзинбол* в Пон., № 26), образованный при помощи русского агентивного суффикса и напоминающий о соответствующем литовском слове *krepšininkas* с той же семантикой корня; *шайбовик* и *мячевик*, построенные по продуктивной литовской словообразовательной модели (ср. лит. *ritulininkas*, *tinklininkas* и т. д.). Таким образом, мы можем констатировать возросшую активность взаимодействия литовской и русской лексики, проявляющегося в Литве как на уровне речи, так и — в коммуникативно оправданных случаях — на уровне языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения:

ВН — «Вечерние новости»; Пон. — «Понедельник»; ЛК — «Литовский курьер»; Респ. — «Республика»; ЛР — «Летувос ритас»; ЭЛ — «Эхо Литвы»; Обз. — «Обзор»

¹ Обширная литература по обсуждаемому вопросу приводится в библиографическом указателе в сб.: Контакты русского языка с языками народов Прибалтики. Рига, 1984. С. 172–180.

² Подр. см.: Синочкина Б. М. Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка в Литве // *Kalbotyra*. Серия 2. Вильнюс, 1990. № 41.

³ Синочкина Б. М. О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве // *Kalbotyra*. Серия 2. 1989. № 40.

⁴ О литовских словах-реалиях см.: Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985. С. 64–68.

⁵ Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.

⁶ О специфике некодифицированной русской устной речи в Литве см.: Авина Н. Некоторые наблюдения над устной речью русских в Литве // *Lingvistiniai ir metodiniai negimtosios kalbos dėstymo ir mokymosi klausimai*. Vilnius, 1990. P. 3–7.

⁷ Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. М., 1992, № 6. С. 5.

⁸ Все количественные показатели здесь, а также во всех таблицах приводятся по данным Департамента статистики при правительстве Литовской Республики: http://www.std.lt/Surasymas/Rezultatai/index_pirm.htm

⁹ Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984. С. 208–209.

- ¹⁰ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 56.
- ¹¹ Данные слова, называющие новые общественные реалии, стали широко употребляться в русском языке Литвы задолго до их первой фиксации в русских словарях. В литовском языке эти интернациональные наименования обладают фонетико-морфологическими отличиями (*magistrantūra, habilituotas daktaras*), что делает нестабильным русский облик данных неологизмов в Литве.
- ¹² Об аналогичной роли варваризмов-русизмов, обозначающих негативно оцениваемые реалии советского времени в языке зарубежной литовской прессы, см.: Синочкина Б. М. О некоторых проявлениях оппозиции «свое» — «чужое» в русском и литовском языках // Язык. Общество, Культура. Вильнюс, 1997. С. 63–64; Sinochkina B. «Ours» and «Theirs» in the Language and Mentality of American Lithuanians // Global Eurolinguistics: European Languages in North America — Migration, Maintenance and Death. Tübingen, 2001. P. 351–353.
- ¹³ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 17.

РУССКО-НЕМЕЦКИЙ БИЛИНГВИЗМ И РУССКИЙ ЯЗЫК: ОПЫТ ГЕРМАНИИ

Екатерина Протасова

Я все время вижу висящий передо мной вопрос. Ищу ответ на него, но пока не нашел. И вопрос этот связан с тем, что, не будучи русским по крови, я связан с Россией, прожив здесь всю жизнь. С другой стороны, многое из того, что я написал, как-то связано с немецкой музыкой и с идущей из немецкого логикой, хотя я специально и не хотел этого.

А. Шнитке

(Из «Бесед с Альфредом Шнитке»,
сост. А. В. Ивашкин)

Вместе с распадом СССР и расширением эмиграции из России развивается и существование русского языка в диаспоре. Рассеяние оказывает определенное воздействие на его структуру и функции: он уже не является доминирующим государственным языком, нормализуемым школьным обучением, таким, которым можно пользоваться во всех общественных сферах. Встает вопрос о сохранении русской фонетики, грамматики, лексики в условиях иноэтничного окружения. Контактируя с языками новых мест обитания, русский меняется, приспособляясь к иному образу жизни, иной культуре. Билингвы пользуются русским в ситуации, когда, может быть, более естественным было бы говорить на другом языке, и прибегают к заимствованиям, калькам, смешениям. В результате обмена между коммуникантами накопление таких индивидуальных изменений может привести к институционализации некоторых признаков новой речи, использованию стандартных выражений, отклоняющихся от языковой нормы страны исхода по одним и тем же формулам у всех носителей. Таким образом могут возникать новые региональные варианты русского.

Протасова Екатерина Юрьевна, доктор педагогических наук, Исследовательский коллегийум Хельсинкского университета (Финляндия).

Термин «плюрицентричный язык», характеризующий язык, одновременно существующий как средство коммуникации в разных местах земного шара, был впервые употреблен Х. Клоссом в 1952 г., но особое распространение получил после второго издания той же работы в 1978 г.¹ Опираясь на опыт существования немецкого языка в иноэтничном окружении, Х. Клосс показал, что языки изменяются под воздействием среды, причем хотя бы в одном или нескольких очагах существования для языка вырабатывается и поддерживается кодифицированный вариант. Развивая эти идеи, М. Злаин и его сотрудники обобщили опыт существования уже не только немецкого, но и других языков (португальского, испанского, тамильского, французского, английского, корейского, арабского, китайского, армянского, хинди-урду и др.) в параллельно развивающихся, но не идентичных культурных, политических и экономических условиях. Такое множественное существование одного и того же языка приводит к тому, что его носители чувствуют себя как бы едиными, но в то же время разобщенными². Варианты немецкого языка активно исследуются и описываются. Это касается и бытования немецких диалектов в Германии, и диалектов германоязычных меньшинств в Польше, Румынии, во Франции, Италии, Австралии, США и других странах³. Немецкий язык, сохраняющийся в разных регионах мира, остается немецким языком, в частности, потому, что его считают таковым сами носители языка и потому что Германия выражает явную устремленность считать все диалекты и контактные формы метаморфозами единого немецкого.

В каждом языке, в соответствии с особенностями исторического и экономического развития, появляются или исчезают определенные слова, выражения. В ряде случаев плюрицентричные языки испытывают еще и воздействие других языков, т. е. развиваются в ситуации языкового контакта, и тогда ими заимствуются иноязычные лексика и грамматика либо происходят другие изменения, как то: упрощения, выпадения, выравнивания, переносы и т. п.⁴ В течение долгого времени так развивался и немецкий язык в России. За годы своей жизни здесь многие немцы овладевали русским языком на очень высоком уровне и могли считаться компетентными и грамотными его носителями⁵. Более того, в связи с разнообразными политическими событиями и пертурбациями они часто переходили на русский язык, особенно в течение последних 50 лет,

и забывали родной, т. к. русский был единственной возможностью получения образования, в частности, высшего. Н. Беренд, ведущий специалист в области диалектов российских немцев, считает, что в них присутствует некоторая доля русского влияния, а также влияния других языков, среди носителей которых жили немцы (например, украинского); в то же время русский язык российских немцев подвергался воздействию немецкого⁶.

По мнению П. Розенберга и Х. Вайдта, интенсивно исследующих возможности поддержания немецкого языка как родного в России, сложные в политическом отношении тексты не могут сформулировать по-немецки даже представители организации «Возрождение» («*Wiedergeburt*»), ратующие за сохранение русскими немцами своей национальной идентичности. Это связано, во-первых, с недостаточным знанием ораторами немецкого языка; во-вторых, с плохой подготовкой аудитории к восприятию сложного дискурса на литературном немецком языке; в-третьих, с отсутствием в немецких диалектах лексики, соответствующей уровню и содержанию проводимых дискуссий⁷.

О забывании немцами родного языка в пользу русского говорит и К. Кох, называя цифры: 70–80%⁸. Когда российские немцы возвращаются на свою историческую родину, практики их речевого общения претерпевают существенные изменения, по-разному происходящие в зависимости от возраста переезжающих, их предварительных языковых знаний, возможности и готовности учиться. Так, люди старшего поколения достигают понимания как устной местной речи, так и литературного немецкого по телевидению и могут немного читать, причем это происходит за счет сохранившегося у них своего диалекта, не совпадающего с той речью, в которую они оказываются погруженными. Более молодые люди стараются изучить немецкий язык в рабочем процессе, хотя посещают и языковые курсы. Дети в наибольшей степени оказываются интегрированными в новую среду, и сохранение русского языка зависит от усилий семьи. Однако можно сказать, что именно русский язык к моменту переезда в Германию является основным средством общения среди российских немцев.

За последнее десятилетие в Германию их переехало около двух миллионов. Чем позже (относительно первых переселенцев) приезжают туда немцы, тем хуже (по официальным

данным) знают они немецкий язык как родной, со всеми признаками диалекта. В то же время информация о необходимости языковой подготовки к переезду передается тем, кто готовится эмигрировать, и они, если имеют возможность, начинают заранее учить немецкий; это оказывается литературный язык в том виде, как он преподается в России.

Интеграция в германское сообщество охватывает все области жизни человека и предполагает равноправное участие иммигрантов в хозяйственной, общественной и культурной жизни. Проблемам интеграции российских немцев посвящена книга Б. Дитц и П. Хилкеса, считающих, что большинство переселенцев имеет хорошие знания русского языка и плохие — немецкого. Старшее поколение владеет немецким диалектом или хотя бы понимает его. Молодые поколения свободно говорят по-русски, а по-немецки только в тех случаях, когда до переезда в Германию компактно проживали в немецкоязычных «островках», в не затронутых депортацией колониях.

Исследователи подчеркивают, что русский язык входит в круг идей, определяющих самоидентификацию переселенцев, выполняет функцию поддержки и солидаризации. Для молодежи он играет важную роль как средство коммуникации с друзьями. В свободное время иммигранты общаются, в основном, со своими родственниками и знакомыми, говорящими на русском языке⁹. Исследователи отмечают, что во многих семьях родители считают необходимым сохранение детьми русского языка. Особую пользу в развитии двуязычия видят представители старшего поколения, на своем опыте познавшие, что владеть несколькими языками лучше, чем одним¹⁰.

На основании всего вышесказанного естественно предположить, что переезжающие в Германию российские немцы будут, хотя бы частично и в первое время после своего переселения, пользоваться в общении между собой русским языком. Кроме того, русскоговорящее сообщество в Германии включает в себя также евреев из бывших республик СССР, а также лиц, заключивших браки с немцами или переехавших в Германию в связи с работой, для которых русский является безусловно первым, основным и родным языком. Отличие состоит в том, что российские немцы приезжают в Германию именно как немцы (им вручают паспорт ФРГ в течение 24 часов после прибытия), а другие русскоязычные иммигранты не имеют этого статуса.

Растущие контакты между странами влияют на поддержание русского языка. На нем выходит около 50 газет и журналов, сообщающих новости из стран СНГ, дающих дайджест европейской прессы, занимающейся проблемами русскоязычных в Германии. Кроме того, можно принимать передачи российского телевидения, прежде всего первого канала. Русскоязычные СМИ, вечерние или субботние школы выполняют функцию поддержки норм русского языка, представительства российской культуры и знакомства с мировой. В связи с этим небезынтересен вопрос о том, в какой форме сохранится русский — как родной или как один из основных языков у тех, кто переехал в Германию и вынужден общаться на немецком языке, а также у их потомков. Может ли вообще русский язык сохраняться как язык меньшинства в ситуации сбалансированного билингвизма, происходят ли при этом какие-то изменения в лексике и грамматике языковых систем носителей? Этот вопрос становится все более актуальным по мере принятия новых законов о языке в бывших республиках СССР и на Западе.

Известно, что в многоязычных сообществах на речевой выбор говорящего влияет сложный комплекс исторических, политических, экономических, социальных и культурных факторов, причем результаты заполнения анкет и высказывания носителей языка, касающиеся их самооценки в отношении речевого поведения, не позволяют составить картину реального употребления речи, а, скорее, являются выражением их языкового сознания¹¹. Многое зависит от политики, которая проводится в государстве по отношению к доминирующему языку и языкам лингвистических меньшинств, общин, групп¹².

Знание родного языка помогает выжить, благодаря тесным контактам внутри языкового сообщества, но и одновременно мешает полноценной интеграции в доминирующий язык и культуру. Именно поэтому особое значение приобретает полноценное развитие билингвизма на всех уровнях¹³. Этой же позиции придерживаются и другие исследователи, считающие, что родной язык, если он отличается от языка, доминирующего в обществе, нужно преподавать детям в детском саду и во всех классах школы, поскольку только на основе полноценного когнитивного и глобально-лингвистического развития может происходить усвоение второго языка¹⁴. Существует термин «языковая лояльность», означающий готовность языкового большинства и меньшинства принимать ситуацию двуязычия

и справляться сообща с возникающими проблемами, а также, или даже прежде всего, положительно относиться к собственной личности¹⁵. Иными словами, в любом мультикультурном обществе можно найти или создать предпосылки для использования и сохранения своего родного языка, однако для этого его носители и социум в целом должны предпринимать специальные усилия по нормализации ситуации.

По поводу того, что происходит с родным русским языком за границей, есть несколько теорий. Ю. Н. Караулов предлагает оценивать родную речь эмигрантов, исходя из трех уровней структуры языковой способности носителя: грамматико-синтаксического, когнитивного и мировоззренческо-прагматического. Он считает, что авторы русского зарубежья, отрицая господствующий в стране исхода языковой стандарт, осознанно подчеркивали отличия своих концептуальных схем, когнитивных моделей действительности, прагматических установок и смысловой направленности речевой деятельности от существующих на родине.

Другие ученые полагают, что язык подвергается изменению, механизм которых заложен внутри самой системы языка, позволяя приспособливаться к окружающей действительности, в том числе и к лингвистической ситуации. Есть позиция, согласно которой желание освоить второй язык и культуру коррелирует с сохранением первого языка и культуры. Вероятно, у современных эмигрантов установки несколько отличаются от тех, что характеризовали мировоззрение прежних поколений. Все же не исключено, что социально-политическая позиция говорящего может влиять на его речевое поведение в новых условиях¹⁶. В частности, русские немцы, стремясь наверстать упущенное, сознательно переходят на употребление в русской речи как можно большего количества немецких слов и выражений. В то же время они не хотят зачеркивать свое прошлое, связанное с исторически сохранившейся культурой российских немцев, русской культурой и с культурами тех народов, среди которых они жили.

Среди современных русскоязычных эмигрантов есть люди, настроенные ассимилянтски, антиассимилянтски и сознательно подходящие к развитию двуязычия и овладению нормами двух культур¹⁷. По нашим данным, русский язык изменяется в эмиграции под воздействием доминирующего языка на всех уровнях, причем тип влияния и количество изменений зависят

от возраста носителей, от возраста, в котором произошло их столкновение с новым языком; от типа занятости, самосознания, самоидентификации с маргинальной группой культурно-языкового меньшинства или этнического большинства; от времени проживания в стране, степени овладения письмом и потребности в использовании русского¹⁸.

Таким образом, в ситуации русско-немецкого билингвизма есть предпосылки для сохранения русского языка как родного или полноценно сформированного, есть условия для овладения вторым языком. В настоящей работе мы ставим перед собой следующие цели:

- 1) показать, что ситуация многоязычия осознается носителями русского языка в Германии;
- 2) описать их отношение к русской культуре и русскому языку;
- 3) проследить, происходит ли переход от одной культуры к другой;
- 4) выявить некоторые особенности влияния языка окружения на русский.

Материалом для анализа послужили магнитофонные и видеозаписи интервью и повседневных речевых ситуаций в семьях российских немцев и русскоязычных эмигрантов, проживающих в Германии от полугода до десяти лет. Исследование проводилось при поддержке Института немецкого языка (г. Мангейм, ФРГ) и Немецкого исследовательского общества. Хотелось бы выразить особую признательность К. Менг, а также Н. Беренд, У. Райтемайеру и Г. Штикелю за помощь в организации и проведении работы.

Русский язык после переезда в Германию теряет старые и приобретает новые функции. Некоторые пожилые эмигранты говорят, что для них этот переезд — как бы возвращение в детство: красивые витрины и надписи на немецком языке. Другим привычна ситуация многоязычия, она оказывается даже более яркой, чем в прежней жизни, хотя языком межнационального общения выступает уже не русский, а немецкий. Многие подчеркивают, что они положительно относятся к России (в широком понимании — как к бывшему СССР). Они гордятся прошлым и с болью вспоминают многие моменты своей судьбы, переживают из-за настоящего. Трудности с немецким языком остаются довольно долго, особенно тогда, когда работа не связана с общением с другими людьми.

Примером позиционирования в новой среде, поисков наиболее точного отражения идентификационной рефлексии может служить разговор с переселенцем, состоявшийся после того, как он прожил в Германии один год и два месяца (возрастная группа: 50–60 лет).

«И. (исследователь). У Вас никаких проблем нету с немецким языком здесь?»

Р. (респондент). Да я не знаю, она и есть, и нет. Ну, не/ [данный знак в тексте интервью означает запинку, недосказанность. — Е. П.] не главная это проблема, немецкий язык.

И. Да, но Вы работаете?

Р. Да.

И. Ну, и на работе Вы говорите спокойно со всеми?

Р. Ну, говорю так, когда надо.

И. А работа такая, что много нужно говорить или мало?

Р. Нет, разговора немного.

И. Ну, у Вас не бывает, что Вы не понимаете чего-то или Вас не понимают?

Р. Нет, ну, я их не понимаю, когда они спешат, или/ или вот это, разговор такой, ну у каждого человека, да и на русском языке ж тоже, у каждого разговор свой такой, не сразу поймешь, да, есть же такие? Так и здесь. Если нормально скажут, я почти/ почти сто процентов понимаю. Но, правда, если язык технический, тогда могу не понять. Чисто технический язык.

И. А у Вас какая работа — связанная как-то с техникой?

Р. Нет, с техникой не связана, но все равно, он какой-то/ в какой-то степени он все равно технический. Ну это не то, что кухонный разговор, туда, сюда, так. Такой разговор я понимаю без проблем.

И. А Вы сразу нашли тут работу?

Р. А, да нет, тоже не сразу, тоже поискать надо было.

И. А как к Вам на работе там относятся — нормально?

Р. Да нормально, как, это сам/ как ко всем, я поним/ я так полагаю. Там, мне, ну в смысле, что я российский что ли или чего там такое? Нет, такого здесь/ тут же со всего света все работают, со всего света! Мы думали, у нас в России там э/ такая многонациональная, а здесь — куда там! Тут — да, там же такой интернационал, даже и не подумаешь, что откуда они это только взяли. С Югославии, с Гре/ с Греции, вот это всех замечают там, всех вот, всё. Сегодня один/ с откуда ж он был, с ка-

кой-то африканской страны. Как же он/ это знакомая. Ну, э/ с Туниса-то это, да. А кто он, как же/ Танзания, или как же он там/ Черный-черный такой мужик, хороший, приятный мужик. Мы там, в России же нас, вот этих, африканских, африканцев вроде как все полудикие какие — он вполне цивилизованный э/ грамотный человек. И рассказывает про свою страну там/ м/

И. Вы с ним по-немецки все, да?

Р. Ну конечно. Ну, так, между/ между людьми немецкий язык. А вот так си/ бывает, сидят, если группа итальянцев сидит, там вообще немецкой речи не слышно. Или туре/ т/ среди турков. А между собой только по-турецки они говорят. А их много, особенно итальянцев и турков. Но, они, они вот тут вот, когда э/ разговаривают, так, если, допустим, кто с какой страны, вот, «Wo ist der Pole? Wo ist der Russe?» [Где поляк? Где русский? — Е. П.], ну, на меня.

И. Ну и что Вы говорите?

Р. Нет, ну если кого спрашивают обо мне, то, естественно, я не слышу. Для югослава говорят «юго», «Wo ist der Jugo?» Но так говорят, так говорят, не по имени ведь называют.

И. А откуда Вы приехали?

Р. С Актюбинска, из Казахстана. Но они считают нас все равно русскими. А особенно, особенно эти, ну итальянцы считают нас русскими. Я говорю — ну как русские? Я все-таки, я не русский. Хоть я и жил там, родился, но всегда меня считали немцем там, там никогда я русским сделаться не мог, ну, вернее, я и не хотел, и незачем было, и у каждого была своя нация. Там же так было, в России? А/ да и потом ну немцам там всегда и напоминали, кто ты такой есть. Я, допустим, всегда давали знать, ну, конечно, так не обижали, там, уже, такой национальной/ так не прижимали, как вот, конечно. Ну все равно, на/ нацию напоминали. Ну, если в детстве-то, конечно. Ну в детстве, но детство давно прошло уже. Потом такого уже не было. Но нацию там не забывали, все равно, кто бы там ни был. Потом, почему, я говорю этому итальянцу, почему я именно русский, я же жил в Казахстане, может, ты уже казахом меня лучше назовешь? Какой же я это/ почему русский, я же все-таки в Казахстане жил? А он вообще не имеет понятия о России, они много хотят, кое-кто, говорить о России, а в самом деле они ни черта ж не знают о ней, ни черта. Она/ она для них была закрыта, и они совсем не хотели ничего о ней знать».

Рабочие, выполняющие стереотипные операции, говорят, что после двух лет занятости на одном месте они почти перестают слышать новые слова — разве раз в месяц удастся выучить что-нибудь ранее неизвестное. Таким образом, немецкий язык у этой группы довольно рано фоссилизирован, застывает в ограниченном количестве форм. Новое в области литературного немецкого языка (*Hochdeutsch*) поступает и воспринимается, в основном, с экрана телевизора. Удовлетворение коммуникативных потребностей происходит на русском языке или на диалекте.

Одним из факторов, влияющих на формирование двуязычия, является финансовое положение семей. Если человек может позволить себе учиться, если ему не надо сразу же начинать работать, чтобы содержать семью, то он может достигнуть более высокого уровня владения немецким. Бюрократические инстанции принимают также во внимание уровень образования и стаж работы приезжающего, и потому более интенсивные и длительные курсы назначают тем, кто сможет работать в сферах, связанных с интеллектуальной деятельностью.

Для профессий, не требующих хороших навыков письма и использования развернутой речи на литературном языке, достаточно восстановить немецкий диалект и понимать своего собеседника. В тех случаях, когда в деревнях на территории бывшего СССР преобладало или было хотя бы достаточно представлено в количественном отношении немецкоязычное население, немецкий как родной сохранялся в повседневном общении. По мнению российских немцев, это связано с тем, что в деревнях люди общаются друг с другом чаще, чем в городе. Причем иногда даже удавалось организовать преподавание немецкого как родного или хотя бы как второго в школе. В этих местах читали книги и газету «Нойес лебен» на немецком языке. Если же в деревне возникал русскоязычный детский сад или школа, то немецкий утрачивался детьми, начиная с момента перехода в систему общественного воспитания и образования.

Рассказывая о своей немецкой супруге Н., приехавший из Казахстана русский С. (возрастная категория обоих — 20–30 лет) говорит, что его деревня *«...русская была, там даже мало/ вот немцы жили/ вот они даже молодые, не могли на немецком разговаривать. Понимать — понимают, а говорить не могут. А у них [у жены. — Е. П.] деревня немецкая, они все на немецком там*

разговаривали. У них на русском — вообще/ Я вот, даже, вот я приезжаю в гости, они тогда на русском разговаривают, а если меня нет, они дома на немецком разговаривают. Всё на немецком». Н. замечает, говоря по-немецки, что теперь, после переезда в Германию, они дома больше стали говорить по-русски, потому что стесняются своего диалекта, на котором здесь никто не говорит.

С. добавляет: «Ну, они все знают все, и сестер [у Н. семь родных сестер, все проживают, равно как и родители, теперь в ФРГ. — Е. П.] спросишь — все знают немецкий, хорошо знают, все. А когда вот собираемся все, вот, у родителей, все на русском разговаривают».

Н.: «Иногда всё равно на немецком, но больше на русском».

С.: «Ну слово, два, на немецком скажут, а потом на русском опять, опять слово одно на немецком/ а дома на немецком [диалекте. — Е. П.] разговаривают».

Через девять лет после переезда в этой семье общение осуществляется, за редкими исключениями, на немецком языке. Родители работают, ребенок в детском саду, контакты с коллегами и другими местными немцами — только на немецком. На русском разговор возникает, если кто-то из российских немцев, недостаточно хорошо умеющих говорить, оказывается вовлеченным в беседу. Вообще же информанты подбирают русские слова с трудом.

О готовности принять немецкую культуру, немецкие законы, условия труда говорили многие переехавшие. В то же время переход к новой культуре, производственным отношениям часто вызывает стресс. О трудностях привыкания к непривычной ситуации и о нежелании во всем подчиняться распространенным в Германии стереотипам говорит в интервью российская немка (возрастная группа 50—70 лет). Части ее рассказа, касающиеся жизни после переезда в Германию, изобилуют заимствованиями из немецкого языка, в то время как в рассказе о прежней жизни их не встречается.

«И. А работа Вам здесь нравилась?»

Р. Нравилась, против Союза, что ты. Я там нянечкой проработала в больнице. А здесь есть, во-первых, такое распределение работы, работать хорошо всем. Во-первых, если полы мыть — значит полы, один домоет; если ухаживает за этими больными, там все, это уже так сестры и пфлегер [санитары. — Е. П.], называются они, что. А я служила так на кухне, на посуде, считай,

на посуде, вот это, э/ Там мы все делали, считай: и больных купали, и больных возили на рентген, и перестилали, и полы мыли, и за обедом к/ на кухню ходили, разношивали обед. Ну сестры подходили, помогали, так, раз/ э/ нас/ наливать там, а так разношивали всю посуду, уносили, это все нянечка там делала. А здесь вот распределёно, вот это уж мне больно понравилось, что распределёно, каждый свою работу знает, и потом немножко как-то и чище, считай, а что? То я за полы возьмусь мыть, то бегу за/ на кухню за посудой, то дай/ это ж не так. Я там и боролася, почему я и все время говорила, что мы, мы должны, вот дежурные особенно, пришли на смену, там если шестичасовые, мы должны всё — если полы — полы мыть, на еду — значит, должна буфетчица быть. Но всё ведь не хватало, платить и всего, и только/ и вот одна, вот нянечка еще одну работу производила. Я пятнадцать лет отработала / в санатории. И вот эта работа здесь мне очень понравилась. И работать можно здесь, работать если спокойнее выходит, так втянулась. Конечно, первое время с языком вот это, как сервировать столы, вот это всё, всё, всё не то. Вот это чаи подавать, кофе подавать, надо ложечки, надо вот эт/ вот это же для меня это все не так было, все это надо учиться было, тяжело! Я плакала, много плакала, пока-то я втянулась, пока поняла.

И. А Вы вообще как готовите — по-немецки или по-русски?

Р. Нет, мы вот как и там готовили, так и готовим. Ну, учимся, конечно, вот эти вурисаляде [колбасный салат, диал. — Е. П.] здесь делать, немножко я вот на кухне ж поработала, получала, видела, там эти салаты как делать, вот это, немножко знаю, во/. Ну, подхватываем. А так, в основном, готовим вот эту еду. Привыкли все-таки. Тут много с томатом ложут, надо томат, а я, примерно, не могу из-за изжоги томат. И потом вот этот соус, такой, за/ сильно, как это, зажаренный, вроде бы, этот вот зосе [соус. — Е. П.] тоже кушать не могу. Конечно, вот здесь супы если подавала, они кушают без хлеба, мы долж/ у нас должен быть хлеб на столе, а здесь без хлеба суп. Я получила через восемь месяцев квартиру, одну комнату в сеньорехаус [дом для пожилых людей. — Е. П.], и/ однокомнатную, а потом через месяц и ангебот [предложение. — Е. П.] с арбайтсамт [бюро по трудоустройству. — Е. П.] на работу, вот туда, в альтерсхайм [дом престарелых. — Е. П.], и у меня как-то пошло, пошло. Считай, вот что получила вот эти ренте [пенсия. — Е. П.] мужа, накопила немного».

Российские немцы и русскоязычные эмигранты хотели бы иметь больше интересной информации из России. Они передают друг другу затрепанные русские газеты. Некоторые тратят деньги на установку спутниковой антенны для приема российских телепередач. В отпуск многие ездили в Россию, Казахстан, Киргизию — туда, откуда они приехали. По свидетельству одной участницы беседы (русской немки, возрастная группа 20–30 лет), они с мужем (также российским немцем) охотно смотрят фильмы на русском языке, которые идут иногда по немецкому телевидению и которые они не стали бы смотреть в России:

«Интересно, конечно, все равно тянет, это, потому что по-русски ты все понимаешь, досконально, эт/ весь смысл, а по-немецки, конечно, уже сидишь и/ и думаешь. Я пробую читать эти же немецкие книги, но что непонятно — я в словарь, ага, пока найдешь, уже/ уже отвлекся, уже не то. А/ а русскую книгу возьмешь — так уп/ это, упиваешься, что там есть, так ведь? Интересно, сядешь — и уже мысли там где-то, в книге. Естественно. Все равно русское тянет очень сильно».

В русскоязычной эмигрантской среде большее, чем среди российских немцев, внимание уделяется сохранению русской культуры и языка. Для детей приобретается огромное количество книг, их учат читать и писать по-русски, их возят в Россию, чтобы показать российские святыни, поводить в театр, познакомить с любимыми местами родителей, приобщить к современной общественно-политической ситуации, чтобы не прервалась связь с родственниками, чтобы русский язык был положительно эмоционально окрашен и содержательно богат. Большое значение имеет также желание сохранить с ребенком полноценный контакт, т. е. иметь темы для разговора, близкие обоим собеседникам. Для этого от взрослых требуются ответные действия по изучению немецкого языка и культуры: чтобы говорить не только о своем, но и том, что интересно вообще всем немецким детям и подросткам, о чем дети эмигрантов говорят со своими сверстниками в школе.

В то же время не всем интеллектуалам удается найти нормальную, привычную среду существования в Германии. Она воспринимается скорее не как конкретная немецкоязычная страна, а как страна европейская, интер- и мультинациональ-

ная. При такой жизненной установке легче узнать немецкую культуру, чем немецкий язык. Да и требования к качеству владения языком совсем другие: не просто для болтовни с соседкой, а для написания научных статей и художественной прозы. Хотя и в этом случае непреодолимым часто оказывается различие родов существительных в немецком языке («Это невозможно запомнить; у меня нет никаких ассоциаций; если скажешь *der Buch*, все будут смеяться». Замечание подростка: «Нет, по-моему, это можно запомнить; для меня это не нужно никаких правил; это как-то я сразу чувствую, звучит ли это или нет»). Описанная позиция отличает некоторых эмигрантов от тех, кто понимает, что не всегда говорит грамматически правильно, но все же вступает в контакт.

Тем не менее, психолингвистические законы существования языка в ситуации контакта действуют в любом случае, но особенно явно они проявляются у детей школьного возраста. Огромное значение имеет следование школьной норме, особенно при овладении навыками рассказывания и письменного изложения мыслей. Влияние немецкого языка заметно в следующих примерах (возрастная категория — 10–20 лет):

«У нас сейчас нет религии, но вообще я обычно хожу в католическую религию, хоть я и не католик» (употреблен предлог «в» вместо «на»; название школьной дисциплины соответствует немецкому).

«Я буду до тринадцатого учиться, потому что тогда можно получить выпускной экзамен, и это очень помогает дальше» (оборот «получить выпускной экзамен» является калькой; «и» не только у этого говорящего, но и у многих других вытесняет «а», т. к. в немецком обоим словам соответствует союз «und»; «это очень помогает дальше» — перевод с немецкого, но, кроме того, это и выражение стереотипной немецкой мысли).

«Счас, надо думать» (неправильно употреблен глагол — без приставки «по-», что может свидетельствовать о начале расщепления видовой системы).

«Я эти так хорошо не знаю» (нарушения порядка слов, приводящее к восприятию предложения слушающими как построенного неправильно грамматически).

«Я учусь по-русски читать и писать» (немецкий порядок слов).

«Там теперь один из моего класса учится» (перевод числительного в ранг существительного по немецкому образцу).

«Скоро пора было уже ехать домой» (не точно немецкий, но близкий к немецкому порядок слов и немецкий стереотип).

«Дорога обратно прошла без особых происшествий» (соединение перевода с немецкого с выражением немецкого стереотипа).

«Мама, что мы всё сегодня *erlebt!*» (высказывание начинается с русского обращения, далее следует перевод с немецкого, но под конец оказывается, что соответствующего немецкой конструкции глагола в русском языке нет, и девочка пользуется формой немецкого, которая бы возникла на этом месте в соответствующем немецком предложении; «*erleben*» — «переживать, пережить, испытать», в данном случае — в положительном смысле).

Возьмем, например, такое высказывание: «Она работала чем можно». По-русски следовало бы сказать «кем», по-немецки спрашивают обычно: «*Was sind Sie von Beruf?*», т. е. «Что Вы по профессии?». Правда, и в русском есть конструкция: «Чем Вы занимаетесь?». Когда мы наблюдаем высказывание типа первого, мы не можем точно угадать, какими причинами обусловлено его появление: либо человек начал одну фразу и закончил другой, либо смешал два способа выражения, либо находится под влиянием немецкого стереотипа.

По мнению одного информанта (в Германии живет пять лет), «оторванность от языковой среды оскопляет язык». Он говорит, что только здесь почувствовал, насколько связан с русским. Если о немецком языке можно говорить как об очень удобном инструменте, по руке пришедшемся молотке или отвертке или каком-то многофункциональном приспособлении, то русский язык он воспринимает как своего рода предмет искусства, которым можно наслаждаться. Он не может наслаждаться немецким в силу того, что его не знает, но предполагает, что от него нельзя получать такого удовольствия, как от русского. Русский язык стал особой материальной субстанцией, от которой можно кайфовать. В оторванности от русского контекста ценность русского языка выросла. По словам информанта, он возвращается к многократно прочитанным текстам, к тому же Гоголю, и вдруг прямо как второе дыхание открывается, хочется буквально с каждым предложением куда-то бежать и кому-то это показывать, посмотри, как это классно, как это здорово. «Я боюсь быть пошляком, когда я это говорю, может быть, то, что я чувствую, чувствуют очень многие, но я как бы не перестаю этому удивляться». Изучение немецкого языка

обогастило, по мнению интервьюируемого, его представление о родном русском языке: он стал более объемным, выпуклым.

Проблема изменения русского языка под влиянием контактирующих с ним иностранных осознается носителями языка и переживается как неприятное, но иногда неизбежное зло. Впрочем, это зависит и от установок говорящих. Примером может служить беседа нескольких эмигрантов в возрасте от 30 до 60 лет, проживших за границей от трех до пяти лет:

«И. Изменяется ли ваш русский язык?»

А.: Это, я на самом деле уверен, что порча происходит, и я знаю это по себе, и по К., и п/ там, по В., это всё. Но, просто, я думаю, что если за этим следить/ мы просто над этим смеемся вс/ э/ все время, потому что все время происходит всякая ерунда. Такие смешные ошибки, я не знаю. Ты находишь за собой, например?»

Г.: Да, конечно.

Л.: Но я это все списываю не за счет Германии, а за счет того, что вот какой-то склероз, забываешь какие-то слова. Но очень часто получается так, вот я не знаю нормально немецкого, я в общем-то, его понимаю, но говорю плохо, все-таки. Нет, ты понимаешь, я все время вставляю немецкие слова, что Е. как-то приводит по-моему в какое-то так/ он/ ему страшно это не нравится. Это вроде бы как/ понимаешь, кажется, что вроде своим этим немецким языком хочешь как-то его вы/ выпячивать/ Но на самом деле это не от этого, а оттого, что какие-то немецкие слова, они уже э/ входят в речь, и когда начинаешь говорить по-русски, не можешь эквивалента найти, и вместо русского слова говоришь немецкое слово.

Г.: Это только какой-то этап как бы развития твоей языковой культуры. Потом ты начинаешь — мясо отдельно, мухи отдельно — делить, очень хорошо.

А.: Нет, а какой, понимаешь, мухи, если на многие немецкие, там, например, бюрократические какие-нибудь инстанции, ну как это, чему это соответствует по-русски, как это сказать?»

Л.: Нет-нет, это есть, какие-то слова.

Г.: Да.

А.: Например, вот чиновник, должность, это кто, вот я иду к/ он кто — предзамгорсовета, там? Это же все равно по-немецки назвать придется.

Л.: Да, тот же рехтс/ рехтсанвальт, и вот что-то такое, начинаю/ понимаешь, вот эти слова.

А.: Ну это, положим, адво/ адвокат, это тут как бы рехт-санвальт — это просто адвокат, это можно перевести.

Е.: Нет, это не тот пример.

Л.: Да, ну вот идешь куда-то, ну я не знаю, в амт [контора. — Е. П.], или еще куда-то, ну вот эти слова, ну я не знаю... Мож-но, конечно, подумав, заменить их русским словом очень быстро, но тут уже это слово просто на слуху. И его легче просто гово-рить, потому что оно/ вот тут вот вертится, под руками.

А.: Ну естественно, конечно».

Примером того, как трудно справляться с новыми реалия-ми как на уровне идей, так и на уровне конкретных номина-ций, может служить фрагмент разговора с российской немкой Н. Б., состоящей в браке с русским. У супругов высшее инже-нерное образование (возрастная группа 40–50 лет).

Говорящая сообщает: «У нас есть дипломы, но работы еще у нас нет. Мы пишем бевербунги [заявления на работу. — Е. П.]». Далее она говорит, что тем, кто имеет высшее образование, предлагается посещать дополнительные курсы для лучшего овладения немецким: «Также это, для/ курсы для академикер [человек с высшим образованием. — Е. П.], четырехмесячные, еще, технического языка, то есть доучивание». Она переживает, что она не может сразу начать работать по своей специальнос-ти: «Медсестра, очень нужны, пфлеггерин [санитарка, ед. ч. — Е. П.], всякие вот эти, кранкеншвестеры [медсестра, мн. ч. об-разовано при помощи русского окончания. — Е. П.] — эти про-фессии очень нужны». Ей труднее, потому что «здесь он призна/ признается аналогичным, диплом, как ФХ, фаххохиуле [специ-альное высшее учебное заведение. — Е. П.], окончивший, но ре-зультаты, конечно, очень/ шансов очень мало, потому что хоть и идентичный диплом, но он все равно ниже уровня диплома, по-тому что у нас в школе учатся 10 лет, в институте пять лет, всего, совместно, 15 лет, а здесь учатся 13 лет и, чтобы иметь высшее образование, еще четыре года. Это 17 лет. То есть это немножко получается ниже, чем наш/ чем здесь, в Германии, учатся больше по времени, чем у нас в России, и они не признают уровень нашего диплома инженерского уровню здесь инженерско-го, это только признают как фаххохиуле, не как университет».

Из приведенного отрывка заметно, что Н. Б. испытывает трудности в выражении своей мысли по-русски, потому что ей приходится говорить о реалиях, отсутствующих в русском оби-

ходе и языке. Кроме того, она частично переводит с немецкого то, что ей самой уже удалось понять и уяснить из слышанного и прочитанного на немецком. И хотя она аргументирует, все же остается впечатление, что смысл немецкой системы образования для нее самой пока еще не выстроился в единое целое.

Многие положительно относятся к этой системе, к методикам и приемам. Об этом говорят П. и Б. (возрастная группа — старше 60 лет, Д. — их внучка).

«П.: Ну вот я помню вот такие вот вещи, кото₁ые меня сразу удивили. Вот первое — это вообще ничего.

Б.: Ты про детский сад расскажи.

П.: Нет, я сперва вот хочу сказать вот это первое «ничего».

Д. только пошла только учиться в школу, как бы.

Д.: Я?

П.: Да. Ты вот ты бы/ этого не понимаешь, а я уже понимаю, потом ты будешь тоже понимать. И меня поразило: у них/ им в школе раздали какие-то листки бумаги и предложили им нарисовать лошадок. Они все нарисовали этих лошадок. И потом предложили этих лошадок вырезать. Вот казалось бы, да? Я/ все-таки я знаю, немножко знаю нашу школу. Ну, вот у нас бы: сдали они свои альбомчики с лошадами, поставили бы им там отметки или не поставили — тем бы и дело кончилось, да? Значит, что сделала а/ эта учительница здесь. Значит, они вырезали, каждый, свою лошадку, она взяла большой лист зеленой бумаги, прилепила этих лошадок и прилепила из коричневой бумаги такие загородки. Получились как лошади в этом вольере, как где-то там вот, на какой-то ферме. Понимаете? И повесила это на стену. И это уже сразу/ вот понимаете, вдруг они сделали большую работу с этими лошадыми. Маленькие, да, еще образовалась какая-то перспектива там и так далее. Понимаете?

Б.: Вообще, конечно, в школу приходишь — совсем другое настроение, какая-то радость такая.

П.: Какое-то чувство радости. И тем, как школа т/ мне нравится/ от того, как школа украшена. Вообще все начинается с детского сада».

Положительное отношение к новой действительности способствует изучению нового языка и приобщению к новой культуре. Положительное отношение к себе, в частности, как к человеку, полноценно знающему один язык и справляюще-

муся с ситуацией на другом языке, укрепляет позитивную самооценку в целом. А она, в свою очередь, помогает формировать доброжелательное восприятие новой действительности. Прикладывая усилия для того, чтобы улучшить потенциал одного из этих параметров многоязычия в ситуации иммиграции, индивидуум косвенно влияет на рост других параметров.

Группа русскоговорящих в Германии неоднородна по языковому и этническому составу. Соответственно, установки людей на сохранение и поддержание русского языка различны. Русскоязычные немцы скорее, чем другие группы эмигрантов, перейдут на употребление немецкого языка как в семье, так и вне дома. В то же время русский язык может сохраниться в Германии и в ситуации немецко-русского двуязычия. Отвечавшие не высказывали желаний забывать русский язык. Говоря о своих детях, некоторые русские немцы подчеркивали, что главное — выучить немецкий и что он будет родным языком, а русский усвоится как-то сам собой, что для этого не нужно прикладывать специальных усилий. Многие эмигранты считают воспитание в области русского языка необходимым и обращают на это особое внимание. Их идеалом, так же, как и у образованных российских немцев, является бикультурный двуязычный человек. Кроме того, дети должны учить и другие иностранные языки, в частности, английский. Для этих переселенцев ситуация многоязычия представляет собой вариант не «либо—либо» и не «и/или», а «не только, но и».

Язык не существует помимо конкретных людей, пользующихся им в своей повседневной жизни. Русский язык постоянно подпитывается, в частности, за счет новых эмигрантов, но масса носителей не соблюдает нормы, а вновь прибывшие хотят учить язык быстрыми темпами. Можно сколько угодно абстрагироваться от реальной языковой практики, но если забыть о тех, кто пользуется языком, он прекратит свое существование. Огромное значение имеет исследование речевых установок, интенций, поведения, выбора говорящими той или иной формы коммуникации не только в теоретическом, но и в сугубо практическом плане.

Приехавших занимают вопросы о том, кто они такие; какую долю их личности следует связать с русским прошлым, а какую — с немецким настоящим; что делает их непохожими ни на тех, ни на других; как перемешивались раньше и перемешиваются теперь в их жизни разные культуры; что и на каком

языке они могут и хотят выразить; как воспринимали раньше и воспринимают их теперь окружающие; что хорошо в прошлом, а что теперь; каковы сходства и различия в образе жизни и языке в Германии и России. Каждый эмигрант становится стихийным культурологом и лингвистом, психотерапевтом и педагогом. Шок от переезда переживается через дискуссию с окружающими, а приспособление к новой жизни происходит за счет изменений в принесенных речевых практиках. Речевые вкрапления из немецкого языка в русский, влияние культуры окружения на осмысление своего нового положения и на речь, в значительной степени становящуюся позиционирующим и идентифицирующим дискурсом, показывают, что язык является важнейшим средством интеграции в общество и отражает самосознание и самоощущение его носителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Kloss H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. Düsseldorf, Schwann, 1978.
- ² *Pluricentric Languages. Differing Norms in Different Nations.* Ed. by M. Clyne. Berlin, Mouton de Gruyter, 1992. См. также: *Clyne M., Kipp S.* Pluricentric Languages in an Immigrant Context. Spanish, Arabic and Chinese. Berlin, Mouton de Gruyter, 1999; *Contrastive Sociolinguistics.* Ed. by M. Hellinger, U. Ammon. Berlin, Mouton de Gruyter, 1996.
- ³ *Born J., Dickgiesser S.* Deutschsprachige Minderheiten. Mannheim, Institut für deutsche Sprache, 1989.
- ⁴ *Вайнраїх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
- ⁵ См., напр.: *История российских немцев в документах (1763–1992 гг.).* Под ред. В. А. Аумана, В. Г. Чеботаревой. М., 1993; *Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия.* Под ред. Л. В. Славгородской. СПб., 1998; *Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи.* Под ред. Г. И. Смагиной. СПб., 2000; *Репрессии против российских немцев. Наказанный народ.* Ред. и сост. И. Л. Щербакова. М., 1999.
- ⁶ *Berend N.* Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Russlanddeutschen. Tübingen, Narr, 1998.
- ⁷ *Rosenberg P., Weydt H.* Sprache und Identität // *Die Russlanddeutschen: Gestern und heute.* Meissner B., Neubauer H., Eisfeld A. (Hg.). Köln, Markus, 1992.
- ⁸ *Koch K.* Zur Geschichte der Russlanddeutschen // *Deutsch lernen.* Mainz, 1995. № 1.
- ⁹ См.: *Dietz B., Hilkes P.* Integriert oder isoliert? Zum Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München, Olzog, 1994. См. также: *Wanderer und Wanderinnen zwischen zwei Welten. Zur kulturellen Integration russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland.* Retterath H.-W. (Hg.). Freiburg, Johannes-Kunzig-Institut für ostdeutsche Volkskunde, 1998.
- ¹⁰ *Beljatschkova L.* Untersuchungen zur sprachlichen und sozialen Integration der russlanddeutschen Aussiedler. Berlin, Humboldt Universität, 1994; *Meng K.* unter

- Mitarbeit von *Protassova E.* Russlanddeutsche Sprachbiographien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Tübingen, Narr, 2001.
- ¹¹ *Stroh C.* Sprachkontakt und Sprachbewusstsein. Tübingen, Narr, 1993.
- ¹² *Language Planning Around the World: Contexts and Systemic Change.* Ed. by R. D. Lambert. Washington, The National Foreign Language Center, 1994.
- ¹³ *Fishman J. A.* Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, Multilingual Matters, 1989.
- ¹⁴ *Fritsche M.* Zur Sprachentwicklung türkischer Kinder in der Bundesrepublik Deutschland. Sprachenpolitische Implikationen und ideologische Elemente in der Bilingualismusforschung // *OBST (Osnabrucker Beiträge zur Sprachtheorie)*, Oldenburg, 1982. № 22; *Rehbein J.* Sprachloyalität in der Bundesrepublik? Ausländische Kinder zwischen Sprachverlust und zweisprachiger Erziehung. Hamburg, Universität Hamburg, 1987.
- ¹⁵ *Fishman J. A.* Language Loyalty in the United States. The Maintenance and Perpetuation of non-English Mother Tongues by American Ethnic and Religious Groups. Den Haag, Mouton, 1966; см. также: *Koliander-Bayer C.* Einstellung zu Sprache und lebensweltlicher Mehrsprachigkeit: eine empirische Erhebung zum Selbstverständnis von Kindern mit einer anderen als der deutschen Muttersprache. Innsbruck, Studien-Verl., 1998.
- ¹⁶ *Голубева-Монаткина Н.* Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. М., 1999; *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты.* Под ред. Е. А. Земской. М.—Вена, 2001; *Караулов Ю. Н.* О русском языке зарубежья // *Вопросы языкознания.* М., 1992. № 6; *Русский язык зарубежья.* Под ред. Е. В. Красильниковой. М., 2001; *Язык диаспоры: проблемы и перспективы.* Под ред. И. Кюльмоя. Тарту, 2001; *Русские староверы за рубежом.* Под ред. И. Кюльмоя, Н. Морозовой, В. Чекмонаса. Тарту, 2000; *Самойлова Ю. В.* Лексические особенности русского говора старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США). На примере бытовой лексики. Автореферат канд. дисс. М., 1999; *Andrews D. R.* Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora. Amsterdam/Philadelphia, Benjamins, 1998.
- ¹⁷ *Горелов И. Н.* Этнокультурная ассимиляция: прогнозы и реальность (на материале немецких переселенцев из СНГ в ФРГ) // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1996; *Пфандль Х.* Русский язык в современной эмиграции // *Русская речь.* М., 1994. № 3; *Федоров Н.* Особенности интеграции российских иммигрантов // *Диаспоры.* М., 1999. № 2–3; *Хрусталева Н.* Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога // Там же.
- ¹⁸ См., напр.: *Протасова Е.* Финско-русское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии // *Славяноведение.* М., 1994. № 4; *она же.* Лексические особенности русскоязычной прессы Германии // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* М., 2000. № 4; *она же.* Особенности русского языка у живущих в Германии // *Русистика сегодня.* М., 1996. № 1; *она же.* Русско-немецкое двуязычие в Германии // *Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции.* М., Институт языкознания, 1996.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СССР/СНГ В ИЗРАИЛЕ

Марина Нижник

Мощная иммиграция в Израиль жителей Советского Союза и, позднее, возникших после его распада независимых стран, оказала сильное воздействие на все сферы жизни еврейского государства. Уже предпринятые попытки исследовать этот феномен касались преимущественно его демографических аспектов и трудностей социально-экономической адаптации недавних репатриантов. Стоит упомянуть и многочисленные газетные статьи, появляющиеся особенно часто после каждого политического или этнического конфликта, который в той или иной степени затрагивал иммигрантов, обычно воспринимаемых как «русские». Цель данной статьи — проанализировать значимость, роль и функции русского языка в социальной жизни этого относительно замкнутого сообщества в контексте культурной интеграции.

«Русские» в Израиле — кто они?

Так называемые русские представляют собой весьма неоднородную общность, включающую евреев-ашкеназов и неашкеназские группы (для некоторых из них русский язык является лишь вторым по значимости); бывших жителей столиц и крупных индустриальных центров (в первую очередь Москвы и Санкт-Петербурга), с одной стороны и, с другой — выходцев из российской провинции и местечек (штетлов) Украины, Белоруссии и Молдавии, где в прошлом доля евреев была довольно велика. Существенные социально-экономические различия между названными группами уже были проанализированы исследователями «русской» иммиграции в Израиль¹. Среди репатриантов есть и галахические евреи, и те,

Доктор Марина Нижник, научный сотрудник Центра Каммингса по изучению России и Восточной Европы при Тель-Авивском университете (Израиль).

кто таковыми не является (включая неевреев — членов семей). Наконец, сообщество разделено и хронологически — это и «русские» старожилы, прибывшие в Израиль в 1970-е гг., и иммигранты более поздних волн.

И тем не менее у всех этих разнящихся между собой прослоек есть очень важная общая черта — для подавляющего большинства русский является родным языком. Некоторые исследователи определяют выходцев из СССР и новых независимых государств как «русскоязычное сообщество»², подчеркивая роль языка как главного консолидирующего фактора. В Израиле эта «русская» часть насчитывает сейчас примерно миллион человек (20% населения страны)³. Следовательно, по определению Н. Бонвиллейна, мы имеем дело с речевым сообществом (*speech group*), во многих отношениях разнородным, но объединенным базовым способом речевой коммуникации⁴. Члены сообщества говорят на одном языке и солидарны в том, что такое «правильное» и «неправильное» его использование. Отталкиваясь от определения речевой группы Д. Хаймса, Н. Бонвиллейн подчеркивает, что в подобных коллективах существует общеразделяемое представление о правилах речевого поведения и интерпретации. В изучаемом случае наиболее адекватным выглядит определение У. Лабова: «Речевое сообщество нельзя рассматривать как группу людей, которые говорят одинаково, используют одни и те же речевые модели; главное здесь в том, что членов группы объединяет представление о языковой норме, отношении к своему языку»⁵.

Русский и иврит — разные сферы, разные функции

В исследовании, посвященном проблеме языкового выбора у «русских» репарриантов в Израиле, С. Доница-Смит отмечает, что эта группа населения относительно быстро овладевает основными коммуникативными навыками⁶. Однако надо иметь в виду, что по мере изучения иврита в масштабах, необходимых для достаточно успешного общения вне дома (на работе, в магазинах, учреждениях здравоохранения и пр.), иммигранты не стремятся улучшить свои знания. Таким образом, иврит стал языком коммуникации в публичной сфере, а русский продолжает обслуживать потребности общения в семье и русскоязычном сообществе, а также остается главным средством удовлетворения культурных запросов.

Годы жизни в Израиле не сделали русский язык менее значимым для репатриантов, причем его роль стала более многообразной, включая маркировку социальных границ и участие в формировании «контрастной» идентичности⁷. Причины подобного положения вещей различны; некоторые из них — чисто прагматического свойства. Так, например, в ульпанах⁸ упор делается на обучении разговорному ивриту, иными словами, на языковом «минимуме выживания». Произношению не уделяется специального внимания, серьезные программы обучения чтению, в частности, с помощью заданий по домашнему чтению, отсутствуют. Окончившие курсы едва могут читать и писать, и дальнейшее расширение познаний в этих сферах сопряжено с большим трудностями, в основном из-за различий между ивритом и русским, особенно с точки зрения буквенно-звукового соответствия. Частичное отсутствие в письменном иврите гласных, полное отсутствие прописных букв и наличие букв, фонетически неразличимых между собой, превращают чтение и письмо на этом языке в постоянное разгадывание головоломок. По данным министерства абсорбции, после пяти лет проживания в Израиле лишь около 40% иммигрантов могли достаточно хорошо писать и примерно 45% — читать⁹. Поскольку в источнике не указано, что имеется в виду под «умением читать», а вариации тут весьма значительны, на мой взгляд, приведенные цифры следует считать завышенными.

Другая проблема — огромный разрыв между разговорным и литературным ивритом. Последний вобрал в себя многое из библейского языка; в письменных текстах постоянно встречаются библейские реминисценции, понятные почти каждому родившемуся в Израиле еврейскому ребенку (базовое религиозное образование является частью школьной программы), но незнакомые для русскоязычных иммигрантов, большинство из которых воспитывались в атеистических традициях.

Язык — не только средство коммуникации и информации. Его важнейшей функцией считается также формирование вербальных образов. Будучи ребенком, человек постигает родной язык одновременно с постижением окружающего мира, увязывая в своем сознании результаты когнитивной деятельности с их знаковыми воплощениями (слова, выражения, грамматические конструкции). Затем язык становится основой любой умственной активности, которая всегда вербальна по своей природе, независимо от уровня абстрактности.

Не менее важна регистрирующая, собирательная функция языка. С его помощью фиксируются и сохраняются плоды человеческого познания, что делает язык значимым компонентом культуры. А. Здравомыслов справедливо называет вербальную дифференциацию и языковую идентичность ключевыми факторами процесса индивидуальной социализации и культурного самоопределения личности: «*Всякая национальная культура строится прежде всего на языке, и национальная идентификация включает в себя владение этим языком в качестве основополагающего момента. В этом смысле русский язык — абсолютное основание русской культуры, фундамент русскости...*»¹⁰. Подобное утверждение задает внеэтническое понимание национальной принадлежности, предполагает включение представителей иных этнических групп в состав русской нации на основании общности культурно-языковых ориентаций.

Если культура — «*унаследованная система идей, которая структурирует субъективный опыт индивидов*»¹¹, тогда язык является отражением этой системы. Следовательно, овладение иностранным языком означает не просто умение пользоваться определенным набором речевых конструкций, но и приятие опыта других людей, привыкание к иной системе понятий или, по сути, к иной культурной модели, что для взрослых — задача очень сложная, но все же решаемая (особенно при наличии сильной мотивации).

Русскоязычная израильская культура — вызов местным жителям

Теоретически, репатрианты могут выбирать между тремя возможными моделями культурной (и языковой) абсорбции — изоляция, аккультурация и ассимиляция. Изоляция означает максимальное дистанцирование от всего израильского и создание собственной социокультурной инфраструктуры. Образ жизни пенсионеров в местах компактного проживания русскоязычных иммигрантов представляет собой пример подобной изоляции, носящей почти абсолютный характер.

Другой, наиболее естественный способ приспособления к новым условиям — аккультурация, когда происходит заимствование некоторых элементов культуры принимающего общества при сохранении своей собственной. Аккультурация в языковой сфере ведет к билингвизму. И, наконец, ассимиля-

ция означает почти полный разрыв с родным языком и культурой. Первый и третий варианты возможны, но довольно редки на практике. Если отвлечься от уже приведенного примера (пенсионеры), практически каждый репатриант в какой-то мере включен в ту жизнь, которая протекает за воротами его дома (или дверьми квартиры), что требует определенной лингвистической компетенции. Вероятность ассимиляции достаточно мала, поскольку большинство иммигрантов не владели ивритом до прибытия в Израиль (впрочем, подобные случаи все же встречаются, особенно в ситуации смешанного брака, когда один из супругов — не русскоязычный). Таким образом, наиболее распространенным вариантом культурной абсорбции являются различные стадии аккультурации¹².

Успех последней в решающей степени зависит от степени близости взаимодействующих языков и культур. Как уже отмечалось выше, в случае с русским и ивритом основные различия связаны с графикой и произношением, что существенно затрудняет для иммигрантов обучение письму и чтению. Но в то же время русский язык оказал серьезное влияние на современный иврит, структура которого, особенно в сфере синтаксиса, не сильно отличается от русской. Немало общего у двух языков и на семантическом и идиоматическом уровнях. Множество метафор, образных выражений и пр. очень близки по смыслу¹³, а число одинаково звучащих поговорок просто поражает¹⁴.

Что касается культурной близости, то, с одной стороны, нельзя отрицать наличие русских корней у культуры принимающего общества, поскольку многие признанные классики израильской литературы были выходцами из России и испытали на себе ее влияние (С. Черняховский, Х. Н. Бялик, Л. Голдберг, Рахель и многие другие)¹⁵. В первые годы существования израильского государства «чувство родства с русской культурой было своеобразным тестом на истинно израильскую идентичность»¹⁶. Русская литература, с ее стремлением к высоким духовным ценностям и дистанцированием от прозы жизни, стала частью нравственного кодекса израильтян. Однако времена меняются. Современные жители страны все более ориентируются на Америку, считая ее почти универсальным образцом для подражания. Для молодых поколений «русские» ценности теряют свою значимость, если таковая вообще имела место.

Русскоязычные иммигранты, судя по всему, не очень хорошо знакомы с израильской культурой и не проявляют к ней

особого интереса. Отсюда недостаток устойчивой мотивации к овладению литературным ивритом. Корни проблемы лежат, в первую очередь, в их глубокой привязанности к русской культуре, в отсутствии в СССР системы еврейского образования (функционировавшая на идише культурная инфраструктура была почти полностью уничтожена советской властью)¹⁷ и, наконец, в несколько пренебрежительном отношении к израильтянам. Имеется в виду, в частности, следующее: коренные жители страны иногда жалуются, что «русские» смотрят на них сверху вниз, потому что «у них был Достоевский, а у нас — нет». Подобный подход очень симптоматичен. «Русские» евреи считают Достоевского «своим», несмотря на его многочисленные антисемитские выпады. Это относится не только к Достоевскому, но и к Гоголю, Толстому, Чехову и пр. Они считают себя представителями великой русской и, следовательно, европейской культуры; стремятся следовать соответствующим стандартам в образовании и потреблении; одним словом, жаждут всего «европейского» не в меньшей, а возможно, и в большей степени, чем всего «русского», включая «европейскую архитектуру» и «европейский образ жизни»¹⁸.

Хотя «еврейскость» достаточно важна для выходцев из СССР/СНГ, русский язык и культура являются краеугольными камнями их идентичности, неприкосновенность которых они готовы решительно отстаивать. Они не просто полагают русскую культуру (и русский язык как ее часть) огромной ценностью (для себя), но и желали бы подобного отношения со стороны принимающего общества. Отсутствие должной реакции их раздражает. Показательно, что основатель и бывший глава «русской» партии «Израэль-ба-Алия» Н. Шаранский понимает под интеграцией бывших «русских» евреев в первую очередь приобщение израильского общества к уникальной русской культурной традиции¹⁹.

Характер протекания аккультурации и ассимиляции во многом связан с тем, как люди определяют свою идентичность. «Русские» репатрианты не проявляют большого энтузиазма в том, чтобы стать «истинными евреями» и «настоящими израильтянами». Исследования, проведенные в 1997 г., показали, что они испытывают определенные трудности в процессе самоидентификации²⁰. К аналогичным выводам приходит и С. Доница-Смит²¹. Сохранение многими из них российского гражданства лишь подтверждает наличие данной тенденции²².

Еще один важный момент, отнюдь не способствующий желанию русскоязычных репатриантов влиться в культуру «большинства» — их низкое мнение о коренных израильтянах (*сабра*). В статье «Юмор иммигрантов из бывшего СССР» Н. Зильберг приводит очень убедительные примеры подобного отношения, которое частично можно объяснить различиями в образовании и представлениях о том, что значит «быть культурным», «интеллигентным», «соответствовать ситуации» и т. д., а также тем, что в силу экономических условий абсорбции «русские» евреи вынуждены чаще всего контактировать с низшими стратами израильского общества.

Вот несколько выдержек из статьи Н. Зильберга. В первых выпусках русскоязычного юмористического журнала «Беседа» были опубликованы сатирические инструкции для сабра по использованию выброшенных консервных банок, а также насмешливые советы о том, как обучать сабра арифметике с помощью таблицы умножения²³. В одном из номеров журнала вполне доходчивым образом объясняется, почему русскоязычные репатрианты не хотят быть частью «их общества»: «Сабра — они как дети... Восприятие сабра зависит от того, как воспринимаются более зрелые создания... Многие сабра не в состоянии застегнуть шорты... Сабра очень любопытны. Каждые пять минут они задают Вам вопрос и терпеливо ждут ответа: “Кама зман ата по?”, “Майин ата?”, “Лама бата?” (ивр.) [Давно ли Вы здесь? Откуда Вы? Зачем Вы приехали?]. Не пытайтесь отвечать абстрактно и уклончиво. Они в любом случае получают нужную информацию, возможно, где-нибудь на улице или от хулиганов...»²⁴.

С течением времени действительность перестает восприниматься столь обостренно, поскольку часть высококвалифицированных «русских» евреев постепенно восстанавливает свой прежний социальный статус и начинает общаться с «другими израильтянами». Все больше и больше русских эмигрантов склоняются к мысли о необходимости синтеза культур. «Сегодня представители нашей алии уже не выносят израильской культуре таких беспощадных приговоров, как в начале 90-х. И не только потому, что они знают больше о ней. В последнее десятилетие “русские” много сделали для духовного сближения своей общины с Израилем», — отмечает М. Романовский в своей статье «Эфраим Кишон смеется по-русски»²⁵.

Слово «Гешер» (ивр. «мост») становится ключевым в названии многих русских культурных проектов. «Гешарим —

мости культуры», так называется издательство, руководимое М. Гринбергом. Именно благодаря ему по-русски заговорили многие писатели, творившие на иврите. «Гешер» — один из самых популярных израильских театров. Руководит им Е. Арье. Театр был создан в 1991 г. группой актеров-иммигрантов. Он пользуется успехом и у русскоязычных, и у тех, кто говорит и думает на иврите. Руководители театра стремятся к сближению культур — пьесы, среди авторов которых и русскоязычные драматурги, и израильтяне, идут на двух языках. Интересно, что в последнее время израильские театры, работающие на иврите, начали «говорить» по-русски. Спектакли с синхронным русским переводом подготовили ведущие театральные коллективы страны: Камерный театр, «Габима», «Хан», «Театрон Цавта», «Бейт-Лесин», «Театрон Беэр-Шева». Афиши спектаклей регулярно публикуются в русскоязычных газетах.

Однако мнение репатриантов о себе как о «более элитарном, образованном, зрелом и обладающем хорошими манерами сообществе»²⁶ вряд ли будет кардинально пересмотрено в ближайшем будущем. Проявляется это, в частности, в том, что большинство «русских» евреев недовольны состоянием культурной жизни в Израиле и ориентируются на российские образцы. Кабельные телевизионные компании предлагают пакет каналов на русском языке, который включает ОРТ, РТР, РТВ интернешнл, «Наше кино», НТВ-мир и музыкальный канал — «Russian Music Box». В то же время и в телевещании наметились новые тенденции. Вместо одной-двух программ на русском языке, которые существовали в рамках израильских каналов, 12 ноября 2002 г. появился местный русскоязычный канал «Израиль Плюс» — уже в названии отражена идеология его создателей. Это Израиль плюс русский язык, русская культура, русский менталитет. И все перечисленное — это «плюс», т. е. преимущество, а никак не «минус», т. е. недостаток. Одновременно подчеркнута связь со страной проживания, ведь именно слово «Израиль» является основным в названии.

Реклама канала, которая перед его открытием постоянно преследовала любого жителя страны, говорящего и не говорящего по-русски, представляла собой довольно забавную двуязычную фразу «Коль йом (каждый день. — М. Н.) мы здесь живем». Генеральный директор и главный редактор канала «Израиль Плюс» Ю. Шамалова-Беркович так говорит о своих профессиональных задачах: «Мы делаем канал для всего рус-

скоязычного населения страны... Так что я приглашаю к экранам телевизоров всех израильтян, говорящих по-русски. Кстати, и не только по-русски. Ведь многие наши программы будут сопровождаться титрами на иврите, и поэтому, я надеюсь, мы привлечем также внимание части ивритоязычных зрителей»²⁷.

В Израиль регулярно приезжают на гастроли певцы, актеры и целые театры, в том числе и очень популярные в России. Но этого, судя по всему, недостаточно для удовлетворения запросов репатриантов, которые стремятся воссоздать на новом месте жительства привычную русскоязычную культурную среду. Количество публикующихся на русском языке газет не меньше тех, что выходят на иврите — две ежедневных, с ностальгическими названиями «Вести» и «Время», а также около десяти еженедельников (их число постоянно меняется) различной социальной и политической ориентации. Кроме оригинальных статей о жизни в России и Израиле и о важнейших мировых событиях, они печатают подборку материалов из российских газет и дайджесты российской прессы. Два еженедельника — «Глобус» и «Новости недели», бесплатно знакомят читателей с содержанием, соответственно, «Известий» и «Аргументов и фактов». Многие русскоязычные журналисты подчеркивают, что русская пресса — это не только материалы, написанные по-русски. Это иное мировоззрение, иной подход к подаче материала. «Я люблю, когда журналисты, пишущие на иврите, рассуждают о жизни. Потому что у нас с ними предмет разговора получается совершенно разный. Будто мы живем в разных странах», — пишет Р. Бискит, журналистка из «Новостей недели»²⁸.

Роль русского языка в системе школьного образования

Если задать репатрианту обычно раздражающий его/ее вопрос: «Почему Вы приехали в Израиль?», ответ далеко не всегда будет серьезным и подробным. И все же, если Вам ответят, несомненно, одной из главных причин эмиграции назовут стремление обеспечить лучшее будущее детей. В среде русскоязычных евреев хорошее образование всегда считалось основой жизненного успеха, и они очень озабочены тем, какое образование получают ныне их дети. Израильская система, во многом копирующая американскую (когда ребенок начинает

серьезно учиться лишь в старших классах средней школы, а то и еще позже — в вузе), не вызывает у них большого восторга, равно как и то обстоятельство, что многие предметы, обязательные в России, не являются таковыми в Израиле или вообще не преподаются в некоторых школах (например, физика, химия, география). Обеспокоены репатрианты и тем, что уровень эрудиции молодых поколений не входит в число приоритетов официальных лиц, ответственных за состояние системы образования в стране. Будучи прагматиками и не рассчитывая изменить эту систему, «русские» создали свою собственную, с весьма красноречивым названием МОФЕТ (ивр.), что переводится как «образец», «модель».

Само собой разумеется, изучение русского языка и литературы — органичная составляющая программы МОФЕТ. В официальной же общеобразовательной программе русский входил в общую группу предметов «по выбору», а обязательными языками являлись иврит и английский. В 1991 г. община репатриантов начала длительную борьбу за то, чтобы русский язык повысил свой статус — стал официальным школьным предметом (со статусом второго иностранного языка после английского), и ученики могли бы делать выбор между русским, арабским и французским. Кампания была инициирована и поддержана безработными учителями русского языка и родителями. Последние считают язык важнейшим средством культурной преемственности поколений, ключом к овладению теми ценностями, которые они хотели бы передать своим детям.

Хотя сначала министерство образования восприняло предложение русскоязычных граждан скептически, в конце концов его одобрили, и в 1997 г. была принята новая программа обучения русскому языку как иностранному. Этот предмет преподавался и ранее, но только как родной язык для недавних репатриантов. Новый проект дает возможность восстановить знания тем, кто почти утратил их и совершенствоваться — тем, кто достаточно хорошо владеет русским. В 2002 г. вышел учебник по русскому языку для учащихся старших классов, который называется «На одной планете». Доктор Я. Гаруси, старший инспектор министерства образования, коренная израильтянка, родители которой приехали с Украины в 1924 г., является руководителем программы по созданию комплекса учебных пособий для учеников 7–12 классов. Упомянутый учебник — лишь первый, потом будут и другие. По данным

Я. Гаруси, ежегодно на аттестат зрелости русский язык сдают две с половиной тыс. учеников²⁹.

Все сказанное выше свидетельствует, что бывшие советские евреи вряд ли могут рассматриваться как сторонники политики «плавильного котла». Первые годы после эмиграции свою дистанцированность от принимающего общества они рассматривают скорее как преимущество, чем неудачное стечение обстоятельств. Голосование за «русские» политические партии являлось одним из способов поддержания существующего status quo. В результате парламентских выборов 1999 г. партия «Израэль-ба-Алия» (ИБА) получила шесть депутатских мандатов, а другая «русская» партия, «Израэль Бейтейну» — два.

Однако в последнее время ситуация изменилась. «Израэль-ба-Алия» потерпела сокрушительное поражение. На последних выборах (28 января 2003 г.) ИБА получила лишь два мандата, причем второй почти полностью обеспечили англоязычные избиратели³⁰. «Израэль Бейтейну» вошла в блок «Ихуд Халеуми» («Национальное единство»), с четко выраженной политической программой крайне правого толка. «Русская» повестка дня была в ее программе отнюдь не главной. Но, несмотря на это, блок получил семь мандатов, в основном за счет «русских» голосов. Трудно сказать, что явилось причиной подобного разворота — разочарованность в деятельности «своих» избранников или отказ от изоляции в пользу интеграции. Скорее всего, и то, и другое. «Русские» избиратели крайне прагматичны, и те политические деятели, которые не учитывают их интересы, очень быстро расстаются со своими постами. Именно «русские» голоса были решающими в падении И. Шамира, Б. Нетаньягу и Э. Барака.

Из сегодняшних политиков не учитывать настроения «русских» может себе позволить только тот, кто заведомо решил проиграть. Во время последних выборов практически все политические партии сопровождали рекламные ролики переводом на русский язык. Исключение составляли лишь ультраортодоксальные и арабские партии. Причем, что касается первых, то в один из роликов партия ШАС все-таки вставила интервью со своим русскоязычным избирателем.

Замечательный пример использования русского языка можно найти в листовках левого блока «Мерец». Традиционно считается, что за этот блок голосуют в основном представители израильской интеллектуальной элиты. Однако в борьбе за

голоса «русских» репатриантов и, видимо, стремясь обратить на себя внимание всех их слоев, создатели агитационных материалов прибегли к использованию жаргонной лексики, практически неприемлемой в литературном русском языке. Вот несколько примеров.

«Религиозные партии “подсадили” своих избирателей на жалкие подачки».

«Власть “подставила” “Битуах Леуми” (Служба социального страхования — *М. Н.*) деньгами, которые мы платим за свою страховку».

«Правые идеологи “кинули” поселенцев».

Подобные языковые уловки не сильно, однако, помогли «Мерецу», получившему на выборах лишь пять мандатов.

Необходимо подчеркнуть, что «русские» репатрианты учли негативный опыт евреев Северной Африки, переселившихся в Израиль в 1950–1960-е гг.

В тот период, в связи с ростом национально-освободительного движения и усилением националистических и антисемитских настроений, большая часть еврейского населения принимает решение о переезде в другие страны, в том числе и в Израиль. Истеблишмент последнего, состоящий в основном из европейских евреев (ашкеназов), плохо понимал менталитет этих людей, относился свысока к их культуре. Были предприняты попытки их насильственной аккультурации. Например, детей из религиозных семей часто отправляли в нерелигиозные интернаты и кибуцы; им всячески внушали, что они должны отказаться от культуры страны исхода в пользу ее современных израильских образцов. Такая политика часто приводила к кризисам в отношениях между родителями и детьми, к полному крушению нравственных норм, росту нищеты и преступности. Именно эти люди, возмущенные отношением к себе официального Израиля, привели в 1977 г. к власти возглавляемую М. Бегиним партию «Ликуд». Местное общество до сих сталкивается с тяжелыми последствиями разрушения устоявшейся культурной традиции, носителями которой являлись выходцы из Северной Африки. Именно они составляют наибольший процент так называемых «социальных случаев» — неблагополучных семей в современном Израиле.

Эта история показывает, что формирование новой идентичности — гораздо более сложная задача, нежели предание забвению старой. Есть основания полагать, что болезненный

опыт прошлого заставил многих израильтян, включая и официальных лиц, изменить свое отношение к идее «плавильного котла». Так, например, Я. Цабан, бывший министр абсорбции, выступал в поддержку культурного плюрализма как единственной правомерной политики, напоминая о слишком большой цене, уплаченной обществом за следование противоположным принципам. Он также признал, что политика «плавильного котла» по отношению к олим нереалистична и вряд ли может привести к успеху: «Я не хочу умалять наши возможности и преуменьшать стоящие перед нами задачи, но надо проявлять большую скромность, говоря об изменении “лица” любой алии. Олим — отнюдь не глина в руках гончара»³¹.

В Израиле есть группы репатриантов, более успешные, в отличие от выходцев из Северной Африки, в сохранении своей культуры и родного языка. Те, например, для кого родными являются английский или французский, продолжают пользоваться этими «престижными» языками, которые ассоциируются с завоеванными всеобщее признание культурными ценностями. Родители в таких семьях продолжают говорить с детьми на языках стран исхода и делают все, чтобы сохранить у молодого поколения навыки владения ими, включая умение читать и писать. Проблема изучения иврита не волнует таких родителей, уверенных, что он в любом случае будет освоен детьми в процессе внесемейного общения³². Выходцы из бывшего СССР, судя по всему, следуют той же стратегии, не задумываясь над тем, насколько действительно велик в обществе престиж их культуры.

Корни культурного расслоения и влияние регионализма на формирование идентичности

Поведение русскоязычного сообщества в Израиле является иллюстрацией того, как «работает» так называемая конкурентная модель культурной адаптации³³. Ученые, следующие данной парадигме, полагают, что в ходе современного экономического развития «...подчиненные группы вступают в прямую конкуренцию с представителями других общественных страт, из-за чего члены этих групп начинают более остро воспринимать социальное неравенство между меньшинством и доминирующим большинством, у них усиливается чувство этнической идентичности»³⁴. Идея об экономических причинах

возникновения культурных барьеров представляется вполне разумной, особенно если принять во внимание частые жалобы представителей наименее обеспеченных слоев израильского общества на то, что «русские» получают «все» сразу по приезде. Но современная израильская действительность подтверждает и то, что по мере повышения социально-экономического статуса озабоченность индивида своей этнической идентичностью не ослабевает. Напротив, возникает больше возможностей для удовлетворения культурных запросов и реализации желаемой стратегии аккультурации — количество русскоязычных культурных организаций с годами не уменьшается, а увеличивается.

Хотелось бы вернуться и к такому аспекту рассматриваемой проблемы, как неоднородность русскоязычной общины. И сам русский язык, на котором говорят представители отдельных ее сегментов, не только отражает различия в их прежнем социальном и образовательном статусе, но и, в первую очередь, несет на себе отпечаток прежнего места жительства. Такого рода «регионализм» как фактор дезинтеграции бывших советских евреев описан С. Голдом³⁵ на примере США: «Обычно эмигранты из России (особенно из Москвы и Санкт-Петербурга) свысока относятся к выходцам из Украины. Если говорить о последних, бывшие жители Киева презирают одесситов. Дипломированный инженер-химик из Москвы с иронией говорил о потере престижа, поскольку его дочь общается с “простыми” одесситами и начинает копировать их речь»³⁶. О важности, придаваемой подобным региональным различиям, свидетельствуют частные рекламные объявления в русскоязычных газетах, где нередко подчеркивается «происхождение»: «бывший москвич» или «бывший ленинградец». Такие различия, само собой разумеется, проявляют себя и на языковом уровне — это как бы особая и взаимно узнаваемая примета.

В продолжение данной темы и, шире, проблемы культурных барьеров между репатриантами и коренными жителями страны, приведу юмористическое стихотворение, опубликованное в русскоязычной газете «Русский израильтянин». Его автор, Г. Юсим, использует два слова, распространенных в просторечье южных районов России и символизирующих для автора различия между менталитетом жителей «метрополии» и провинциалов. Более того, он связывает свое неприятие так называемой местечковости и низкой образованности с теми израильскими реалиями, которые вызывают у него похожее

отторжение. Как совершенно ясно из текста стихотворения, борьба за право говорить по-русски и, более того, говорить на классическом, чистом русском языке превратилась в борьбу за право человека оставаться самим собой — замечу, стремление, органично присущее современному западному образу мыслей.

Я не люблю...³⁷

В том близкий друг, уверен, не поможет,
А о родных вообще не говорю:
Я не люблю слова «малóй» и «лóжит»,
И слово «рега»³⁸ тоже не люблю.

Я от бульона с клецками болею,
И не люблю политику и гвалт.
Я не люблю бороться за идею,
которую нам Герцль завещал.

Я не люблю, когда ломают стены,
Из конуры въезжая в конуру.
Когда твердят: «Во всем повинны гены!»,
И в зеркало смотреться поутру.

Я не люблю, когда заборы красят,
Зеленые колготки — чересчур.
Я не люблю, когда сосед мой Вася
Идет молиться скорбно в Йом Кипур³⁹.

Я не люблю, когда мигает лампа,
Я не люблю, когда рояль в кустах.
Я не люблю в театре жрущих «бамбу»⁴⁰
И чешущихся в разных там местах.

В том близкий друг, уверен, не поможет,
И я, увы, не знаю, как мне быть.
Я не люблю слова «малóй» и «лóжит»,
Но видимо, придется полюбить.

Лингвистическая динамика, социальный статус и драмы идентичности

Русский язык, на котором говорят в Израиле, уже претерпел определенную эволюцию, вобрав в себя разнообразные кальки с других языков и прямые заимствования. Это явление хорошо известно и является постоянным поводом для шуток⁴¹. В данной связи стоит упомянуть воспоминания Н. Берберовой о мигрантах «первой волны» во Франции. Их язык был чем угодно, но не языком Бунина, Рахманинова, Дягилева или

Ремизова. В нем во множестве встречались не только словечки и выражения, типичные для южных провинций (история повторяется!), но и кальки и заимствования из французского, в первую очередь для обозначения вещей и понятий, для которых в русском языке не было словесного эквивалента (либо соответствующие русские слова имели другое значение)⁴².

Если вновь обратиться к Израилю, то среди наиболее известных заимствований местных русскоязычных из иврита — слово *«беседер»*, вполне нормальное в иврите с литературной точки зрения, но означающее все что угодно, начиная от «не волнуйся» до «оставь меня в покое». Другой распространенный пример — слово *«мазган»* (кондиционер). Будучи атрибутом роскоши в России, в Израиле он является предметом первой необходимости, что привело к его вхождению в языковой обиход «русских».

Язык репатриантов, кроме того, выглядит упрощенным по сравнению с русской литературной нормой (поскольку подпитывающая его культурная среда здесь не так развита, как в России) и, под влиянием иврита, становится менее формальным (это проявляется, в частности, в характере использования местоимений «ты» и «Вы»). «Ты» используется чаще, и переход к нему происходит быстрее и легче. Претерпевая подобные изменения, язык все более полно удовлетворяет новые потребности своих носителей.

Лингвистические предпочтения иммигрантов зачастую в штыки воспринимаются теми из израильтян, кто видит в распространенности русского языка еще одно проявление стремления «русских» к обособленности и знак растущего влияния общины. Такое отношение иногда приводит к опасным столкновениям. Так, 6 ноября 1998 г. вся страна была потрясена убийством 21-летнего Я. Шапшовича. Он погиб в драке, инициированной коренными израильтянами, которые пришли в ярость из-за того, что группа молодых людей громко разговаривала по-русски. Д. Маргалит, один из наиболее известных в стране журналистов, следующим образом прокомментировал данный случай (в программе «Хакол полити», основанной на анализе национальной прессы): «Настоящая причина убийства в том, что ребята говорили по-русски». Все, кто выступал в СМИ, осудили преступление, но оно дало новый толчок к бесконечным дискуссиям о том, как они («русские») должны вести себя здесь (в Израиле). Оказалось, что многим вполне

респектабельным людям не нравится распространенность в стране русского языка. Например, в одной из школ г. Беэр Шева двух девочек наказали за то, что они болтали во время урока по-русски (было подчеркнуто, что наказание последовало не за сам факт непростительного поведения во время занятий, а именно за разговоры на определенном языке)⁴³.

В ответ представители русскоязычной общины стараются сделать все возможное, чтобы защитить русский язык в Израиле и легитимизировать его использование. Так, например, С. Ландвер, депутат кнессета от Трудовой партии, пыталась провести через парламент закон о статусе русского языка как третьего общенационального. Однако даже многие представители самих репатриантов из СССР/СНГ, включая лидеров партии «Израэль-ба-Алия», расценили эту попытку как опасный курьез⁴⁴. Такая реакция выглядит симптоматичной, поскольку для действий С. Ландвер трудно было бы найти более удачное время (еще и месяц не прошел после гибели Я. Шапшовича).

Похожая стратегия адаптации русскоязычных иммигрантов наблюдается и в других странах, куда они переселялись в больших количествах. В США, например, бывшие советские евреи проживают компактно, в своеобразных анклавах с высоким уровнем самообеспечения, когда широкий набор услуг предоставляется на русском языке (включая газеты и кабельное телевидение)⁴⁵. Подобный образ жизни, с ее культурной изолированностью, характерен для русскоязычных еврейских общин во всех странах, где они существуют, что дало повод некоторым исследователям называть их постсоветским транснациональным еврейским сообществом⁴⁶. Однако положение русскоязычных репатриантов в Израиле обладает во многих отношениях особой спецификой.

Это, во-первых, юридический статус иммигрантов и их положение возвращающейся диаспоры, которая безо всяких условий должна быть принята своей исторической родиной. Более того, репатрианты получают израильское гражданство сразу же после прибытия, еще в аэропорту Бен-Гурион, и они чувствуют себя вправе, даже прожив в стране недолгое время, публично высказывать свое мнение об израильской социальной, политической и культурной жизни, а иногда даже активно в ней участвовать и пытаться что-то в ней изменить. Будучи членами возвращающейся диаспоры в еврейском государстве, они не считают себя этническим меньшинством, а скорее

частью правящего большинства, а также, являясь выходцами из Европы — частью ашкеназской элиты.

Во-вторых, доля «русских евреев» в населении Израиля весьма высока (примерно одна пятая). Они способны оказывать влияние практически на все сферы жизни страны, и ни один политик и общественный деятель не может позволить себе игнорировать данный факт. По двум названным причинам иммигранты из СССР/СНГ ощущают себя серьезной социальной и политической силой, что способствует их активности во многих областях, в основном образовательной и культурной.

Вместо заключения

Русский язык в среде репатриантов играет роль гораздо более важную, чем просто способ коммуникации членов конкретной этнической группы. Для этого крайне неоднородного сообщества язык является одним из ключевых объединяющих факторов. Вне зависимости от уровня владения ивритом, выходцы с территории бывшего СССР предпочитают пользоваться русским языком в домашней среде, а также ориентируются на русскоязычную культурную продукцию. Помимо обычного удобства, такой выбор частично объясняется нежеланием стать частью культуры принимающего общества и стремлением сохранить русский язык. Высокий процент «русского» населения в Израиле обеспечивает необходимые условия для формирования здесь особой, симбиотической русскоязычной израильской культуры.

Что касается русского языка, то в новых условиях он становится не только объединяющим, но, в условиях культурно-регионального расслоения общины, и разделяющим фактором.

Итак, русский язык в Израиле — его статус, изменения, с ним происходящие, отношение к нему носителей языка и коренного населения страны, являются отражением своеобразного процесса интеграции «русских» евреев: их стремления сохранить свои культурные ценности; сдержанного отношения к израильской культуре; трудностей обретения новой идентичности и уверенности в том, что они имеют право быть собой и именно в таком качестве должны приниматься местными жителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: *Tolis M.* The Interrelationship Between Emigration and the Socio-Demographic Profile of Russian Jewry // *Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement.* Ed. by N. Lewin-Epstein, Y. Roi, P. Ritterband. L., Frank Cass, 1997.
- ² *Zilberg N.* In-Group Humour of Immigrants From the Former Soviet Union in Israel // *Language and Society.* Israel Social Science Research. Jerusalem, Hebrew University, 1995. Vol. 10. № 1. P. 5.
- ³ *Шаранский Н.* Алия — наше прошлое, настоящее, будущее // *Вести (газета).* Тель-Авив, 1999, 11 марта. С. 9.
- ⁴ *Bonvillain N.* Language, Culture and Community. Prentice-Hall, New Jersey, 1993. P. 3.
- ⁵ *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. P. 158, 248.
- ⁶ *Donitsa-Schmidt S.* Language Maintenance or Shift — Determinants of Language Choice Among Soviet Immigrants in Israel. Ph. D. thesis. University of Toronto, 1999. P. 126–129.
- ⁷ Известным примером контрастной самоидентификации является, например, протестное поведение и самоощущение афро-американцев, которые не пытаются подражать белым и соревноваться с ними, а создают особую, «черную» культуру.
- ⁸ Организованные властями шестимесячные курсы иврита для новопривывших репатриантов.
- ⁹ Мозаика. Иерусалим, 1999, февраль. С. 5.
- ¹⁰ *Здравомыслов А.* Трансформация смыслов в национальном дискурсе // *Язык и национальный конфликт.* Под ред. М. Брилл Олкотт и И. Семенова. М., 2001. С. 44.
- ¹¹ *Le Vine R.* Properties of Culture: An Ethnographic View // *Cultural Theory.* Ed. by R. Shreder, R. Le Vine. Cambridge, Cambridge University Press, 1984.
- ¹² У подростков, не говоря о детях, аккультурация приближается к ассимиляции, но эта статья посвящена в первую очередь проблемам взрослого населения.
- ¹³ См. подр.: *Москович В.* Русско-ивритские языковые контакты // *Иврит — язык возрожденный.* Библиотека «Алия». 1984, б/м.
- ¹⁴ *Гури И.* Все хорошо, что хорошо кончается. Сборник пословиц. Иерусалим, 1990.
- ¹⁵ Саул Черняховский (1875–1943) — известный писатель и переводчик. Родился в Крыму, в 1922 г. эмигрировал в Германию, а затем, в 1931 г., переселился на территорию будущего Израиля. Президент Ассоциации еврейских писателей. Писал короткие рассказы, баллады, переводил на иврит античных авторов и западноевропейскую классику. Хаим Нахман Бялик (1873–1934) — популярный поэт и переводчик, писавший на иврите. Родился в городке Волин в России, эмигрировал в 1924 г. Леа Голдберг (1911–1970) — известная израильская поэтесса, переводчица, романистка и критик. Родилась в Ковеле, в Литве, бывшей тогда частью Российской империи. Эмигрировала в Палестину в 1935 г. Была профессором европейской литературы в Иерусалимском университете. Рахель Блобштейн (1890–1931) — поэтесса и переводчица, писавшая на иврите. Эмигрировала из России в 1909 г. Переводила на иврит стихи А. Ахматовой.
- ¹⁶ *Shapira A.* The Russian Roots of Israeli Culture // *International Affairs.* М., 1998. Vol. 44. № 6. P. 64.

- ¹⁷ Морозов Б. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1998. С. 90–94.
- ¹⁸ Markovitz F. Culture Change, Border Crossings and Identity Shopping: Jewish Teenagers from CIS Assess Their Future in Israel // Russian Jews on Three Continents...
- ¹⁹ Шаранский Н. Алия — наше прошлое...
- ²⁰ Ben Rafael E., Olshtain E., Geist I. Identity and Language: the Social Insertion of Soviet Jews in Israel // Russian Jews on Three Continents... P. 370.
- ²¹ Donitsa-Schmidt S. Language Maintenance or Shift... P. 67.
- ²² По неофициальным данным российского консульства, почти 100% бывших российских граждан сохраняют прежнее гражданство. Кроме того, с каждым годом увеличивается количество просьб о восстановлении гражданства теми, кто потерял его по тем или иным причинам.
- ²³ Zilberg N. In-Group Humour of Immigrants From the Former Soviet Union... P. 12.
- ²⁴ Там же. P. 17–18.
- ²⁵ Романовский М. Эфраим Кишон смеется по-русски. Вести. 2002, 28 ноября.
- ²⁶ Zilberg N. In-Group Humour of Immigrants From the Former Soviet Union... P. 19.
- ²⁷ Коль йом мы здесь живем. Рекламный проспект пресс-службы телеканала «Израиль Плюс».
- ²⁸ Бискуит Р. По каким числам пятницу будем делать? Новости недели (газета). Тель-Авив, 2002, 7 ноября.
- ²⁹ Слуцкая И. Этот непобедимый русский язык. Вести. 2003, 10 февраля.
- ³⁰ Луцкий Л. Вы чье, старичье? Глобус (газета). Тель-Авив, 2003, 5 марта.
- ³¹ Tzaban Y. The Quandaries of an Israeli Minister of Absorption // Russian Jews on Three Continents... P. 132.
- ³² Bentolila Y. Bilingualism in a Moroccan Settlement in the South of Israel // Language and Society... 1994. Vol. 9. № 1–2. P. 90.
- ³³ См., напр.: Ben Rafael E., Sharot S. Ethnicity, Religion and Class in Israeli Society. Cambridge, Cambridge University Press, 1991; Milroy L., Milroy J. Language and Social Networks. Oxford, Oxford University Press, 1980; Yager Dror M. Linguistic Data Solving Social Psychological Questions. The Case for a Measure of Ethnic Self-Identification // Language and Society... 1994. Vol. 9. № 1–2.
- ³⁴ Yager Dror M. Linguistic Data Solving Social Psychological Questions... P. 111.
- ³⁵ См.: Gold S. J. Community Formation Among Jews from the Former Soviet Union in the US // Russian Jews on Three Continents... P. 268.
- ³⁶ Ibid. P. 269.
- ³⁷ Стихотворение является пародией на известную одноименную песню Вл. Высоцкого.
- ³⁸ «Секунда» в переводе с иврита; аналог русского «секунду» или «секундочку» в значении «подожди».
- ³⁹ Судный день у евреев.
- ⁴⁰ Популярны у детей в Израиле хрустящие кукурузные хлопья.
- ⁴¹ Москович В. Русско-ивритские языковые контакты... P. 167–169.
- ⁴² Берберова Н. Рассказы в изгнании. М., 1997. С. 3.
- ⁴³ См.: Вести. 1999, 2 декабря.
- ⁴⁴ См., напр.: Брэфман Р. О русском языке и ответственности политика // Вести. 1998, 3 декабря.
- ⁴⁵ См.: Gold S. J. Community Formation Among Jews from the Former Soviet Union... P. 263.
- ⁴⁶ Markovitz F. Emigration, Immigration and Cultural Change: Towards a Transnational Russian Jewish Community? // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. Ed. by Y. Ro'i. L., Frank Cass, 1995.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ФРАНЦИИ

Владимир Алпатов

По сравнению со многими странами мира Франция уже несколько столетий отличается строгостью и целенаправленностью языковой политики. Активные меры по распространению литературного (стандартного) французского языка принимались уже в XVI в., а в эпоху Великой Французской революции, в 1794 г., был принят весьма жесткий закон, в соответствии с которым на всей территории страны во всех официальных сферах мог употребляться только этот язык. Языки меньшинств и диалекты не пользовались никакими правами. И в колониях делопроизводство и образование (в школах европейского типа) долгое время осуществлялись лишь на французском. Такая ситуация сохранялась более полутора веков, и лишь с 1951 г. языковое законодательство начало становиться более либеральным.

Подобная ориентация языковой политики заслуживает особого внимания, в связи с распространенными представлениями о том, что степень ее жесткости обратно пропорциональна уровню демократичности государства. В СССР, а затем в России подобные идеи часто можно было услышать в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Но это не совсем так. Например, в конце XIX — начале XX в. образцовыми демократиями Европы считались Великобритания и Франция, тогда как Австро-Венгрия никак не могла претендовать на такую роль. Тем не менее, именно в последней национальные меньшинства могли в довольно широких пределах пользоваться родным языком, получать на нем школьное и даже университетское образование, а на половине территории империи официальным языком, помимо немецкого, являлся венгерский. А во Франции и

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, заместитель директора Института востоковедения Российской академии наук (г. Москва).

Великобритании политика была направлена на полную языковую ассимиляцию меньшинств, нередко даже в это время в школах детей били за общение на родном языке.

Одна и та же цель могла достигаться разными методами. В Великобритании и Франции языковая политика в отношении меньшинств была по сути единой, но во Франции она в большей степени законодательно регламентировалась, тогда как в Великобритании по традиции многое основывалось на прецеденте. Результаты оказались очень похожими. Когда Ирландия стала независимым государством, то там уже не смогли возродить почти утраченный в XIX в. ирландский язык в качестве полноценного средства общения. Официально он считается первым государственным языком, но в основном играет роль национального символа; реальная же коммуникация (исключая отдельные сельские районы) ведется на английском языке, формально лишь втором государственном. Решительно вытеснены языки меньшинств и во Франции. Когда-то в СССР академик Н. Я. Марр предсказывал «немирный исход» борьбы бретонцев за права своего языка, однако за прошедшие семь десятилетий это не произошло и вряд ли произойдет. Можно сравнить активную борьбу испанских басков за свои права, в том числе лингвистические, результатом которой стало введение автономии, и отсутствие чего-либо похожего во французской Басконии.

Политика в колониях европейских стран имела больше отличий. У французов она была, по-видимому, наиболее жесткой. Например, в британских колониях, в отличие от французских, создавались школы на местных языках. Показательно и то, что во время французского правления вьетнамский язык был переведен на латинскую письменность, тогда как британцы не пытались латинизировать индийские языки.

Опыт Франции и других стран показывает также, что само по себе изменение языкового законодательства вовсе не обязательно изменяет политику в данной сфере и, тем более, языковую ситуацию. За последние полвека прежнее законодательство, явно выглядевшее «несовременным», всё более смягчалось. Однако это не остановило процесс замены малых языков и диалектов стандартным французским. Отмечается, например, что немецкие диалекты Эльзаса стали особенно быстро исчезать именно тогда, когда законодательство подверглось либерализации. Подобные примеры мы видим и в других

странах: язык единственного исконного меньшинства Японии, айнский, окончательно вышел из употребления как раз тогда, когда после второй мировой войны айнов уравнили в правах с японцами.

Опыт ряда стран также показывает, что сознательная жесткость языковой политики, закреплённая в законах или прецедентах, может и не быть обязательной. В США ни на федеральном уровне, ни (до недавнего времени) на уровне штатов не было законодательства, обеспечивавшего права английского языка. Тем не менее, каждый, кто бывал в Америке, знает, насколько там тяжело человеку, не владеющему этим языком (в первую очередь, конечно, иммигрантам). Права английского языка защищаются как объективной экономической и социальной ситуацией в стране, так и соответствующей этой ситуации идеологией «плавильного котла» (*melting pot*), согласно которой человек любого этнического происхождения, попав за океан, должен воспринять единую культуру, один из основных элементов которой — английский язык.

Сейчас, правда, иногда говорят, что этот подход вытесняется идеологией мультикультуризма, предполагающей, кроме всего прочего, и признание права на многоязычие. Однако на деле, особенно в американской провинции, до смены традиций еще далеко. Единственное значительное меньшинство в США, как-то сопротивляющееся переходу на английский язык — испаноязычные чиканос. Усиление этого сопротивления стало главной причиной того, что в 1980-е гг. английский язык впервые в американской истории был признан государственным в двенадцати штатах¹.

Отметим, что и в СССР за почти весь период его существования русский язык официально не считался государственным, а его роль формально не закреплялась в общесоюзном законодательстве (хотя в законах некоторых союзных республик существовало понятие государственного языка). Одной из причин была негативная оценка обязательного введения государственного языка в работах В. И. Ленина². Однако ясно, что фактически такая роль закреплялась не только практикой, но и рядом официальных постановлений и инструкций. Единственным периодом, когда русский язык законодательно объявлялся государственным языком СССР, был последний период существования государства, с апреля 1990 г. по декабрь 1991 г. Однако ясно, что как раз в это время позиции русского языка

во многих частях страны были уже подорваны (принятие Закона о языках было своего рода оборонительной мерой, не давшей результатов).

Таким образом, нет однозначного соответствия между языковым законодательством и языковой ситуацией. В. И. Ленин, считая нежелательным введение государственного языка, указывал: «Потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений»³. Это, безусловно, так. Вся ситуация в индустриальных державах способствовала распространению единого государственного языка, а для меньшинств — переходу от одноязычия на своем языке к двуязычию, нередко потом переходящему в одноязычие на первоначально чужом языке. Независимо от административных мер, этому способствовали «потребности экономического оборота», вместе с политической и культурной ситуацией.

Языковая политика в том или ином варианте, однако, может ускорить или замедлить упрочение позиций государственного языка и лингвистическую переориентацию меньшинств. Кроме того, она может смягчить последствия резких политических сдвигов — изменений границ, распада или слияния государств. Многолетняя жесткость французской политики ускорила языковую ассимиляцию меньшинств (а она всегда тесно связана и с этнической, и с культурной ассимиляцией), не дала сложиться региональным вариантам французского языка и в конечном счете способствовала тому, что во Франции не сформировались сильные сепаратистские движения (исключая разве что Корсику). Жесткая языковая политика в колониях не могла предотвратить получение ими независимости, однако она привела к большой престижности французского языка в этих государствах, к достаточно высокому уровню владения им и в конечном счете к тяготению значительной части национальных элит к французскому языку и культуре. А смягчение законодательства с 1950-х гг., кроме всего прочего, мало затронуло сложившуюся ситуацию еще и потому, что политика полного господства французского языка уже вошла в традицию.

А теперь рассмотрим языковую политику и ее изменения в царской России, СССР и современной России в сопоставлении с тем, что происходило в соответствующие годы во Франции⁴.

Если кратко охарактеризовать политику царской России, в целом она была направлена на распространение по всей территории империи единого государственного языка — русского. Существовали, впрочем, различия в отношении разных языков и народов. Отметим, что и здесь степень жесткости языковых установлений не всегда соответствовала жесткости политики в целом. Например, эпоха «великих реформ» Александра II как раз была периодом наибольшего ограничения в правах ряда языков (украинского, польского и др.), что вполне объяснимо: эти реформы усиливали централизацию страны, распространение единого рынка и единой административной системы, а также и единой системы образования (основанной на русском языке) и единой, т. е. русской, культуры. А вот либерализация после Манифеста 17 октября 1905 г. была связана с расширением прав языков национальных меньшинств.

В отношении тех или иных языков империи политика в основном сводилась к трем моделям. Первый тип, наиболее близкий к французскому, был ориентирован на ассимиляцию. Особенно активно она велась в отношении украинцев и белорусов, которые обычно рассматривались не как особые народы, а как этнографические разновидности русских; их языки считали диалектами русского языка, а литературу на них — диалектной. Политика в отношении украинского языка в России резко отличалась от ситуации, скажем, в Австро-Венгрии, где существовали украинские школы, газеты и др. Менее активно проводилась лингвистическая ассимиляция народов, обращенных в православие: мордвы, чувашей и др., хотя их языки активно вытеснялись русским.

Вторая модель имела своим объектом христианские (но часто не православные) народы на западных и южных окраинах России. Это поляки, грузины, армяне, этнические группы Прибалтики (несколько более либеральной она была в имевшей автономию Финляндии). Здесь задача языковой или этнической ассимиляции не ставилась, ограниченное использование этих языков в образовании и культуре допускалось, но власть старалась полностью вытеснить их из сферы администрирования.

Третий тип политики господствовал в отношении нехристианских народов, особенно жителей недавно присоединенных к России национальных окраин. Здесь власть почти не вмешивалась в языковые процессы и мало внимания обраца-

ла на культурное развитие жителей этих территорий. Их хозяйственное освоение только начиналось, поэтому там, особенно в Средней Азии, Казахстане и на севере Сибири и Дальнего Востока, местные языки полностью сохранялись, а знание русского было распространено слабо.

Языковая политика царской власти, прежде всего два ее первых типа, вызывала недовольство и протесты не только у национально ориентированной интеллигенции соответствующих народов, но и у оппозиционной к власти русской интеллигенции. С одной стороны, эта политика часто бывала, особенно до 1905 г., не менее жесткой, чем французская или британская. Но, с другой стороны, уровень развития многих языков меньшинств и национальное самосознание их носителей были гораздо более высокими, чем в случае с бретонским или гэльским языком. Образцом многие считали швейцарскую модель, при которой немецкий, французский и итальянский языки полностью равноправны, а носитель каждого из этих языков имеет право не знать другие. Либерализация законодательства после 1905 г. была уже запоздалой и половинчатой мерой. Шла борьба и за социальные, и за национальные, в том числе языковые права, завершившаяся революцией.

После 1917 г. языковая политика в стране коренным образом изменилась. Хотя можно провести некоторые параллели с такой страной, как Швейцария, но во многом российско-советский вариант не имел аналогов. Цель данной модели заключалась в том, чтобы каждый гражданин, независимо от национальной принадлежности, мог свободно оперировать своим материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры. Уже в первых декретах и постановлениях новых органов власти 1917–1919 гг. устанавливалось равенство языков. Предусматривалось использование всех языков народов России в административных сферах, в суде; ставилась задача создания национальных школ всех уровней, издания литературы на национальных языках. Не все планы были реализованы, но, безусловно, для развития многих языков в то время, а затем в СССР в 1920-е гг. и отчасти в первой половине 1930-х гг. было сделано много.

В 20-е гг. XX в. языковые стратегии в СССР и во Франции были во многом полярными. Причем напрашивается вывод, который для современного человека на Западе или в России выглядит парадоксальным: самой демократичной оказалась

политика в «тоталитарном» СССР, а самой жесткой и лишенной демократичности — во Франции. Другое дело, что с 1930-х гг. политика в СССР «посуровела», а во Франции с 1950-х гг., как уже указывалось, она стала трансформироваться в противоположном направлении, и к 1970—1980 гг. они уже в какой-то степени поменялись местами.

Для проведения политики равенства всех языков (а в 1920-е гг. ставился вопрос не только о равноправии, а о полном их равенстве) имелись, однако, два препятствия. Из которых в СССР в то время осознавалось лишь одно, а именно — недостаточное развитие многих языков. Ясно, что национальный суд или театр нельзя создать на языке, для которого нет письменности или разработанной языковой нормы. Поэтому развернулась активная работа, получившая название языкового строительства. Поначалу оно развивалось преимущественно на местах, а с конца 1920-х гг. стало вестись централизованно. Научное обеспечение этого процесса было очень хорошим; к созданию новых алфавитов и литературных норм привлекались многие талантливые и передовые по научным взглядам ученые, например, Е. Д. Поливанов и Н. Ф. Яковлев. В частности, развитие самой передовой тогда области лингвистики — фонологии, и создание алфавитов активно влияли друг на друга: алфавитная деятельность давала материал для фонологических исследований, а фонология была теоретической основой для конструирования новых алфавитов. В 1920-х и 1930-х гг. появилось около 70 новых алфавитов для языков народов СССР на латинской основе. Часть этих языков ранее письменности не имела, а часть располагала признанными «реакционными» письменностями на арабской или старомонгольской основе. Латинский алфавит политически был наиболее нейтрален. К тому же тогда еще ждали мировой революции, а единственным алфавитом человечества мог стать только латинский.

Однако не осознавалось другое препятствие: необходимость единого средства общения в единой стране, проходящей стадию индустриализации. А таким средством реально мог быть для всего государства лишь русский язык. «Потребности экономического оборота» этого требовали (а в то время многие территории, ранее мало освоенные, активно развивались), а усилившаяся со второй половины 1920-х гг. централизация требовала этого еще больше. Для национальных элит только знание русского языка открывало возможности карьерного

раста. Уже в 1927 г. один из теоретиков языкового строительства Е. Д. Поливанов отмечал, что слушатели Сталинского комвуза (учебного заведения, где готовили руководящие кадры для национальных регионов) охотно занимались русским языком, но не желали активно осваивать литературную разновидность своего родного языка и учиться говорить на нем на политические или экономические темы⁵.

Прямое сопротивление новой лингвистической политике было невелико. Однако стихийно ей противостояла объективная ситуация, требовавшая прежде всего всеобщего распространения русского языка. С середины 1930-х гг. вся политика советских властей во главе с И. В. Сталиным (который в первые годы после революции в качестве народного комиссара по делам национальностей как раз руководил реализацией на практике принципа равенства наций и языков), резко меняется. От идей интернационализма перешли к политике, исходящей из государственных интересов, во многом воссоставившей традиции дореволюционной России. Проявилось это и в языковой сфере, хотя официальные лозунги 1920-х гг. продолжали сохраняться.

Все разработанные в 1920–1930-е гг. алфавиты на латинской основе были (в основном в 1937–1941 гг.) переведены на кириллицу; более десятка языков при этом вообще потеряли письменности. С 1938 г. значительно расширилось преподавание русского языка во всех национальных школах СССР. Многие из них были вообще закрыты и заменены русскими. Просветитель народа коми профессор В. И. Лыткин, попав после долгих лет ссылки в послевоенные годы в родные места, увидел, что детям вновь запрещают даже на переменах говорить на родном языке, как это было с самим Лыткиным в школе до революции⁶. А в начале 1930-х гг. в той же Республике Коми рапортовали о том, что они первыми в РСФСР перевели все начальные школы на родной язык⁷.

Новый курс отличался жесткостью и часто жестокостью, но он в значительной степени соответствовал реальной ситуации, а прежняя политика содержала много утопического. В 1940-е и в начале 1950-х гг. была значительной инерция прежних подходов, что проявилось, в частности, в сохранении довольно большого числа национальных школ. Новый период русификации связан с эпохой, которую сейчас принято называть «оттепелью». Руководивший тогда государством Н. С. Хру-

шев считал, что национальные различия должны стираться по мере перехода к коммунизму, который уже не за горами. Поэтому он был сторонником форсированного внедрения русского языка. Именно в конце 1950-х и начале 1960-х гг. в РСФСР произошло массовое закрытие национальных школ и переход почти всего обучения на русский язык (хотя в других союзных республиках обучение на титульных языках сохранялось). Во Франции же как раз в 1950-е гг. началась либерализация языковой политики. Но русификация была обусловлена не только требованиями сверху, но и желаниями снизу. В 1958 г. прошла реформа образования, в том числе дававшая родителям право выбирать школу для своих детей (раньше у них такой возможности не было). После этого резко сократилось количество учащихся в национальных школах: родители самых разных этнических групп считали наиболее важным для своих детей знание русского языка и старались их отдавать в русские школы.

В эпоху Л. И. Брежнева языковая политика, исключая отдельные периоды «кампаний», не отличалась активностью: в основном сохранялось прежнее направление на распространение русского языка. Наряду с этим кое-что оставалось и от политики 1920–1930-х гг. Например, большое внимание уделялось развитию художественной литературы на языках народов СССР, включая самые малые. Именно в советское время у многих из них появились свои национальные писатели (ср. советскую литературу народов Севера, где многие писали на своих языках, и индейскую литературу США, почти целиком созданную на английском). Считалось необходимым сохранять газеты и журналы на значительном количестве языков. В то же время образование и особенно административная сфера были сильно русифицированы.

За советский период сложилась определенная иерархия языков. Высшую позицию занимал русский язык, единственный язык, функционировавший по всей стране; в ряде сфер он был единственным (армия) или почти единственным (крупная промышленность, создание передовых технологий) средством общения. Русскоязычное население (в состав которого входили не только этнические русские) обычно было одноязычно (возможное знание иностранных языков мы сейчас не учитываем). Остальная часть граждан СССР либо была вынужденно двуязычной (принудительность изучения русского языка,

конечно, смягчалась его престижностью), либо одноязычной на своих родных языках; такие группы занимали низшее положение в социальной иерархии и имели невысокий уровень образования. Количество людей, не владеющих русским языком, несмотря на все принимавшиеся меры, в ряде регионов, особенно в Центральной Азии, оставалось весьма значительным.

Следующее место в иерархии занимали титульные языки остальных четырнадцати союзных республик. В пределах последних они использовались в большинстве культурных сфер и могли служить средством межнационального общения, деля ряд функций с русским языком, однако не имели каких-либо прав вне своих территорий. Меньшие права имели языки автономных образований внутри союзных республик (автономные республики, автономные области, автономные округа) и наименьшие — языки без автономий (немецкий язык советских немцев, идиш, цыганский и т. д.). Играло роль и то, в какой союзной республике был распространен тот или иной язык. В целом языки меньшинств РСФСР имели больше прав, чем соответствующие языки в других республиках, иногда даже имевших автономии: талышский в Азербайджане, ягнобский и языки Памира в Таджикистане и др.; они вытеснялись не столько русским, сколько, соответственно, азербайджанским и таджикским. Последний факт опровергает распространенное представление о СССР как о чисто унитарном государстве.

До начала 1980-х гг. такая ситуация сохранялась в стабильном виде, и большинством нерусского населения воспринималась если не как желательная, то по крайней мере как естественная. Русскоязычные же обычно вообще не испытывали каких-либо лингвистических трудностей. Характерно, что демократическое движение в России в конце 1980-х гг. выражало озабоченность какими угодно проблемами, но только не языковыми. У других же народов СССР «перестройку» трудно отделить от активного обсуждения лингвистических прав и появления национально-языковых движений. Все они стремились так или иначе ограничить позиции русского и расширить функции «своих» языков. Характер их движений мог быть различен. В Прибалтике или Молдавии, которые отличались широкой распространенностью «своих» языков, ставилась задача развития национального одноязычия, получения права не пользоваться русским языком. Но в Башкирии или Чувашии, где «свои» языки были сильно вытеснены русским,

такая задача выглядела явно утопической, поэтому требовали узаконенного двуязычия⁸.

Распад СССР резко изменил всю ситуацию, однако в гораздо большей степени — в четырнадцати новых государствах, нежели в России, где независимо от характера языковой политики (в современной Российской Федерации в целом нечеткой и неактивной) русский язык не может уступить свои позиции какому-нибудь другому так, как это происходит за ее пределами. К концу 90-х гг. здесь произошла определенная стабилизация языковой ситуации.

А теперь сравним современную Францию и Россию. В наше время в развитых странах можно наблюдать три разнонаправленных языковых процесса. Во-первых, характерный и для прошлых эпох процесс распространения и поддержания господствующей роли государственных языков продолжается уже потому, что сохраняются «потребности экономического оборота» внутри той или иной страны. Во-вторых, всё шире распространяются идеи культурного, в том числе языкового плюрализма и необходимости охраны малых языков; соответствующие меры принимаются при поддержке ЮНЕСКО и других международных организаций. Здесь во многом возрождаются идеи, впервые выдвинутые в Советской России и в ранний период существования СССР (необязательно под прямым влиянием советского опыта): то, что тогда в относительно неразвитой стране было сильным «забеганием вперед», теперь с большим успехом может быть реализовано. В-третьих, процесс глобализации приводит к расширению международной роли английского языка и его распространению за пределами англоязычных стран; на некоторых территориях он начинает вытеснять в ряде культурных сфер их собственный государственный язык.

Франция в этом отношении имеет несомненные особенности. Ее языковая политика традиционно направлена на стимулирование первого процесса, сдерживание второго (идушего во Франции медленнее, чем, скажем, в скандинавских странах или Австралии) и противодействие третьему. Причины естественно связывать с национальными традициями, всегда придававшими большое значение своему языку. У иностранных наблюдателей, особенно англоязычных, это иногда вызывает удивление. Например, американский японист Р. Э. Миллер пишет, что все мы настолько заняты, что не можем обращать

внимания на язык, но французы и японцы думают иначе, внимание к языку — их национальная особенность⁹. Для представителя нации, более двух веков назад тому назад провозгласившей, что «время — деньги», подобное заявление представляется естественным.

Повышенное внимание к языку имеет, конечно, исторические причины. Франция рано стала централизованным государством, литературная норма сформировалась очень давно, о ее поддержании издавна заботились. Разумеется, во Франции не могло сложиться представление, аналогичное тому, что господствует в Японии: быть японцем и говорить по-японски — одно и то же. Но и во Франции в одном отношении оно имеет место: если человек говорит по-французски, он может и не быть французом, но француз (в смысле «гражданин Франции») должен говорить по-французски, причем обязательно владеть его стандартной формой. Это представление совсем не так тривиально: достаточно посмотреть на почти все соседние с Францией страны. Пример Бельгии и Швейцарии, где два гражданина страны могут не иметь общего языка, очевиден. Приближается к такому состоянию и Испания, где в последнее время каталонцы и баски многого добились в признании права не пользоваться испанским языком. Даже Италия отличается от Франции, поскольку там значительно выше роль региональных вариантов итальянского языка.

Есть еще специфические факторы. При рано сложившемся ядре французского государства его периферия не раз меняла свои границы, стабилизация границ произошла лишь после 1815 г. (а в Эльзасе и Лотарингии еще позже). А присоединение той или иной территории к Франции требовало принять меры для распространения там французского языка. Такой проблемы вовсе не существовало после XIII в. в ограниченной естественными границами Великобритании, а в США она касалась лишь некоторых территорий, в частности, Луизианы (зато в России она, конечно, была актуальной). Безальтернативность английского языка не требовала специальных мер, в том числе законодательных, для его распространения.

Традиции, вероятно, влияют и на современную языковую политику французского государства. Хотя права малых языков признаются, но в отличие, например, от Великобритании и Норвегии, где есть, соответственно, валлийские и саамские школы, во Франции бретонский или баскский языки препода-

ются лишь в виде предмета. А проникновение английского языка ограничивается специальными мерами, что беспрецедентно для Европы. Некоторые, и то менее масштабные параллели, можно найти лишь для Японии.

И, безусловно, еще одна особенность французской политики (уже выходящей за рамки чисто языковой) — создание содружества франкофонных стран. Ничего подобного не делают другие бывшие колониальные державы. Причины очевидны. С одной стороны, Германия или Япония не могут себе этого позволить уже потому, что позиции их языков в бывших колониях, которыми они не владели долго, уже давно подорваны. С другой стороны, ни Великобритании, ни США при создании содружеств того или иного рода нет нужды подчеркивать языковой аспект: мировая роль английского языка и так несомненна.

А теперь сравним российскую ситуацию с французской. Различия идут по двум линиям. Во-первых, во Франции языки традиционных национальных меньшинств не играют (как и французские диалекты) значительной роли. Как уже говорилось, трудно предположить возможность какой-то ожесточенной борьбы окситанцев или бретонцев за право, скажем, вести на своем языке деловую переписку. Безусловно, значительно более важную роль играют арабский, турецкий и другие языки иностранных рабочих и переселенцев из бывших колоний. Некоторые специалисты считают, что уже в близком будущем эти языки будут конкурировать с французским. Но этот тип многоязычия отличен от того, который актуален для России. Мультилингвизм в традиционном смысле для России — гораздо более серьезный фактор, чем для Франции.

Во-вторых, во Франции пока нет необходимости принимать какие-то меры по защите французского языка от какого-либо другого, кроме английского. В России же в ряде автономий (Тува, Якутия, отчасти Татарстан) русский язык в ощутимой степени вытесняется местными языками, особенно из сферы образования; количество людей, не владеющих русским языком, там за последнее десятилетие увеличилось, в первую очередь среди детей.

Что касается языковой политики, то она в России (если говорить о линии центра) в принципе та же, что во Франции, но ведется гораздо менее активно. Региональная же политика, во Франции вряд ли играющая самостоятельную и тем более про-

тивостоящую центру роль (исключая, может быть, Корсику), у нас так или иначе направлена на ограничение использования русского языка, конечно, в пределах возможного.

Распространение русского языка, разумеется, идет не только стихийно, но и через усилия сверху (поддержание общей системы образования, сохранение государственного телевидения и радиовещания на русском языке и т. д.), однако гораздо менее активно, чем в советское время. У власти не всегда имеются действенные механизмы воздействия на региональных руководителей в том случае, если они предпринимают какие-либо шаги, расцениваемые в Москве как недружественные. Впрочем, самый известный случай такого рода — предполагаемый перевод татарского языка на латинский алфавит, как раз показывает, что возможности компромиссных решений пока что найти можно.

О политике мультикультуризма и поддержке малых языков говорить почти не приходится. Если национальная элита того или иного народа способна принять самостоятельно меры по распространению своего языка, то здесь что-то делается; в противном случае вытеснение идет еще быстрее. Вот только одна цитата из доклада коми-пермяцкого ученого: «Низкий престиж языка способствует дальнейшему усилению дефицита этнической идентичности у коми-пермяков, а ослабленное этническое сознание всё более подрывает позиции коми-пермяцкого языка в обществе... На формирование национально ориентированных кадров местной интеллигенции, особой культурной среды, которая благоприятствовала бы национальному развитию, нужны годы и средства. Существует реальная опасность, что первого в запасе уже нет, а возникновение второго не предвидится, и процессы этнической эрозии приобрели у коми-пермяков необратимый характер»¹⁰. Не удивительно, что принято решение о ликвидации национальной автономии коми-пермяков (первый случай такого рода в России). В советский период, особенно в ранние его годы, подобная эрозия как-то замедлялась благодаря политике центра, теперь этого нет. Русских энтузиастов, аналогичных тем, кто когда-то занимался языковым строительством, также гораздо меньше, хотя такие люди все-таки встречаются.

Внедрение рыночной экономики в ряде ситуаций даже ухудшило положение языков меньшинств, поскольку, например, в советское время особыми мерами сохранялось издание

книг и периодики на ряде таких языков, но при подчинении законам рынка выживает лишь литература на русском. «Потребности экономического оборота» играют еще бóльшую роль, чем до 1991 г., а они в основном работают в пользу русского языка и против всех остальных (как во Франции все последние столетия в пользу французского языка). Вот пример, относящийся к языкам Сибири, включая даже упомянутый выше тувинский: «Максимального уровня книжная продукция достигала на тувинском и алтайском языках в 1970 г. ...происходит сокращение разовых тиражей. Для сравнения приведем данные в тыс. экземпляров в 1994 г. и 1998 г.: на тувинском языке сокращение произошло с 306 до 30,2; на алтайском языке — с 36,3 до 12,5; на хакасском языке — с 45,2 до 0»¹¹. Нередко малые языки России легче восстанавливают символическую роль, чем коммуникативную.

В целом, исключая отдельные, как правило, наиболее обособленные от центра, регионы, в России спасать надо в первую очередь не русский, а другие, малые языки. Впрочем, и во Франции ситуация с ними достаточно сложная.

Проблема английского языка в России существует, как и во Франции. Правда, надо учитывать, что его распространение в советское время сдерживалось, а за десять лет ситуация, несмотря на развитие процессов глобализации, не могла измениться очень быстро. Сказывается и географическая обособленность России от стран Запада. Поэтому пока в России эта проблема стоит не столь остро, как во Франции. В то же время, в отличие от Франции, никаких мер по ограничению англицизмов, точнее, американизмов, не предпринимается. В целом, безусловно, процесс идет в сторону усиления влияния английского языка на русский¹².

Языки меньшинств России в большинстве случаев еще никак не связаны с глобализацией. В диссертации Т. Г. Боргояковой приводится такой факт: Далай-лама, посещая Туву, обратился к публике на английском языке, но его речь никто не мог прямо перевести на тувинский язык, нужен был двойной перевод с английского на русский и с русского на тувинский. До замены русского языка английским в национальных республиках России еще далеко, хотя в Якутии бывший президент М. Николаев объявлял об введении английского языка как обязательного предмета в школах. Идея непосредственно-

го выхода на мировую арену, минуя Москву, в этой республике в определенной степени владеет умами.

И последний вопрос: насколько возможно создание сообщества русскоговорящих стран по французскому образцу. Опыт Франции кажется заманчивым, однако ситуация здесь, при некотором сходстве, имеет гораздо больше различий.

С одной стороны, новые государства, образовавшиеся в 1991 г., до сих пор не вышли из зоны распространения русского языка. Это связано не только со значительным числом русскоязычного населения во многих из этих стран, но и тем, что большинство (или по крайней мере значительная часть) коренного населения не могла забыть русский язык и продолжает им пользоваться. Например, Ташкент остается многонациональным городом, а в качестве языка, общепонятного для всех национальностей, сохраняется русский. В сфере рекламы, объявлений о купле-продаже, услугах и пр. узбекский язык здесь пока что практически не функционирует. Во всех новых государствах уровень владения русским языком превосходит уровень владения любым западным. Но, с другой стороны, значительная часть населения здесь настроена против русского языка, и идет (исключая Белоруссию) сознательное его вытеснение из престижных сфер жизни, местами, как в Латвии и Эстонии, принимающее обидные для русскоязычных жителей формы. Исторический опыт показывает, что при немногочисленности русскоязычного меньшинства и антирусской политике властей та или иная страна может выйти из зоны русского языка очень быстро, как это произошло с Финляндией после 1917 г. Сейчас подобное уже заметно, например, в Литве.

И в бывших республиках СССР, и в странах бывшего социалистического лагеря в конце 1980-х гг. открыто проявилось негативное отношение к русскому языку, который многим хотелось поскорее забыть. Особенно подобные настроения сильны в Европе (исключая Белоруссию, восток и юг Украины, Приднестровье), где, во-первых, очевидна политическая и культурная ориентация на Запад, а во-вторых, собственные языки нередко рассматриваются как «более культурные» по сравнению с русским. Вот пример из американской газеты «Бостон глоб»: корреспондент, посетивший эстонский музей, знал русский, но не знал эстонского; эстонка-экскурсовод не знала английского; единственным выходом был диалог по-русски, но женщина «на беглом русском языке» воскликнула:

«О нет, нет, только не на русском, всё, что угодно, только не на русском!». Этому же корреспонденту эстонец, в прошлом майор милиции, сказал: «Мы были заключенными в тюрьме под названием “Советский Союз”. Сейчас мы хотим забыть Россию, русский язык и русских»¹³. Показательны и уличные выступления в Кишиневе в феврале-марте 2002 г., затем повторявшиеся: попытка восстановления обязательного преподавания русского языка в молдавских школах вряд ли была главной их причиной, но послужила удобным для них поводом. В озверевшей толпе дело доходило до избивания людей за речь на русском языке, и это уже на двенадцатом году независимости. Ясно, что такие люди не войдут в сообщество русофилов. Однако в Закавказье, Центральной Азии или в Монголии престижность русского языка всё-таки сохранялась всегда.

Безусловно, аналогичный описанному лингвистический негативизм наблюдался и наблюдается и во Вьетнаме, и в Алжире. Но «образ врага» был всё-таки другим. Французский язык мог оцениваться как орудие угнетения, вызывать отрицательные эмоции, но не мог кем-либо восприниматься как «неразвитый» и «уродливый», что сейчас иногда говорят про русский язык в Восточной Европе. Есть и еще один фактор, различающий государства, где в прошлом внедрялся русский язык, с одной стороны, и французский, с другой. В некоторых так называемых франкофонных странах у французского языка просто не может быть конкурентов (кроме иногда лишь английского). Во-первых, там может не быть другого языка, понятного для всех. Во-вторых, «свои» языки являются очевидно неразвитыми (например, в ряде стран Африки нет ни одного языка, кроме французского, с устойчивой письменной традицией). А в СССР, например, все титульные языки союзных республик были достаточно зрелыми — одни получили развитие в советское время, другие еще раньше. Перевод всех учреждений культуры и администрации на «свой» язык в Эстонии уже произошел, а, скажем, в Узбекистане — вопрос времени. Но пока не видно путей исключения французского языка из этих сфер в Чаде или Мали.

Однако время понемногу берет свое. «Вхождение многих народов в мировую цивилизацию» оказалось для многих из них гораздо более сложным процессом, чем представлялось десять лет назад, а знание русского языка оказывается, особенно за пределами Европы, полезным не только для общения с

русскими, но и для знакомства с мировой наукой, техникой, культурой. Очень показателен поворот к русскому языку в последние годы в Монголии, где, кроме всего прочего, так пока и не отменили кириллическую письменность (официально объявленный в начале 1990-х гг. переход на старомонгольское письмо реально не состоялся). В Киргизии с 2001 г. статус русского языка как второго государственного официально закреплен. И даже в Прибалтике далеко не всегда отношение к русскому языку столь картинно отрицательно, как в приведенных выше примерах. Те же эстонцы очень охотно высказываются против русского языка в разговорах с западными собеседниками, но, общаясь с русскими, обычно всё-таки не отказываются использовать этот язык. А попытка восстановить его обязательное преподавание в Молдавии показывает, что значительной части населения он по-прежнему нужен (таких людей, по-видимому, больше, что показывают результаты выборов, но противники русского языка социально активнее).

В конце концов и Франция начала создавать франкофонные содружества не в 1950-е гг. и не в начале 1960-х гг., когда ее колониальная империя распадалась, а позже, когда обстановка стабилизировалась. Но, конечно, ситуация во Франции в этом отношении намного благоприятнее. Среди прочих факторов отметим еще один. Сейчас в России некоторые люди, стремящиеся защитить русский язык, главным, а то и единственным аргументом в его пользу называют великую русскую литературу XIX в. Но этого в наше время недостаточно. Если бы франкофонные государства объединялись лишь тем, что французский язык — язык Бальзака и Гюго, вряд ли бы их содружество было устойчивым. Важно, что французский язык — язык высоких технологий. Раньше русский был уважаем в мире не только как язык Толстого и Достоевского, но и как язык, на котором говорил Ю. Гагарин. Сумеет ли он обрести престижность, связанную не с его прошлым, а с его настоящим, покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Donahue Th. S. American Language Policy and Compensatory Opinion // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.*

² *Ленин В. И. ПСС, Т. 24. М., С. 293–295.*

³ Там же, т. 23, с. 424.

- ⁴ Здесь мы использовали материал, опубликованный в: *Алпатов В. М.* 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.
- ⁵ *Поливанов Е. Д.* Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. М., 1927.
- ⁶ *Советкин Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 2. Саранск, 1980. С. 40.
- ⁷ Просвещение национальностей. М., 1930. № 7–8. С. 71.
- ⁸ См. дискуссию о двуязычии 1988–1989 гг. в журнале «Дружба народов», М., 1988, № 5, 6, 12; 1989, № 2.
- ⁹ *Miller R. A.* Japan's Modern Myth. The Language and Beyond. N. Y.—Токуо, 1982. P. 3–4.
- ¹⁰ *Шабеев Ю. П.* Языковая ситуация и этноязычные проблемы в Коми-Пермяцком Автономном округе. // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 230–232.
- ¹¹ *Боргоякова Т. Г.* Развитие социальных функций государственных торкских языков республик Южной Сибири. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2002.
- ¹² *Алпатов В. М.* Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001.
- ¹³ Цит. по: Глобус. Бюллетень зарубежной информации ИТАР-ТАСС. М., 1998. № 19. С. 15–16.

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ (статья вторая)

Михаил Членов

Еврейские языки

Социолингвистическая иудаика, понятно, не исчерпывается только ивритом, будь то в функции метаязыка цивилизации (МЯЦ) или этнического вербального языка. В первой части этой статьи («Диаспоры», № 3, 2002) мы упомянули о таком своеобразном явлении, как «еврейские языки». На них евреи повсеместно общались друг с другом на протяжении многовековой жизни в диаспоре. Под этим термином в «еврейской интерлингвистике», особом разделе социолингвистики, посвященном языковому поведению евреев, понимают вербальные коммуникативные языки, бытовавшие среди разных этнических групп (*эдом*) внутри еврейской цивилизации. Понятно, что когда древнееврейский язык перестал обслуживать внутриэтническую устную коммуникацию, что-то должно было заполнить образовавшуюся лауну. Так стали появляться еврейские языки, часть которых существует до сих пор. Все эти языки, подчеркнем еще раз, находились всегда в состоянии диглоссии с древнееврейским языком, *лашон-акодеш*, который выполнял функции метаязыка еврейской цивилизации. Данное обстоятельство определило, в частности, глубокое влияние древнееврейского практически на все еврейские языки. Парадоксальным образом сам он, как и современный израильский иврит, являясь языками евреев, не могут быть отнесены к категории «еврейских языков», т. к. не являются языками каких-либо отдельных еврейских этнических групп и не вступают в обязательные диглоссные отношения с метаязыком цивилизации.

Но особенность еврейских языков не только в этом. Хотя они принадлежат к самым разным языковым семьям, у всех есть немало общих черт, которые позволяют рассматривать их

Членов Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, декан филологического факультета Государственной классической академии им. Маймонида (г. Москва).

в качестве своеобразного типологического единства, сближающегося в чем-то с пиджин-креольскими языками¹. Среди многих таких особенностей отметим присущий и тем, и другим языковым феноменам макаронический характер. Выдающийся исследователь еврейских языков М. Вайнрайх обозначил их как «языки-сплавы» (*fusion languages*), подчеркивая тем самым их как бы искусственную структуру, образованную, на первый взгляд, путем механического слияния разнородных языковых элементов².

Еврейские языки, как и пиджин-креольские, легко инкорпорируют любые заимствования во всех своих пластах, причем отличаются от родственных им нееврейских языков смешением с языками, которые не являются ни котерриториальными, ни генетически родственными. Соответственно, попадая в иное лингвистическое окружение, что случалось нередко, учитывая историческую подвижность еврейских популяций, еврейский язык оказывался открытым для дальнейшего впитывания очередных иноязычных элементов. В качестве примера можно привести самый известный из рассматриваемой группы, идиш, который, возникнув в Германии на немецкой языковой базе с романским субстратом и семитским адстратом в виде лашон-акодеш, вобрал в себя второй адстрат, славянский, а впоследствии, уже на американском континенте, дополнил его английским и испанским. В Израиле в хасидской среде формируется своего рода израильский идиш, где роль адстрата играет уже современный иврит, так что в языке одновременно присутствует и субстрат лашон-акодеш, и адстрат израильского иврита.

Вообще еврейские языки, подобно пиджин-креольским, следует рассматривать как подвиды «контактных языков», которые образуются не путем постепенной языковой эволюции и дивергенции изначально единых предковых форм, а в процессе контакта между лингвистически разнородными популяциями. Известно, что контактные языки на протяжении большей части своей истории были низкопрестижными и обладали ярко выраженным пейоративным статусом. Достаточно вспомнить общее негативное отношение к креолизированным пиджинам, например, в Океании, где они на протяжении XX в. стали стремительно распространяться, приобретая черты лингва-франка. Учреждения ООН, следившие за ходом управления на неподопечных территориях, еще в 1950-х гг. потребовали

от Австралии, осуществлявшей опеку над восточной частью Новой Гвинеи, пресечь распространение языка *ток-писин* (сегодня это основной государственный язык Папуа — Новой Гвинеи) и закрыть школы, где на нем велось преподавание. Чиновниками двигала уверенность в том, что это — не самостоятельный язык, а искаженный английский, своего рода карикатура на литературный язык страны-опекуна³.

Подобно этому и еврейские языки на протяжении большей части своей истории обладали низким социальным статусом. Евреи эпохи еврейской цивилизации в языковом отношении сохраняли верность и уважение к лашон-акодеш. Он и только он считался языком в полном смысле слова. Все остальные языки евреи меняли легко, как змея меняет кожу. Еврейские языки обладали чрезвычайно низким, даже пейоративным статусом и рассматривались самими носителями как жаргоны. Характерно, что идиш официально именовался по-русски «жаргоном» вплоть до революции 1917 г. Причем наименование это бытовало в самой еврейской среде, а вовсе не во враждебной еврейству литературе. Например, журнал «Еврейский мир», издававшийся в России в начале XX в., имел рубрику «Новости жаргонной литературы»⁴. В быту наименование идиша жаргоном сохранялось в среде русского еврейства вплоть до послевоенного времени.

Пейоративный статус еврейских языков естественным образом проистекал из функциональных особенностей иврита как МЯЦ. Напомним, что в определенный период развития цивилизации МЯЦ обслуживает всю сферу письменной культуры, включая литературу, образование, религию, документацию. За еврейскими языками оставалась лишь устная коммуникация, так что, казалось, они были обречены оставаться бесписьменными. Была, однако, одна сфера, в которую иврит не проникал — жизнь женщин и детей. Именно с нее и началось развитие этих языков как письменных. Хотя некоторые из них так и остались на дописьменном уровне, большинство со временем все же выработали письменные нормы. Начинались они чаще всего со специальных образовательных сочинений, предназначенных для женского чтения.

Еврейская религиозная традиция не предусматривала необходимость обучать девочек языку святости. На женщин не распространялся долг исполнения 613 заповедей-мицвот, на которых основывалось все течение жизни еврейских мужчин.

Миссией средневековой еврейки был дом, поддержание его в кошерном виде, так, чтобы обеспечить мужу выполнение его религиозных функций; рождение и воспитание детей. В то время, как школа была обязательной для мальчиков, какую-то систему образования для девочек в средневековье мы встречаем очень редко. Скорее, известны имена незаурядных талантливых женщин, которые сами осваивали премудрости еврейской религиозной науки, несмотря на препятствия, чинившиеся им на этом пути. Для большинства же женщин именно еврейский язык был их единственным доменом, средством познания нелегкого мира, в котором им приходилось жить. Не случайно поэтому наиболее развитые еврейские языки почти всегда имеют женский облик.

Женщины, не знавшие иврита, молились на еврейских языках. Возник целый пласт женских молитв, получивших на идише название *тхинес*. Одна из первых книг такого рода называлась «*Ценерене*», что в переводе с иврита означает «Идите и узрите», причем оба глагола стоят в повелительной форме 2 лица множественного числа женского рода, т. е. обращены к женщинам. Эта книга представляет собой дайджест основных библейских и талмудических нарративных повествований, предназначенных для женщин, которые не могли прочесть их на иврите. «*Ценерене*» была неременной спутницей многих поколений еврейских женщин, и популярность этой книги, созданной в конце XVI в., сохранилась в ортодоксальной еврейской среде до сих пор.

В XVI в. появился и перевод знаменитых рассказов о Бове-королевиче, известных на идише как «*Бове майсес*», т. е. «сказки про Бову». Народное сознание быстро изменило название на *бове-майсес*, т. е. «бабушкины сказки». В свою очередь, данное словосочетание превратилось в поговорку, а сюжеты из книги обогатили устный ашкеназский фольклор. Излишне говорить, что основными потребителями этой и подобной книжной продукции были женщины и дети. В XVIII в., с внедрением идиша в книгопечатание, появился даже специальный термин *вайбертайч*, т. е. «женский немецкий», требовавший введения особых шрифтов и дизайна для издания предназначенных для женщин сочинений⁵. Однако не следует полагать, что мужчины не читали эту литературу. На самом деле, владение ивритом у большинства евреев было довольно ограниченным. Чаще всего они знали какой-то необходимый набор

молитв и должны были уметь читать отрывки из Пятикнижия. В совершенстве лашон-акодеш, конечно же, знали немногие. Но все же иврит оставался преимущественно мужским языком, языком общения с Богом, языком любого серьезного дела. Трудно себе представить, как на этом языке просят, например, вынести ведро с мусором. Для подобных целей существовал еврейский язык.

М. Вайнрайх стал первым, кто сформулировал основополагающее социолингвистическое правило функционирования еврейских языков. Оно сводилось к утверждению неразрывной связи между этими языками и существованием традиционной еврейской общины в диаспоре, ее социальной структурой и средневековой кумулятивной формой еврейского самосознания, которую он обозначил ивритским выражением *дерех-ашас*, что означает «путь Талмуда»⁶. В своих работах я предложил обозначать этот специфический тип еврейской идентификации аббревиатурой ДАШ⁷. М. Вайнрайх совершенно справедливо утверждал, что без общинной обособленности не может существовать отдельный язык. Действительно, вплоть до эпохи Просвещения конца XVIII в., получившей в еврейской историографии название *гаскала*, евреи повсеместно жили территориально обособленно от христианского или мусульманского окружения. Хотя сегодня в глазах либеральной историографии и общественного мнения эта обособленность выглядит одним из ярких примеров нарушения гражданских прав евреев, загнанных в гетто, на самом деле в те времена она представлялась многим одной из привилегий, дарованных евреям и позволявших им поддерживать непрерывность своей культуры, религии и социальной организации.

М. Вайнрайх специально подчеркивает, что речь шла не о тотальной сегрегации, а именно об обособленности, и в качестве примера цитирует слова ашкеназского раввина XII в. Элиэзера бен Йозеля Галеви: «Мы живем среди неевреев, слуги и служанки, как и просто нееврейские мужчины постоянно приходят в наши дома»⁸. Это обстоятельство очень важно для понимания природы еврейских языков. В эпоху цивилизации никто из евреев не пользовался ивритом как живым языком. Все евреи, благодаря тому, что к ним «постоянно приходили» их христианские или мусульманские соседи, владели языками тех стран, в которых они пребывали. Но внутри своего обособленного жилища они никогда не говорили на этих языках.

У них возникали свои, часто родственные языку соседей формы речи, которые отражали их нехристианскую и немусульманскую жизнь — «путь Талмуда». Поэтому можно утверждать, что классические еврейские языки существуют как самостоятельные до тех пор, пока существуют общины типа ДАШ, обеспечивающие отделенность, в том числе и лингвистическую, от окружающей среды.

Другой особенностью еврейских языков можно считать наличие в них двух разных стилистических регистров: чисто вербального и регистра переводов священных текстов с лашон-акодеш. В этой последней форме еврейский язык обнаруживает некоторые свойства, присущие МЯЦ — в частности, он выступает в форме искусственного языкового образования, подобно МЯЦ, не существующего в естественном языковом узусе. Примером могут служить, в частности, языки переводов библейских текстов на еврейские языки. Традиционные переводчики не стремились, как современные, воспитанные в позитивистской традиции, просто передать средствами другого языка величие и поэтику гениального творения древности. Они подходили к тексту как к сакральной последовательности знаков, каждый из которых несет, кроме поверхностного (*nisham*), еще и некий скрытый смысл (*cod*). Для того, чтобы сохранить хотя бы намек на него (*ремеэ*), необходимо крайне бережно относиться к оригиналу и пытаться, строго говоря, не переводить его, а калькировать. Смысл такого перевода заключался в том, чтобы сохранить для изучающего Тору, но не знающего лашон-акодеш, те элементы текста, которые позволяли экзегетам творить его герменевтическое толкование.

Подобная целенаправленность предполагала ряд серьезных стилистических и жанровых языковых особенностей. В частности, в этом регистре еврейские языки были практически лишены гебраизмов, изобиловавших в вербальном регистре. Причина заключалась в том, что переводчик ставил целью именно перевести понятие, выраженное на лашон-акодеш, на другой язык, подобно тому как великий средневековый экзегет Раши истолковывал неясные места Торы посредством еврейско-французских слов, которые он называл *лааз*, т. е. «чужой». Использование гебраизма для такой цели не достигнет цели, уже не будет переводом. Так что с лексической точки зрения переводной регистр стоит намного ближе к нееврейскому ближайшему родственнику данного еврейского языка. Но вместе

с тем переводчик, стремясь к дословному переводу и даже, как говорилось выше, калькированию, пытался сохранить везде, где можно, и синтаксис, и стилистику оригинала, включая и ивритские архаизмы. А это уже вступало в противоречие с природой самого еврейского языка и его нееврейского аналога.

Вот как характеризует один из таких «переводческих языков», еврейско-персидский, его исследователь: «Переводы священных текстов, наоборот, стремятся к большему подражанию классическому фарси и освобождению от диалектизмов. Для них, в том числе и созданных в бухарской общине, характерен искусственный язык, в котором осуществлен дословный перевод ивритских слов, в котором вульгаризмы свободно сочетаются с архаизмами, что придает им облик языка, не существующего в природе»⁹.

Другим хорошим примером своеобразного стиля переводной литературы может служить перевод Танаха (т. е. еврейской Библии) на русский язык, осуществленный обществом «Мосад Арав Кук»¹⁰. Он выполнен в традиции классических переложений на переводной регистр идиша, так называемый *ивре-тайч*, т. е. еврейско-немецкий, но в совершенно иную эпоху (середина 1970-х), когда еврейская цивилизация в диаспоре в ее старом средневековом облике почти исчезла, во всяком случае, в русскоязычной среде. Сейчас почти нет еврейского читателя, который испытывал бы потребность в подобной стилистике. Оторванный от традиции советский еврей воспринимает лишь переводы Библии на литературный русский язык, а немногочисленная, хотя и растущая сейчас прослойка религиозных иудаистов, как правило, знает лашон-акодеш и не нуждается в подобных текстах. Поэтому такой перевод, пусть он и остается на сегодняшний день единственной русской версией Торы, выполненной в рамках иудаистской религиозной концепции, вызывает ощущение комичности, умело спародированной несколько лет тому назад в «Беседере» — известном сатирическом еженедельнике на русском языке, издающемся в Израиле.

* * *

Еврейских языков в истории было не так мало, около двух десятков. Наиболее ранние из них, видимо, еврейско-арамейский и еврейско-греческий. Первый сложился в Двуречье в

середине I тыс. до н. э. среди евреев, переселенных вавилонским царем Навуходоносором из Иудеи в Месопотамию. Эта печальная страница в истории древнего Израиля известна под названием «вавилонского пленения» и рассматривается еврейской традицией в качестве одного из центральных событий в процессе сложения еврейской самобытности. Смысл его заключается в сохранении верности родной земле, земле Израиля, и в решимости вопреки всему вернуться туда. Именно в Вавилоне, «на реках Вавилонских», родился знаменитый псалом: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука».

Часть изгнанников смогла вернуться в Иерусалим в первые десятилетия существования империи Ахеменидов, но большая часть осталась жить на новых местах, образовав тем самым первую общину еврейской диаспоры. Арамейский язык, бывший основным в то время в Двуречье, быстро проник в еврейскую среду, так что даже те, кто вернулся в Сион, принесли туда с собой новый язык. Этот *арамит*, бывший и ранее *lingua franca* всего Ближнего Востока, начал вытеснять из Иудеи древнееврейский, который, с одной стороны, выполнял функции культового языка, на нем читалась Тора и велось храмовое служение, а с другой стороны, продолжал бытовать в крестьянской среде. В этой последней форме он, несомненно, терял престижность, свойственную зарождавшемуся МЯЦ. Но если в Иудее арамейский соседствовал с древнееврейским, то в вавилонской диаспоре он очень скоро становится единственным языком, на котором евреи реально говорили между собой. Иврит там сохранялся исключительно в качестве культового языка и, видимо, именно в Двуречье во второй половине I тыс. до н. э. он и превратился впервые в МЯЦ. Достаточно скоро арамейский приобретает специфическую еврейскую форму, так что становится возможным, применительно к концу I тыс. до н. э., говорить о сложении особого еврейско-арамейского языка, которому суждено было сыграть огромную роль в еврейской цивилизации и, как я писал выше, стать одним из компонентов лашон-акодеш¹¹.

Уже на грани старой и новой эры арамейский распадается на две диалектные разновидности, дошедшие до нас, в частности, в виде языков Иерусалимского и Вавилонского Талмудов. На еврейско-арамейском был создан не только этот величайший памятник еврейской мысли, но и написаны многие клас-

сические произведения раввинской учености. В какой-то момент он практически слился с родственным ему древнееврейским, образовав таким образом мертвый метаязык лашон-акодеш. Не следует забывать, что наряду с еврейско-арамейским вплоть до конца I тыс. н. э. существовали его многочисленные варианты, бытовавшие в нееврейской среде. Особенно знаменит так называемый сирийский, или христианско-арамейский, ставший основным языком восточного монофиситского и несторианского христианства.

Вплоть до VII–VIII вв. н. э. арамейский остается основным языком для практически всего населения на территории от Средиземного моря до Иранского нагорья. Арабские завоевания данного региона приводят к его неуклонному вытеснению арабским языком. К XX в. арамейский в форме так называемого новоарамейского, или ассирийского языка сохраняется только в глухих районах Курдистанского нагорья среди населения, укрывшегося там от наступавшей исламизации. Кроме ассирийцев, это были также представители этнической группы курдистанских евреев, или лахлухов. Их еврейско-новоарамейский язык, разбившийся на множество диалектов, называют *таргум* (от ивритского *таргум* — «перевод», т. е. язык канонического перевода Торы на арамейский), или *лисана-дидан* — «наш язык». До 1950-х гг. курдистанские евреи жили в Курдистанском нагорье, а теперь почти все переселились в Израиль. Очень немногочисленные их группы до сих пор сохранились в Грузии, Казахстане, Турции и Иране¹².

Греческий язык пришел в еврейскую среду с эпохой эллинизма в IV–III вв. до н. э. Он стал языком второй после вавилонской крупной диаспорной общины евреев, египетской. Как известно, именно в Александрии в последние века до н. э. был осуществлен перевод Торы на греческий, так называемая Септуагинта, которая стала основой христианского канонического текста Ветхого Завета¹³. Еврейско-греческий язык, именуемый также *яванит* от еврейского названия Греции «Яван», на грани эр превратился в разговорный язык еврейского населения Римской империи за пределами Иудеи.

Еврейские колонии в последние века до н. э. и первые века н. э. существовали во всей зоне Восточного Средиземноморья, включая и Причерноморье вплоть до устья Дона. Были они и в самой Италии, в Галлии, Германии и, конечно, в Северной Африке. Еврейско-греческий сложился как еврейский

язык, очевидно, в Византии, где существовала еврейская эда, называвшая себя *романиотами*¹⁴. В XVI в. в Османскую империю, образовавшуюся на месте завоеванной турками Византии, переселились сефарды, еврейские изгнанники из Испании. Начался долгий процесс ассимиляции романиотов сефардами и вытеснения яванита еврейско-испанским языком. Яванит дожил до совсем недавнего времени. К началу второй мировой войны он еще был распространен в Северо-Западной Греции и в Албании. Сегодня он практически исчез, хотя, возможно, где-то доживают свой век несколько престарелых носителей. Следует отметить также сохранившийся до сих пор, но очень слабо изученный греческий этнолект небольшой караимской общины Стамбула, насчитывающей не более 100 человек.

По мере расселения по миру еврейской диаспоры множилось и количество еврейских языков. В Испании стал складываться еврейско-испанский язык, который окончательно обособился от испанского после изгнания евреев с Пиренейского полуострова в конце XV в. Этот язык, называемый *ладино*, или *джудезмо* (соответственно, от слов «латинский» и «еврейский»), язык этнической общности сефардов, был широко распространен в период между XVI и XX вв. на Балканском полуострове и в Восточном Средиземноморье, а также в Северо-Западной Африке. Возникла богатая литература на нем, и в какой-то период он, как и идиш, стал превращаться в национальный язык складывавшейся общности балканских сефардов. Центром его развития была еврейская община г. Салоники в Северной Греции.

Развитие джудезмо прервалось Холокостом во время второй мировой войны. Подобно другим еврейским языкам, он доживает сегодня свои последние дни. На нем практически не осталось одноязычных носителей; небольшое количество хотя бы говорящих на нем сохранилось в Израиле, где ладино вытесняется ивритом; в балканских странах, где он ассимилируется местными языками, такими как греческий, болгарский, сербский, македонский, турецкий, и отчасти в США, где его носители переходят на английский.

В средние века существовал еврейско-французский язык, *западный лозз*, т. е. «иностранный», исчезнувший после изгнания евреев из Франции в XIV в. Романскими были также *южный лозз*, или еврейско-итальянский, доживший до XX в. и сейчас стремительно исчезающий, и еврейско-провансаль-

ский *шуадит*, просуществовавший до начала XIX в. в Южной Франции¹⁵.

В X—XVII вв. в Киевской Руси и Чехии бытовал еврейско-славянский язык, который сами носители называли *кенаанит*, т. е. «ханаанский». Такое странное название объяснялось тем, что на славянские страны было перенесено библейское название Ханаан, подобно тому, как библейскими понятиями Сефарад и Ашкеназ евреи стали именовать Испанию и Германию. От еврейско-древнерусского языка практически не осталось никаких памятников, но он достаточно уверенно реконструируется по косвенным свидетельствам и таким источникам, как еврейская антропонимика Восточной Европы. Сложившись где-то в начале истекшего тысячелетия, он просуществовал, видимо, до начала XVII в. в Белоруссии. Следы его можно обнаружить в респонсах могилевского раввина¹⁶. В XVII в. он, насколько можно понять, окончательно исчез, а носители его растворились в ашкеназской среде. Аналогичная судьба, но раньше, очевидно, в XII—XIII вв., постигла и еврейско-чешский язык, оставивший после себя многочисленные глоссы.

Еврейские языки были известны и на Востоке. Наиболее распространенным считается еврейско-арабский язык, от средневековой формы которого остались разнообразные письменные памятники. Практически все еврейские прозаические произведения, созданные в средневековой Испании, писались на еврейско-арабском языке, но еврейской письменностью. В период между X и XX вв. на разных диалектах арабского говорили многочисленные еврейские этнические группы от Испании до Ирака. До последнего времени он сохранялся в Северной Африке, где назывался *жудео-араб*; в Йемене и в Ираке.

Сегодня почти все евреи арабских стран переселились в Израиль, во Францию, Испанию, Канаду, в некоторые латиноамериканские государства. Еврейско-арабский язык вытесняется ивритом, французским, испанским. Небольшие группы евреев живут до сих пор в Марокко, Тунисе и Йемене. Об их языковом поведении ничего не известно. Можно предположить, что в Тунисе, в последнем традиционном еврейском поселении на острове Джерба, продолжает сохраняться еврейско-тунисский арабский язык. То же относится и к весьма немногочисленным остаткам йеменского еврейства, сохраняющим обособленность от мусульманского окружения. Что же

касается Марокко, то там, вероятнее всего, евреи ассимилируются в арабской языковой среде в крупных городах, а также переходят на французский и испанский языки.

Североафриканский диалект ладино, насколько можно понять из общения с его носителями, сохранившимися в Израиле, во второй половине XX в. был поглощен испанским, официальным языком в бывшем Испанском Марокко и Танжере. До переселения основной массы марокканских и тунисских евреев в Израиль жудео-араб был распространенным письменным языком, обслуживавшим в том числе и светские стороны еврейской жизни в этих странах.

На персидской основе сложились разнообразные еврейские языки в Иране, Центральной Азии и на Кавказе. Почти все они сохранились до наших дней, хотя в последние десятилетия также находятся в кризисном состоянии — количество носителей этих языков стало стремительно сокращаться, вытесняясь как нормативным фарси в Иране, так и русским, английским и ивритом в местах их сегодняшнего расселения.

Из иранско-еврейских языков наиболее известны еврейско-татский *джухури*, язык горских евреев Азербайджана и Северного Кавказа; еврейско-таджикский, язык бухарских евреев, большинство которых переселилось в последнее десятилетие из Центральной Азии в США, Израиль и Австрию, и язык *джиди*, на котором говорит сохранившееся до сих пор 15-тысячное еврейское население Исламской республики Иран. Джухури, известный также просто под названием татского, имеет письменность на кириллической основе, функционировавшую преимущественно в светской сфере. В советский период этот язык рассматривался официальной пропагандой как язык некоего сконструированного единого татского народа, якобы не имевшего никакого отношения к евреям. Сегодня, наверное, именно джухури остается наиболее устойчивым и развитым из всех еврейских языков. Однако широкая миграция горских евреев из мест традиционного проживания в крупные города России, Израиль, США, Канаду, Германию создает серьезную угрозу его выживанию.

Кроме перечисленных языков, существовали также немногочисленные еврейские этнолекты различных языков, среди носителей которых на протяжении веков жили различные еврейские этнические группы. Таковы еврейско-крымско-татарский, бытовавший среди крымчаков; тюркский караим-

ский язык среди восточноевропейских караимов; еврейско-грузинский среди грузинских евреев; еврейско-берберский в Атласских горах Марокко. Сейчас все они или исчезли, или близки к исчезновению. Вполне вероятно, что в прошлом число таких этнолектов было более значительным, но до нас не дошли сведения о них или же известен только сам факт их существования. Примером является диалект кушитского языка *агау*, на котором говорили предки бета-исраэль, эфиопских евреев, известных также под пейоративным названием *фалашей*. Сегодня все они перешли на амхарский, официальный язык Эфиопии, или семитский *тигре*, распространенный в местах их традиционного проживания. Большинство бета-исраэль в настоящее время проживают в Израиле, где молодое поколение переходит на современный иврит.

Практически ничего не известно о языках евреев Индии. Там с раннего средневековья существовали две отличные друг от друга еврейские этнические общности. Первая из них, сохранившаяся до сих пор, известна под названием бени-исраэль. По их собственной устной традиции, они представляют собой потомков евреев, спасавшихся или от ассирийских завоевателей в VIII в. до н. э., или от преследований сасанидских правителей. Легендарные основатели общины потерпели кораблекрушение у берегов Малабара и обосновались в районе нынешнего Бомбея, где сегодня обитает большая часть этой общины¹⁷. Родным языком бени-исраэль считают маратхи, вернее, один из диалектов этого языка, *конкани*, распространенный на морском побережье Махараштры. По переписи 1991 г., его обозначили в качестве родного 81% всех бени-исраэль¹⁸. Никаких исследований языковой специфики маратхи в еврейском употреблении мне неизвестно, поэтому трудно сказать, идет ли речь просто о бытовании стандартного конкани или о существовании какого-то особого еврейско-маратхского этнолекта.

Столь же неясна и лингвистическая ситуация у второй еврейской этнической общности в Индии — кочинских евреев, населявших с раннего средневековья, если не раньше, южную часть малабарского побережья в районе сегодняшнего штата Керала. Сейчас почти все они переселились в Израиль, в Кочине осталось несколько семей, охраняющих знаменитую средневековую синагогу Парадеси в этом городе. До переселения кочинские евреи говорили на дравидском языке малаялам.

Как и в случае с бени-исраэль, нет никаких материалов, позволяющих судить о том, насколько специфичен был этот язык в еврейской среде. Один из моих информантов в ответ на вопрос о существовании особого еврейского варианта малаялам, ответил, что малаялам, на котором говорили кочинские евреи, был гораздо лучше и чище, чем язык коренного индустского населения штата. Но это замечание можно трактовать либо как указание на существование этнолекта, который, по мнению носителей, был «лучше» стандартного языка, либо на то, что еврейская интеллигенция пользовалась высокой литературной формой языка. Напомним для сравнения, как гордилась русско-еврейская интеллигенция правильным литературным русским языком, усвоенным в процессе аккультурации конца XIX — начала XX вв.

Список «потенциальных» еврейских языков, т. е. идиомов, которые вполне могли представлять собой еврейские языки, но о которых у нас нет никаких данных из-за отсутствия исследований или потому, что языки эти исчезли, можно продолжить. Так, мы ничего не знаем о языковой ситуации у ассимилировавшейся в китайской среде этнической группы кайфынских евреев. Известно лишь, что они уже в средневековые пользовались китайским языком и китайской письменностью¹⁹. Однако, как свидетельствуют коллекции текстов кайфынских евреев, хранящиеся в собрании Hebrew Union College в Цинциннати, еврейское письмо было еще в ходу в конце XIX в. Уже невозможно установить, существовал ли еврейско-китайский этнолект. Сейчас потомки этой группы говорят на стандартном *путунхуа*.

Конечно, самым известным из еврейских языков справедливо считается идиш, еврейско-немецкий язык ашкеназских евреев. До начала второй мировой войны на нем говорило около 10 млн. евреев Восточной и Центральной Европы — от Эльзаса на Западе до России на востоке. После трагических событий Холокоста и радикальных социальных и политических перемен второй половины прошлого века, обычный разговорный идиш постепенно исчезает. Потомки тех, кто говорил на идише (оставшиеся в пределах бывшего Советского Союза) сегодня преимущественно русскоязычны или же, в результате массовой миграционной волны, накрывшей ашкеназских евреев в конце XX в., ассимилируются в ивритской, английской и немецкой языковых средах. Следует упомянуть,

впрочем, и некоторое количество евреев-ашкеназов, говорящих на языках стран, где они живут, таких как литовский, латышский, эстонский, украинский и др.

Попытка сторонников идиша превратить его из «еврейского языка» в национальный язык еврейского народа, предпринятая несколькими поколениями еврейской интеллигенции в последней трети XIX — первой трети XX в., потерпела поражение. Причиной стал Холокост и послевоенная политика государственного антисемитизма в СССР. Сегодня идиш остается живым только в ультраортодоксальной хасидской среде в США и Израиле. Число говорящих на нем, как на «еврейском языке», оценивается сегодня примерно в 300–400 тыс. человек. Количество же тех, для которых идиш — единственный язык, практически стремится к нулю.

На протяжении прошлого века в рамках еврейской интерлингвистики сложилась более или менее общепринятая концепция истории идиша. В наиболее четком виде она изложена в знаменитой работе М. Вайнрайха, выше уже неоднократно нами упомянутой. Согласно этой концепции, еврейско-немецкий язык складывается в последние века I тыс. н. э. в центральной части Рейнского бассейна, в районе сегодняшних городов Майнц, Вормс и Шпейер, которые в еврейской исторической традиции известны под акронимом ШУМ и воспринимаются как «малая родина» ашкеназов. Субстратом раннего идиша были западный и в меньшей мере южный лоззы. Оттуда идиш распространился вначале на немецкую зону Подунавья, где Регенсбург фигурирует в числе наиболее ранних еврейских поселений Центральной Европы.

Затем, с XIII–XIV вв., но особенно интенсивно с XV в., идиш проникает в славяноязычную зону Восточной Европы, где он впитывает в себя славянский адстрат и к XVII в. окончательно ассимилирует еврейско-славянские «кенаанские» языки в Чехии и на территории современных Украины и Белоруссии. С того времени идиш делится на две диалектные группы, западную и восточную.

Западная, распространенная в Центральной Европе, подразделялась на несколько говоров, в том числе голландский и эльзасский, которые сохранялись еще в первой половине XX в. Восточная диалектная группа состояла из литвакского говора (современная Литва и Белоруссия), польского и украинско-бессарабского. Промежуточным между восточной и западной

группой считался венгерский диалект идиша. Западный идиш стал клониться к упадку еще в XIX в. вследствие процесса еврейской эмансипации, приведшего к распаду сегрегированной еврейской социальной структуры. Восточный идиш дожил до наших дней, хотя Холокост и нанес ему смертельный удар. Сегодня идишем в какой-то мере владеет еще старшее поколение евреев Украины, Литвы, Молдавии, Румынии, в меньшей мере России, Польши, Словакии, Хорватии, США, Аргентины, Израиля. За пределами ультраортодоксального сообщества идиш ни для кого более не является родным языком, т. е. языком, на котором ребенок начинает говорить в детстве.

В последние десятилетия описанная хрестоматийная концепция возникновения и развития идиша стала подвергаться критике. В ее основе лежали, главным образом, экстралингвистические соображения, в первую очередь, необычайный демографический рост еврейского населения Польши в период XVI — первой половины XVII вв. Это заставило ряд авторов искать иные причины данного явления, кроме миграции евреев из Германии в Речь Посполитую. Частью таких поисков стала так называемая хазарская версия, в наиболее законченном виде сформулированная известным писателем А. Кёстнером в 1976 г.²⁰ Автор, который не был ни лингвистом, ни историком, предположил, что ашкеназы в большинстве своем являются физическими потомками не немецких евреев раннего средневековья, в свою очередь восходивших к древним евреям античной Иудеи, а иудаизированных хазар, живших в Восточной Европе в VIII—X вв. Некоторые элементы этой теории подхватил израильский лингвист П. Векслер, разработавший парадоксальную и мало кем принятую концепцию о происхождении ашкеназов от раннесредневековых славян-прозелитов, говоривших на верхнелужицком языке. Согласно этой концепции, идиш представляет собой славянский язык, релексифицировавший свой словарный запас в германские и семитские лексемы²¹.

Из представленного нами краткого обзора становится очевидно, что еврейские языки — как один из наиболее характерных признаков еврейской цивилизации, как вербальная форма коммуникации внутри еврейских сообществ в диглоссии с метаязыком цивилизации лашон-акодеш, наконец, как особая типологическая единица, сближающаяся по ряду характеристик с пиджин-креольскими языками, подошли к концу своего

развития. Повсеместно число их носителей резко снижается, количество людей, которые владеют только еврейским языком, стремится к нулю. Основная причина — выведенная М. Вайнрайхом закономерность о привязанности еврейского языка к социальной структуре типа ДАШ. Согласно этому правилу, разрушение традиционной еврейской общины неизбежно ведет к исчезновению еврейского языка. Действительно, дисперсная система расселения, отсутствие территориально компактных еврейских поселений в любой форме — гетто, квартала, махалли, местечка и т. п., обязательно приводит к ликвидации той самой обособленности, прежде всего, коммуникативной, которая и создает основу функционирования еврейского языка.

В начале XIX в. вся Центральная Европа находилась под влиянием идей французской революции. Повсеместно шел процесс намеренного уничтожения всех порождений «старого режима». Еврейское гетто, еврейская обособленность и бесправие были одним из вопиющих примеров пережитков феодализма. Бóльшая часть евреев Германии и Франции активно требовала гражданских прав и уничтожения гетто, которые стали восприниматься уже как национальный позор, а не как привилегия жить своей жизнью.

Гетто перестали существовать к середине XIX в. и, соответственно, евреи влились в государственную и общественную жизнь своих стран, обладая в большей части случаев полнотой гражданских прав. Исчезла еврейская обособленность и вместе с ней, вполне закономерно, из Германии исчез и еврейский язык идиш, зародившийся на этой земле примерно тысячелетием ранее. Для него просто не оказалось места в новой еврейской жизни. Если евреи стали считать себя «немцами Моисеева закона», то их национальным языком, естественно, должен быть стать немецкий. Языком их религии мог быть только лашон-акодеш, а идиш вполне логично был заклеямен самими евреями как отвратительный жаргон, от которого надо скорее отказаться. Западный идиш, таким образом, оказался обреченным еще в XIX в. и тогда же исчез с территории Центральной Европы. Немецкие евреи заговорили на литературном немецком, Hochdeutsch, и тем самым положили начало совершенно новому социолингвистическому явлению — переходу евреев с еврейских языков на языки стран, в которых они проживают. Таким образом, исчезла языковая специфика — важный элемент

этнической обособленности евреев, сопровождавший их на протяжении всей истории еврейской цивилизации.

В то же время, идиш существовал еще более века после описанных событий к востоку от Германии, на территории Российской империи; Галиции, входившей тогда в Австро-Венгрию, и Румынии. Гаскала не затронула эти обширные районы, на которых в то время проживала бóльшая часть евреев мира.

Россия, как известно, выиграла войну с Наполеоном и тем самым оградила себя от широкого проникновения европейского либерализма или, по крайней мере, отсрочила его проникновение на целый век. Подавление декабрьского восстания 1825 г. служило хорошим предупреждением тем, кто хотел бы видеть в России политическую эволюцию западноевропейского типа. Соответственно, сохранилась в неприкосновенности и черта еврейской оседлости с присущей ей специфической архаической системой местечковой социальной организации. Влиятельные фундаменталистские круги в еврействе в лице основателя любавичского хасидизма раввина Шнеура-Залмана из Лядов призвали евреи встать на защиту России от Наполеона. Основной причиной такого необычного призыва, если учесть, что евреи вошли в состав России всего лишь за пару десятков лет до того и не питали никакой особой привязанности к захватившему их земли государству, следует считать небезосновательные опасения перед гаскалой. Таким образом, под эгидой русской короны существование системы ДАШ в Восточной Европе продлилось примерно на век.

В Россию гаскала пришла с большим опозданием и, вполне логично, совпала по времени с эпохой великих реформ Александра II. Евреи стали массами бежать из местечка и отходить от традиционных ортодоксальных рамок иудаизма. Однако в России господствовала принципиально иная политическая философия, чем на Западе. Мир и страна представлялись жителям страны жестко разделенными на различные национальности или этноконфессиональные группы, что исключало образование «национальных» общностей надэтнического характера. Термин «россияне», отличный от этнических русских, появился в русском языке вообще лишь в период горбачевской перестройки в конце XX в. В XIX в. евреи не могли объявить себя, как бы ни хотели этого, «русскими Моисеева закона», потому что сами русские не были готовы включить их

в свои ряды в таком качестве. Поэтому этническое развитие российских евреев пошло иным путем, нежели на Западе — они стали осознавать себя в качестве народа, или нации. А раз так, то при сохранении лашон-акодеш языком религии их национальным языком, естественно, становился знакомый всем идиш.

Если еврейский язык, как специфическое социолингвистическое явление, привязан к социальной системе ДАШ, то этого нельзя сказать о национальном языке евреев, каким бы он ни был. В нескольких случаях на протяжении последних полутора столетий еврейские языки не исчезали вместе с разложением системы ДАШ, а превращались в то, что можно назвать **национальными языками** евреев отдельных регионов. В какой-то степени этот процесс можно уподобить процессу креолизации пиджинов, при котором они теряют целый ряд лингвистических и социолингвистических признаков, в том числе пейоративность и ненормированность. Первым такую эволюцию проделал идиш в Восточной Европе. Этот процесс совпал вполне естественно с началом гаскалы российского еврейства в середине XIX в. Он выразился в резком изменении функций идиша.

Язык не просто перестал быть терпимым жаргоном, не просто потерял свой женский или домашний характер. Он вышел из состояния диглоссии с МЯЦ и стал активно осваивать сферы, которые раньше обслуживались только лашон-акодеш. Появляется блестящая плеяда светских писателей на идише, которую открывает М. Мохер-Сфорим (1835–1917) и завершает И. Башевис-Зингер (1904–1981). Возникает литература, которая быстро приводит к появлению литературной нормы и активному развитию стандартизированной орфографии. Идиш проникает во все сферы жизни — в прессу, образование, документацию, искусство, политическую и общественную жизнь.

В 1908 г. Черновицкая конференция по идишу провозглашает идиш «еврейским национальным языком» и национальным достоянием еврейского народа. Термин «жаргон» заменяется в русском языке на новый лингвоним «идиш», который ни коим образом не пейоративен. Этим открывается долгий спор между «гебраистами» и «идишистами» о том, какой язык станет в конечном счете языком «еврейской нации». Идиш не просто претендует на такой статус, но и опирается на огромную массу носителей в Восточной Европе, для которых этот язык дейст-

вительно становится основным не только дома, но и на улице. Советское правительство в 1920-х гг. провозглашает идиш языком «трудящихся масс», противопоставляя его «реакционному и клерикальному» ивриту, находящемуся на службе буржуазии. На какое-то короткое время идиш становится баловнем судьбы; он пользуется широкой государственной поддержкой в СССР и продолжает стремительно развиваться по пути секуляризации и становления национального языка в так называемых лимитрофных государствах межвоенного периода — Польше, Литве, Румынии и др. Процесс этот, однако, был прерван второй мировой войной и Холокостом, уничтожившим восточноевропейское еврейство, основную часть носителей идиша. После войны идиш не смог восстановиться в качестве национального языка еврейского меньшинства Восточной Европы из-за политики государственного антисемитизма в Советском Союзе и зависимых от него государствах.

Аналогичные процессы проходили и в других частях еврейского мира. Отметим здесь упомянутый выше пример с ладино, или джудезмо на Балканах, с языком жудео-араб в Тунисе и Марокко, с татским языком на Кавказе и несколько похожих ситуаций в других частях еврейского мира. Везде попытки превратить еврейский язык в национальный язык какой-то части еврейского народа потерпели фиаско, чаще всего в силу внешних трагических причин — Холокоста и антисемитизма. Языковая перспектива еврейства стала развиваться по сценарию, в реалистичность которого не верил почти никто в момент его возникновения — победила сионистская идея возрождения иврита (на котором, как на МЯЦ, в то время не говорил никто) в еще не существовавшем тогда еврейском государстве на Земле Израиля.

Идиш тем самым оказался обреченным на исчезновение. Так оно и произошло. Сейчас светский «национальный» идиш практически исчез. На нем теплится какая-то активность в последних остатках еврейских социалистических кругов в США, Аргентине, Южной Африке и Австралии. На нем еще продолжают говорить, если есть для того социальные условия и соответствующая среда, последние старые носители на Украине, в Молдавии или Литве. Его изучают в университетах и кружках, кое-где в школах, как язык большой культуры и пронзительной ностальгии для потомков тех, кто когда-то считал его родным языком. И все-таки идиш полностью не исчез. Он не

смог стать еврейским национальным языком, но продолжает функционировать как еврейский язык в той среде, которая максимально приближена к структуре ДАШ — в среде ультра-ортодоксов-хасидов в Израиле, США, Западной Европе. Идиш продолжает быть родным языком для нескольких сотен тысяч жителей этих стран. Он находится, как и положено еврейскому языку, в состоянии диглоссии с лашон-акодеш. Он используется как язык устной коммуникации в семье и в доме, а также как язык образования в школах для девочек. Хасиды, говорящие на идише, не знают и не хотят знать, кто такие Шолом-Алейхем или И.-Л. Перец — имена, которыми так гордилась идишская культура всего несколько десятилетий тому назад. Их не волнует борьба габраистов с идишистами, ушедшая в прошлое; роль идиша как языка «трудящихся масс» и все прочие проблемы, сотрясавшие маленькую политику еврейского мира в начале XX в. Они живут, как жили их предки, в атмосфере еврейского языка, на котором можно сказать все, что неудобно произнести на языке общения со Всевышним. Идиш более не является предметом особой гордости, но им перестали откровенно пренебрегать. В этой среде его воспринимают как национальное достояние и ценят в качестве элемента еврейской национальной жизни, пусть не самого важного. Подобное теплое отношение к идишу проявилось впервые как часть противостояния гаскале еще в обскурантистских кругах знаменитого противника еврейской эмансипации, братиславского раввина Х. Сойфера (1763–1869).

* * *

Суммируя все написанное выше, мы можем попытаться представить себе социолингвистическую эволюцию еврейства следующим образом. В конце II тыс. до н. э. в Израиле формируется новая этническая общность евреев на базе западно-семитского ханаанского языка, почти идентичного финикийскому и окружающим его диалектам — таким, как моавский, амонский и пр. В начале I тыс. до н. э. этот язык получает название иудейского (*yəhudiʔ*) и становится этническим языком древнееврейского народа.

Вавилонское пленение VI в. до н. э. кладет начало образованию еврейской диаспоры, в которой возникают своеобраз-

ные «еврейские языки», первоначально арамейский в персидской зоне влияния и греческий — в эллинистической. В первой половине I тыс. н. э. исчезает старый этнический центр в Земле Израиля, и древнееврейский этнос дает начало особой дисперсной диаспорной еврейской цивилизации, где иврит (*lašon haqqodeš*) становится метаязыком цивилизации, а функция вербальной коммуникации осуществляется еврейскими языками. Последние, относясь к самым различным семьям, обладают, тем не менее, типологическим сходством и представляют собой, наряду с пиджин-креольскими языками, пример контактных языков.

Диглоссия «лашон-акодеш — еврейские языки» представляет собой основную социолингвистическую модель функционирования еврейской цивилизации вплоть до XIX в. Внутренние социальные изменения, вызванные гаскалой, приводят к изменению этой модели. Распад традиционной еврейской социальной организации (типа ДАШ) способствует исчезновению еврейских языков и замене их на языки государств, в которых проживают евреи. Современная еврейская диаспора почти вся говорит сегодня на государственных языках стран пребывания. Иврит в диаспоре также изменяет свой характер и из метаязыка цивилизации становится мертвым языком религии. В некоторых случаях на протяжении XIX—XX вв., в частности, в России, в Греции и Турции, а также в странах Магриба, наметилась тенденция к трансформации соответствующих еврейских языков в национальные языки еврейских этнотерриториальных общностей, однако нигде этот процесс не смог реализоваться до конца. Иврит превратился в XX в. из метаязыка цивилизации в этнический язык новой национальной общности — израильтян.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Wexler P.* Jewish Interlinguistics: Facts & Conceptual Framework // *Language*. Haarlem, 1981. Vol. 57. P. 99–149; *Fishman J. A.* Post-Exilic Jewish Languages and Pidgins/Creoles: Two Mutually Clarifying Perspectives // *Reinecke Memorial Volume*. Ed. by G. G. Gilbert. Ann Arbor, Karoma, 1984; *Fishman J. A.* The Sociology of Jewish Languages from a General Sociolinguistic Point of View // *Readings in the Sociology of Jewish Languages*. Ed. by J. Fishman. Leiden, Brill, 1985.

² *Weinreich M.* History of the Yiddish Language. Transl. by Sh. Noble with the assistance of J. A. Fishman. Chicago—L., University of Chicago Press, 1980. P. 166–169.

- ³ См.: *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. М., 2001. С. 144.
- ⁴ См.: Еврейский мир. Литературный сборник. М., 1918.
- ⁵ *Weinstein M.* Yiddish. A Nation of Words. N. Y., Ballantine Books, 2001. P. 23–24.
- ⁶ *Weinreich M.* History of the Yiddish Language... P. 175–246.
- ⁷ См.: *Членов М. А.* Типология еврейских самоидентификаций в современном мире // Проблемы существования в диаспоре. Минск, 2001. С. 32–35.
- ⁸ *Weinreich M.* History of the Yiddish Language... P. 177.
- ⁹ *Lazard G.* The Dialectology of Judeo-Persian // PADYAVAND. Costa Mesa, The Hebrew University of Jerusalem, 1996. Vol. 1. Ed. by A. Netzer. P. 46.
- ¹⁰ Тора. Иерусалим, 1975; Пророки. Иерусалим, 1978; Агиографы (Ктувим). Иерусалим, 1978.
- ¹¹ *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.
- ¹² *Крупник И. И., Куповецкий М. С.* Лахлухи — курдистанские евреи в СССР // Советская этнография. М., 1988. № 2.
- ¹³ *Бикерман Э. Дж.* Евреи в эпоху эллинизма. М.—Иерусалим, 2000.
- ¹⁴ *Хазанов А. М.* Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1994. № 1 (5).
- ¹⁵ *Jochnowitz G.* Judeo-Romance Languages // Jewish Languages. Theme and Variations. Proceedings of Regional Conferences of the Association for Jewish Studies Held at the University of Michigan and New York University in March-April 1975. Ed. by H. H. Paper. Cambridge (Mass.), Association for Jewish Studies, 1978.
- ¹⁶ *Гаркави А.* О языке евреев, живших в древнее время на Руси. СПб., 1865; *он же.* Гаиегудим усефат гаславим. Вильна, 1867 (иврит); *Торпусман А. Н.* Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя — этнос — история. М., 1989.
- ¹⁷ *Strizower Sh.* The Bene Israel of Bombay. N. Y., 1971.
- ¹⁸ *Bhende A. A., Jhirad R. E.* Demographic and Socio-Economic Characteristics of Jews in India. Mumbai, 1997. P. 20.
- ¹⁹ *Шапиро С.* Бней Исраэль басин аатика. Тель-Авив, 1987 (иврит). С. 221.
- ²⁰ *Koestner A.* The Thirteenth Tribe. N. Y., 1976.
- ²¹ *Wexler P.* Two-Tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect. Berlin—N. Y., 2002 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 136). См. также рецензию М. А. Членова на данную работу в: Вопросы языкознания. М., 2003. № 3 (в печати).

ОБ ИСТОРИИ ПРИНУДИТЕЛЬНО-ДОБРОВОЛЬНОГО ЗАБВЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА КОРЕЙЦАМИ КАЗАХСТАНА

Герман Ким

Дальневосточные корейцы были первыми из народов Советского Союза, испытавшими на себе депортацию; затем последовали многие другие: немцы, курды, крымские татары, поляки, чеченцы, карачаевцы и т. д. Депортация 1937 г., безусловно, является узловой темой в истории корейцев России и современной постсоветской Центральной Азии. 1937 год — незаживающая рана в памяти корейской диаспоры, граница между тем, что было и тем, что стало. Известно, что корейцы полностью интегрировались в советизированное общество на Дальнем Востоке. Они образовали колхозы и сельхозартели, трудились на промышленных предприятиях, развивали национальную культуру. На Дальнем Востоке имелись сотни корейских школ разных уровней, а также другие учебные заведения с корейским языком обучения. Издавались газеты и журналы на корейском языке, работал национальный театр, многочисленные самодеятельные кружки. Корейский язык использовался и в публичной сфере, и в семье, и в повседневном общении проживавших компактно корейцев.

Вскоре после прибытия ссыльных корейцев в Казахстан вышло постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ» от 24 января 1938 г., которое было продублировано одноименным постановлением ЦК КП(б)К за № 49-60 от 8 апреля 1938 г. В последнем говорилось: «ЦК КП(б)К считает установленным, что буржуазные националисты, орудовавшие в органах народного образования Казахстана, насаждали особые национальные школы (немецкие, болгарские, дунганские, корейские, уйгурские и другие), превращая их в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей. Это наносило огромный вред делу правильного обучения

Ким Герман Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой корееведения факультета востоковедения Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алма-Ата).

и воспитания, отгораживало детей от советской жизни, лишало их возможности приобщения к советской культуре, науке, преграждало путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях»¹.

Указание партии было принято к исполнению, и 13 апреля 1938 г. правительство Казахстана одобрило постановление № 353 «О реорганизации национальных школ», которое стало руководством в деятельности Наркомпроса². Так называемая реорганизация заключалась, по сути, в демонтаже всей построенной в годы советской власти системы образования на национальных языках и, прежде всего, среднего образования. Реорганизации подверглись в общей сложности 377 национальных школ всех уровней, в том числе 118 корейских³. В тех сельских районах, где жили исключительно корейцы, изучение родного языка оставили лишь как отдельный предмет⁴. В связи с реорганизацией корейских школ корейское педагогическое училище в г. Казалинске превратили в обычное среднее специальное учебное заведение, с преподаванием на казахском или русском языке⁵.

1. Проблемы изучения корейского языка в школах Казахстана (конец 1930-х — начало 1950-х гг.)

В школьном образовании по-прежнему сложным оставался вопрос с кадрами. Но на Дальнем Востоке он заключался в нехватке образованных учителей, способных преподавать на родном языке, а с ликвидацией национальных школ остро встала проблема их переквалификации для обучения детей на русском языке. Результаты аттестации учителей школ с корейским контингентом учащихся показывают, что значительное их число были допущены к работе условно в связи с отсутствием подготовленных кадров.

Наркомпрос республики, выполняя постановление ЦК КП(б)К и Совнаркома КССР «О культурно-бытовом обслуживании корейского населения республики», начал работу по приему корейской молодежи в средние и высшие педагогические учебные заведения. В 1938/39 учебном году в 11 вузах республики обучалось 2580 студентов различных национальностей, из которых корейцы составляли 385 человек (14,9%)⁶.

4 мая 1938 г. Совнарком Казахской ССР принял постановление за № 4-23 о строительстве нового корейского пединститута в г. Кзыл-Орде. Утверждалась общая смета расходов в 1200 тыс. руб., в том числе на строительство учебного корпуса — 787,1 тыс. руб. и студенческого общежития — 412,9 тыс. руб.⁷. Однако корейский педагогический институт ожидала та же участь, что и корейские школы и педучилище. Еще осенью 1937 г., сразу по прибытии в Казахстан, количество обучавшихся в нем со всеми подразделениями было сокращено с 830 до 500 человек⁸. С 1938/39 учебного года институт перешел на русский язык обучения, однако в течение последующего десятилетия преобладающую часть студентов и преподавателей продолжали составлять корейцы. Кзыл-Ординский пединститут в целом сыграл весьма важную роль в формировании корейской национальной интеллигенции и в особенности в подготовке профессиональных преподавательских кадров.

Отдельный вопрос, который в течение всей истории просвещения корейцев не терял своей остроты, заключался в нехватке школьных учебников и литературы на корейском языке. Незадолго до депортации на корейский язык были переведены основные школьные учебники, насчитывавшие несколько десятков наименований. В значительном количестве, как по названиям, так и по тиражу, издавались на корейском языке общественно-политические книги, брошюры и художественная (классическая) литература⁹.

Оставляя многие ценные вещи, корейцы привезли с собой в Казахстан учебники и книги, в надежде, что они будут использоваться и дальше их детьми. Однако вскоре в связи с ликвидацией национальных школ надобность в них отпала. По постановлению бюро Кзыл-Ординского обкома КП(б)К от 28 августа 1939 г. была создана «комиссия по проверке корейской литературы», в которую вошли благонадежные люди из числа корейцев: Хан Хын Дю — инструктор обкома партии, Алексей Кан — заведующий отделом горкома партии, Ким Хи Чер — переводчик газеты «Ленин кичи», Михаил Кан — цензор «Ленин кичи», Владимир Ан и Анатолий Хан — преподаватели педагогического института, Ли Гир Су — режиссер корейского театра и др.¹⁰. Комиссии предписывалось проработать списки литературы на корейском языке и представить свои выводы, однако по поводу критериев отбора «пригодных»

к использованию книг она, естественно, вынуждена была руководствоваться указаниями сверху.

27 декабря 1939 г. бюро ЦК КП(б)К приняло специальное постановление «О корейской литературе», в котором, в частности, указывалось: «Разрешить книготорговым организациям списать в макулатуру все учебники на корейском языке [выделено мной. — Г. К.], а также литературу, по своей тематике не пригодную в условиях Казахстана и устаревшую (список прилагается)».

Постановление предписывало Главлиту КССР — главному органу цензуры, «изъять из книготорговой сети и библиотек книги на корейском языке, политически невыдержанные и авторами которых являются враги народа (список прилагается)»¹¹.

Таким образом, была списана в макулатуру и уничтожена вся учебная литература на корейском языке. По подсчетам Г. В. Кана, исчезло 120 052 экземпляра учебников 134 наименований по всем предметам, в том числе 17 325 учебников по корейскому языку различных уровней. Большое количество корейских книг было изъято из библиотеки Кзыл-Ординского педагогического института, включая и ценные исторические издания¹². Многие корейцы, имевшие книги в своих домашних библиотеках и наученные горьким опытом депортации, сами уничтожили их, ибо даже простое хранение грозило тюрьмой¹³.

Действовавшие в Казахстане в первом после депортации 1937/38 учебном году корейские переселенческие школы работали по плану национальных школ, утвержденному Наркомпросом РСФСР. Однако, учитывая специфические особенности учебной работы, культурно-бытовую среду, этническую культуру корейского населения, Наркомпрос Казахской ССР внес в этот план частичные изменения. Их суть заключалась в том, что изучение русского языка в начальных, неполных средних и средних школах с корейским контингентом начиналось со второго и продолжалось до десятого класса. Этому предмету в каждом классе отводилось больше часов, чем в других национальных школах: во вторых—шестых классах — по шесть часов в неделю, в седьмом классе — четыре часа, с восьмого по десятый класс — по два часа. В связи с увеличением часов на русский язык сократилось их количество на изучение родного языка.

В конце 1930-х — 1940-х гг. преподавание корейского языка практиковалось почти во всех школах со значительным удельным весом учащихся корейской национальности. В ука-

занный период этому способствовали такие благоприятные условия как: сохранение компактных ареалов сельского корейского населения, наличие преподавательских кадров, учебников и иной литературы на родном языке¹⁴. Однако положение ухудшилось к середине 1950-х гг., когда уроки корейского стали постепенно исчезать из школ Казахстана.

Говоря о причинах данного явления, прежде всего следует назвать советскую политику в области образования, национальных отношений, функционирования языков, направленную на дальнейшую стандартизацию и унификацию. Дело касалось не только «социалистического содержания, но и национальной формы» советской литературы, искусства, народного образования и т. д. Доминирование русского языка во всех сферах жизни СССР становилось бесспорным, и поэтому «русификаторская» политика в области просвещения носила добровольно-принудительный характер. Так, по школьной программе уроки родного языка не относились к разряду ведущих предметов, зачастую они имели факультативный характер, не предусматривалась сдача выпускного экзамена. Хорошее владение родным языком в ущерб знанию русского языка сужало перспективы получения образования и будущей профессиональной карьеры. Можно утверждать, что ни у самих учащихся, ни у родителей не было особой мотивации для изучения корейского языка, и зачастую они сами отказывались от него.

Однако часть корейской интеллигенции, озабоченная дальнейшей судьбой национальной культуры, стала обращаться с письмами в Москву и к республиканскому партийно-правительственному руководству. В них говорилось о необходимости решения насущных вопросов, связанных с деятельностью корейских колхозов, газеты «Ленин кичи», корейского театра и образованием корейских детей.

ЦК Компартии Казахстана дал Министерству просвещения указание разобраться в сложившейся ситуации. 19 сентября 1953 г. за подписью заместителя министра А. Сембаева была представлена докладная записка. В ней, в частности, говорилось: «В связи с некомпактным расселением корейцев в нашей республике дети школьного возраста корейской национальности в основном обучаются в русских школах на русском языке». Сообщалось также, что в Талды-Курганской и Кзыл-Ординской областях имелось несколько школ, укомплектованных детьми только одной корейской национальнос-

ти, но и там, как и везде, «обучение ведется по установленным программам и сетке часов русских школ и на русском языке»¹⁵.

Министерство признавало, что «дети корейской национальности должны получать знания и навыки по родному языку и литературному чтению». Однако был сделан вывод, что «ввести в данных школах изучение корейского языка и литературного чтения сверх установленной нормы учебных предметов не представляется возможным, так как учащиеся будут перегружены учебными занятиями»¹⁶. Поэтому вносилось предложение — ввести изучение корейского языка в школах с соответствующим составом учащихся за счет уроков казахского. И 26 декабря 1953 г. появилось постановление секретариата ЦК КП Казахстана «Об изучении корейского языка и литературы в некоторых школах с составом учащихся корейской национальности», которое удовлетворяло «просьбу Министерства просвещения Казахской ССР». Оно разрешало «ввести в некоторых школах с составом учащихся корейской национальности изучение корейского языка и литературного чтения»¹⁷.

Еще одна из причин добровольно-вынужденного забвения родного языка заключалась в том, что со второй половины 1940-х гг. до середины 1950-х гг. в Казахстане имели место значительные потери кадров преподавателей корейского языка и специалистов других отраслей производства, культуры, здравоохранения и т. д., хорошо владеющих языком. Эти потери были вызваны отправкой наиболее грамотных, профессионально подготовленных, имеющих опыт руководящей работы людей корейской национальности в спецкомандировки на Сахалин, в Приморский и Хабаровский края и в Северную Корею для оказания содействия в утверждении новых порядков советского образца.

Известно, что в 1946 г. из Москвы в ЦК Компартий Казахстана и Узбекистана поступило распоряжение взять на учет всех корейцев — коммунистов, кандидатов в члены партии и комсомольцев, имеющих образование не ниже законченного среднего и владеющих корейским или китайским языком. С включенными в список работала комиссия ЦК партии, затем отобранные для отправки в Корею проходили курсы повышения квалификации и направлялись в Москву. Из двух тысяч корейцев Казахстана и Узбекистана, попавших в первоначальные списки, в Корею уехало около 500 человек¹⁸, которые заняли видные должности в партийно-государственном аппарате,

армии, народном хозяйстве, в учреждениях культуры и образования КНДР.

Согласно принятому весной 1948 г. решению ЦК ВП(б) о направлении корейцев в Приморский и Хабаровский края и на Южный Сахалин для работы заместителями директоров промышленных предприятий по политической части, на культурно-просветительскую работу, лекторами партийных органов и учителями в школу и пр., в Казахстане была проведена большая организационная работа. На педагогическую работу на Дальний Восток и Южный Сахалин рекомендовалось несколько десятков учителей и директоров школ из Кзыл-Ординской, Алма-Атинской и Талды-Курганской областей, а общая численность командированных специалистов составила несколько сотен человек, которые относились к наиболее образованной части корейского населения республики¹⁹. В результате выполнения рассмотренных директив произошла вынужденная утечка кадров корейской интеллигенции, негативно сказавшаяся на национально-культурной жизни и, в частности, на состоянии корейского языка.

Таким образом, в истории просвещения корейцев Казахстана конец 1930-х — начало 1950-х гг. характеризуются как значительными достижениями, так и невосполнимыми потерями. Развитие школьного дела среди корейских переселенцев проходило на фоне их хозяйственного обустройства в новых условиях, когда определяющим фактором была административно-командная система управления. Сопряженная с огромными жертвами победа над фашистской Германией, неотложные задачи восстановления разрушенного народного хозяйства, освобождение Южного Сахалина и Кореи от японского колониального режима, смерть Сталина и разоблачение культа личности, а также многие другие события самым прямым и непосредственным образом отражались на состоянии системы образования корейцев Казахстана.

2. Вопросы школьного образования и изучения корейского языка в 1950-х — 1990-х гг.

В школах с корейским контингентом учащихся, как и во всех остальных в республике, на основе закона 1959 г. всеобщее среднее образование осуществлялось поэтапно. Первый

этап — восьмилетняя трудовая политехническая школа; второй этап — получение полного среднего образования (десятилетка). Существовавшая в Казахстане сеть семилетних средних школ для корейцев и их территориальное размещение обеспечивали всем желающим доступность их посещения вплоть до седьмого класса. Для реализации закона было намечено преобразовать все семилетние школы в восьмилетние. С 1959 г. по 1963 г. в республике было создано 70 таких школ с корейским контингентом учащихся, что позволило к 1960 г. вовлечь в восьмые классы 85%, а к 1961/62 учебному году — 93% всех выпускников семилеток. В том же году реорганизация полностью завершилась. В 1961/62 учебном году в республике действовало 30 начальных, 70 восьмилетних и 25 средних школ с корейским контингентом учащихся (т. е. всего 125). Количество учеников во всех типах таких школ достигло 17 544 человека, а к 1964/65 г. — 18 249 человек²⁰.

В 1970-х — 1990-х гг. обучение корейских детей в Казахстане окончательно лишается своей организационной специфики, что подтверждается исчезновением из документации республиканских, областных и районных органов просвещения ранее использовавшегося названия «школы с корейским контингентом учащихся». В эти годы произошла окончательная интеграция детей из городских корейских семей в «русские школы», где они составляли меньшинство. Лишь в двух-трех колхозах и совхозах Каратальского района Талды-Курганской области продолжали существовать школы со значительным удельным весом учащихся-корейцев. Стереотипными стали утверждения о том, что отсутствие ареалов компактного проживания корейцев в сельской местности и/или многонациональный состав учащихся общеобразовательных школ привели к невозможности и ненужности существования школ с корейским языком обучения.

Одним из самых сложных вопросов просвещения является вопрос языка, на котором ведется преподавание. Со второй половины 1950-х гг. в Казахстане начался период ускоренной потери родного языка, который определялся действием ряда объективных и субъективных факторов.

Объективной причиной можно условно считать снижение уровня компактности проживания корейцев в сельских районах, где ранее действовали национальные школы и классы, а также преподавали родной язык как учебный предмет. Пара-

докс заключается, однако, в том, что если подходить к компактности проживания с чисто географической точки зрения, то уровень концентрации корейцев не снизился, а наоборот, повысился. Селяне были разбросаны по многим населенным пунктам, находящимся в десятках или сотнях километрах друг от друга, а городская диаспора в результате сельско-городской миграции концентрировалась в пределах не столь уж многочисленных городов.

Более важным следует считать субъективный фактор — проводимая партией и правительством политика, направленная на «сближение социалистических наций» и усиление роли русского языка, уже ставшего «языком межнационального общения». После смерти «отца народов» и XX съезда партии, осудившего культ личности Сталина, наступил кратковременный период «хрущевской оттепели». Частично восстановили права депортированных народов, огульно обвиненных в иностранном шпионаже и предательстве. Выходцам с Кавказа разрешили вернуться на родную землю.

Некоторые представители корейской интеллигенции нашли в тот момент мужество и ответственность обратиться к центральным и республиканским партийным органам с просьбой о политико-правовой реабилитации корейцев и предоставлении им возможностей национально-культурного развития. С первыми просьбами о помощи в решении ряда частных вопросов, выделении финансовых средств в ЦК партии и министерства обратились представители редакции газеты «Ленин кичи», коллектив корейского театра²¹.

Одним из тех, кто осмелился поднять вопрос о реабилитации корейцев, был П. А. Пак Ир, который в 1957 г. составил и направил письмо в ЦК КПСС. В письме говорилось, что в 1937 г. корейцев незаслуженно депортировали с Дальнего Востока. Он просил принять меры к тому, чтобы высланных в Казахстан и Узбекистан корейцев вернуть обратно с предоставлением возможности образования национально-культурной автономии.

29 ноября 1957 г. на письмо П. А. Пак Ира был дан ответ за подписью секретаря ЦК Компартии Казахстана И. Яковлева, где указывалось, что в республике проживают 73 тыс. корейцев, которые главным образом заняты сельским хозяйством. «Работают корейцы хорошо, материально обеспечены и благоустроены. Многие из них награждены орденами и медалями».

Советского Союза, удостоены звания Героя Социалистического труда». Далее подчеркивалось, что значительное количество корейцев находилось на руководящей хозяйственной, советской и партийной работе в районных, областных, республиканских организациях. «В Казахстане издается республиканская газета на корейском языке, работает передвижной корейский театр. Сотни представителей корейской молодежи учатся в вузах и техникумах. Только в двенадцати педагогических вузах Казахстана учатся 250 корейцев». Таким образом, следовал вывод: «ЦК КП Казахстана считает переселение корейцев из Казахстана на Дальний Восток нецелесообразным»²².

15 декабря 1957 г. корейцы — члены компартии из г. Кзыл-Орды С. Ким, М. Т. Ким, Ян Манчун, Огай Хенчер, Кан Сенмун и Шин Тхябон написали письмо Н. С. Хрущеву. Копии были направлены первым секретарям ЦК Компартии Казахстана Н. И. Беляеву и ЦК Компартии Узбекистана Н. А. Мухитдинову²³. В нем говорилось о трагедии советских корейцев, начало которой было положено «принудительным и поголовным переселением» в 1937 г. в Казахстан и Узбекистан. Трагедия заключалась, по мнению авторов, в следующем: лишение всех политических, экономических и культурных завоеваний; сведение всех революционных, боевых и трудовых заслуг к нулю; почти поголовное уничтожение корейских национальных кадров (партийных, советских, военных, хозяйственных, научно-технических и культурных); лишение ряда конституционных и гражданских прав (ограничение возможностей выбора местожительства, лишение почетного права и долга воинской службы и т. д.); закрытие всех корейских учебных заведений; запрет преподавания корейского языка; уничтожение книг на этом языке, в том числе представлявших историческую ценность.

Особую обеспокоенность у авторов письма вызывала судьба национальной культуры и корейского языка. После переселения в Центральную Азию в течение двух десятилетий «корейская молодежь встала на путь ассимиляции». «Пройдет еще 10–15 лет, — считали они, — и среди корейцев не будет ни одного грамотного человека на родном языке. В условиях Казахстана в одно время была робкая попытка ввести в местах концентрации корейского населения преподавание корейского языка в школах для детей корейской национальности. Но в результате равнодушия со стороны партийных и советских руководителей эта попытка не увенчалась успехом».

14 апреля 1958 г. ответственный редактор газеты «Ленин кичи» Нам Харен тоже обратился с письмом на имя первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. И. Беляева²⁴. В нем он писал о жизни корейцев на Дальнем Востоке, о депортации 1937 г. Особое внимание было обращено на трудовые и экономические достижения корейских колхозов в Казахстане и Узбекистане. Далее он подчеркивал, что колхозники живут зажиточно, множится корейская интеллигенция, растут научные работники, в вузах обучаются тысячи студентов-корейцев. Но, «несмотря на все это, к сожалению, национальная культура корейцев очень отстает». Автор письма подробно описал все трудности развития корейского языка, системы образования, культурно-просветительных учреждений. «Таким образом, — еще раз подчеркивал он, — национальная культура корейцев находится в весьма печальном состоянии». Далее редактор «Ленин кичи» продолжал: «Я считаю, что все эти обстоятельства вызывают необходимость создания культурного центра корейцев в Алма-Ате или в Ташкенте». Речь шла о центре, в котором были бы сосредоточены все национальные культурные учреждения: газета, радио, театр, филармония, издательство.

Нам Харен предлагал ввести в начальных и средних школах корейский язык как учебный предмет; создать в городах и селах кружки корейского языка; открыть в Ташкентском и Кзыл-Ординском педагогических институтах отделения корейского языка и литературы, а в Казахском университете — отделение журналистики. Для успешного решения насущных проблем корейского населения, по мнению Нам Харена, следовало в Министерствах просвещения Казахской ССР и Узбекской ССР иметь в штате отдельных инспекторов по корейским школам, в ЦК компартии двух республик — инструкторов по работе среди корейцев. Созная, что «не все сразу разрешится», он предлагал «постепенно сосредоточить неорганизованно живущих в различных уголках... [страны — Г. К.] корейцев в районе Голодной степи на добровольных началах» с тем, чтобы создать там «место компактного проживания корейцев всего Советского Союза со всеми возможностями сохранения самобытности».

Активность представителей корейской интеллигенции не могла остаться без какой-либо ответной реакции партийного руководства — 20 мая 1958 г. бюро ЦК КП Казахстана приняло постановление «Об усилении массово-политической и

культурно-просветительной работы среди корейского населения республики»²⁵. Постановление, прежде всего, касалось Кзыл-Ординского, Талды-Курганского, Южно-Казахстанского, Джамбулского и Алма-Атинского обкомов партии, которые в конце мая-июне провели заседания бюро для обсуждения плана мероприятий по реализации постановления от 20 мая²⁶.

В названных областях партийные организации обязаны были организовать и усилить «массово-политическую и культурно-просветительную работу среди корейского населения на родном языке». Отдельным пунктом предусматривалось «ввести с начала нового 1958/59 учебного года в местах наибольшей концентрации корейского населения преподавание в школах корейского языка для детей корейской национальности».

Таким образом, в конце 1950-х — середине 1960-х гг. была предпринята попытка решения некоторых проблем. Однако главные из предложений корейских интеллигентов — создание национально-культурной или территориальной автономии, создание корейского культурного центра — остались без внимания. Предпринятые меры носили временный характер и в основном касались второстепенных аспектов социально-культурного развития корейцев. Наиболее важным результатом инициатив, предпринятых отдельными представителями диаспоры, стал рост внимания к проблеме преподавания родного языка.

В школах тех сел, где оставалось относительно компактное корейское население, вновь вводились в качестве отдельных учебных дисциплин уроки корейского языка и родной литературы. Однако кампанейщина, безответственность чиновников от образования, нехватка квалифицированных преподавателей, в одинаковой степени хорошо владеющих корейским и русским языком, а также методикой преподавания; острая нехватка учебных программ, учебников и словарей сделали невозможным коренное улучшение положения в данной сфере. Правда, определенные сдвиги все же произошли.

В 1959—1966 гг. в Кзыл-Ординской области вновь были организованы и начали работать 142 группы по изучению корейского языка во вторых—восьмых классах с контингентом 2389 учащихся, в том числе: в Чиилийском районе — 40 групп (654 человека); Кармакчинском — 11 групп (174); Джала-

гашском — 10 групп (172); Казалинском — 10 групп (80); Яны-Курганском — 9 групп (107) и в г. Кызыл-Орде — 64 группы (1181 учащийся)²⁷. В школах Алма-Атинской области в первой половине 1960 г. насчитывалось 109 групп корейского языка, с охватом 2284 учеников, в том числе: в Каратальском районе — 107 групп (2239 человек) и Балхашском — 2 группы (45 человек).

Кроме того, корейский язык преподавался в нескольких школах Чимкентской и Джамбулской областей. Школы Кызыл-Ординской области были укомплектованы учителями корейского языка. Из 14 преподавателей высшее образование имели три человека, незаконченное высшее — два, среднее специальное (педагогическое) — девять человек. В Каратальском районе Алма-Атинской области корейский язык преподавали 12 учителей, из которых двое с высшим образованием, четыре — с незаконченным высшим, а остальные со средним педагогическим²⁸.

Ряд учителей-языковедов проявили большую заинтересованность и инициативу в преподавании родного языка в школах с корейским контингентом учащихся. Они применяли разнообразные методы и приемы, способствовавшие развитию навыков и умений в чтении, письме, звуковосприятии и устной речи. Например, больших успехов в обучении корейского языку добился учитель средней школы колхоза «Авангард» Кызыл-Ординской области Цой Ги Сен, закончивший в 1953 г. корейское отделение факультета восточных языков Ленинградского государственного университета. Его уроки проходили в хорошем темпе и очень увлекательно. На занятиях преподаватель широко использовал наглядные пособия, таблицы, разнообразный иллюстративный материал, технические средства.

Те Ге Бон, учитель средней школы Каратальского района Талды-Курганской области, разработал множество тестов для развития устной речи, составил диалоги, фабульные ситуации и рассказы. Он создал один из первых школьных кабинетов корейского языка в республике, сам изготовлял различные наглядные пособия, таблицы, схемы, карты. При кабинете имелась небольшая библиотека с прозой и поэзией на корейском языке, которая использовалась на занятиях по домашнему чтению.

Со дня ее открытия в средней школе им. Сейфуллина г. Кызыл-Орды корейский язык преподавала талантливая педа-

гог Н. Н. Югай, применявшая самые разнообразные приемы обучения и контроля²⁹.

В годовых отчетах Кзыл-Ординского областного отдела народного образования за 1965/66 учебный год была особо отмечена работа учителей корейского языка А. И. Ногай (школа № 33 Яны-Курганского района), Огай Ин Сун (школа № 47 Чиилийского района), Ю Мен Чер, М. И. Лим, Б. В. Угай — преподавателей школ г. Кзыл-Орды³⁰.

В годовые отчеты Каратальского района за 1960—1966 гг. был включен пункт «Состояние преподавания корейского языка», где в разные годы отмечались особо отличившиеся преподаватели корейского языка О. А. Пак, А. А. Хэ, Г. С. Ким и др.³¹.

Во вторых-четвертых классах для обучения корейскому языку первоначально использовали букварь, составленный Ким Пен Хва³², и грамматику корейского языка для третьего класса, авторами которой были Ким Пен Хва и Хван Юн Дин³³. В старших классах обучались по учебникам и хрестоматиям, изданным в начале 1950-х гг., а в конце десятилетия появились книги для чтения на корейском языке³⁴, а также школьный русско-корейский словарь³⁵. В первой половине 1960-х гг. в Узбекской ССР вышли букварь и учебник корейского языка для третьего—четвертого класса, рассчитанный на 130 уроков. Учебник имел алфавитный словарь на 595 лексических единиц³⁶. Хотя со стороны преподавателей корейского языка учебник подвергался справедливой критике, он все же в какой-то мере удовлетворял потребности в обучении родному языку³⁷.

К сожалению, небольшие тиражи не смогли покрыть дефицит учебников; заявка только одного Каратальского районного отдела народного образования на 1966/67 учебный год для вторых-восьмых классов составляла свыше 2 тыс. экземпляров. В организации преподавания корейского языка были допущены просчеты и ошибки со стороны Министерства просвещения республики. Например, отсутствие каких-либо учебных программ по этому предмету означало, что каждый преподаватель составлял свой план и работал индивидуально. В письме за № 17-11/163 от 16 ноября 1966 г. Министерство просвещения Казахской ССР обратилось к Минпросу Узбекской ССР с просьбой «сообщить о возможности приобретения программ по изучению корейского языка или выслать один

экземпляр для размножения»³⁸. Объем отведенных для родного языка часов — два часа в неделю для всех классов — был совершенно недостаточен для получения глубоких и прочных знаний. Кроме того, неудовлетворительная оценка корейскому языку не учитывалась при переводе в следующий класс. Все это расхолаживало учеников.

В связи с отсутствием в стране специальных институтов, факультетов, техникумов или педучилищ, где бы готовились учителя корейского языка, Министерству просвещения следовало организовать курсы повышения квалификации работающих преподавателей, методические группы и объединения по корейскому языку и т. п. Республиканский и областные институты усовершенствования учителей полностью игнорировали необходимость работы над методикой преподавания корейского языка как родного.

В связи с накопившимися проблемами и трудностями Министерство просвещения издало приказ № 10 от 4 февраля 1965 г. «О состоянии преподавания родного языка для детей корейской национальности в школах Кызыл-Ординской области». В нем был намечен обширный комплекс мероприятий. Однако даже полное и неукоснительное выполнение этих постановлений не могло разрешить коренным образом языковые проблемы корейцев Казахстана, остановить процесс отчуждения от национального языка. Аналогичная ситуация сложилась в исследуемый период и в других центральноазиатских республиках³⁹.

Административно-командная система игнорировала национальные потребности, в том числе и развитие образования. Был предпринят целый ряд насильственных акций против малых народов, несовместимых с декларируемой приверженностью интернационализму и равноправию всех этнических групп. Приняло широкие масштабы активное насаждение русского языка и русской культуры, ущемлялись права ряда народностей. В то же время необходимо отметить, что обучение в школах на русском языке намного расширило возможности молодежи получить высшее образование.

Во второй половине 1950-х гг., после снятия ограничений в передвижении и выборе места жительства, корейская молодежь начала выезжать на учебу в различные города не только Казахстана, но и далеко за пределы республики — в ведущие вузы Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов.

В 1968 г. в 43 высших учебных заведениях Казахской ССР обучалось 3048 юношей и девушек корейской национальности⁴⁰.

В течение последующих двадцати лет, с середины 1960-х до середины 1980-х гг., преподавание корейского языка было вновь предано забвению. Слабое утешение в этот период представляли несколько десятков студентов и аспирантов, изучавших его в университетах Москвы, Ленинграда и Владивостока. Корейские школы, действовавшие после войны на Сахалине, к этому времени также прекратили свое существование. В Казахстане и Узбекистане процесс потери родного языка принял необратимый характер, причем он касался не только сферы просвещения и образования, но и бытовой, семейной, ибо корейцы, в особенности молодежь, стали говорить между собой преимущественно по-русски.

Вопросы просвещения и образования тесно связаны с развитием и функционированием языка в целом. Изменение лингвистического поведения корейцев Казахстана характеризовалось двумя взаимосвязанными тенденциями: интенсивное распространение русского языка и потеря родного. Доля лиц, указавших в качестве родного языка русский, постоянно росла. Материалы переписи населения 1970 г. содержат сведения о свободном владении вторым языком народов СССР, которые отражают всеобщее освоение советскими корейцами русского языка. В 1970 г. 43 514 корейцев Казахстана свободно владели русским языком, что составило 83,3% от общей численности той части корейского населения, для которой русский язык не являлся родным. Переход части диаспоры на русский язык, естественно, вызвал сокращение доли корейцев, считавших родным язык своей национальности. За время между переписями 1959 г. и 1970 г. эта доля по Казахстану снизилась на 10%⁴¹.

В тот период существенно изменилась качественная сторона владения корейцами Казахстана национальным языком. Данные переписи о лингвистической компетенции народов СССР не дают возрастной или профессиональной дифференциации, однако совершенно очевидно, что к началу 1970-х гг. письменной формой литературного корейского языка владело лишь незначительное число корейцев старшего поколения. Русский же язык в устной и письменной форме знало все корейское население в возрасте от школьного до пенсионного.

Обратимся к материалам переписи 1989 г. Если верить ее данным, то окажется, что 51,7% корейцев Казахстана считали родным языком корейский. На самом же деле признание корейского языка «родным» не означало владение им. По Алма-Ате данные переписи, касающиеся распределения отдельных национальностей по возрасту, родному и второму языку народов СССР, включали также и корейцев, что дает возможность подтвердить этот вывод: 38,85% корейских детей в возрасте до шести лет, не умеющие ни читать, ни писать, ни говорить по-корейски, признавали его «родным». В возрасте от 10 до 14 лет таких детей оказалось 35,6%⁴². Надо полагать, в первом случае за малолетних детей ответ дали родители, а во втором решали как сами дети, так и родители.

Новым стимулом пробуждения интереса к историческому прошлому, национальной культуре и языку стала «перестройка», которая также, как и «оттепель», вновь дала возможность открыто высказываться по наболевшим вопросам. «Этнический ренессанс» охватил все без исключения народы страны, в том числе и корейцев, и одним из приоритетов национально-культурного возрождения явилась, как и прежде, языковая проблема. В редакцию газеты «Ленин кичи» начали поступать письма читателей с просьбами публиковать уроки корейского языка, оказать помощь с учебниками, словарями, организовать языковые кружки и курсы. Такая активность корейского населения передалась И. П. Хану — главному редактору «Ленин кичи». Он направил в ЦК компартии Казахстана письмо (датированное 20 апреля 1987 г.), в котором описал кризисную ситуацию, связанную с преподаванием и функционированием корейского языка в республике, а также свое видение решения назревших проблем.

ЦК компартии дал указание Министерству просвещения определить численность корейских детей в школах Кызыл-Ординской, Чимкентской, Джамбулской, Алма-Атинской и Талды-Курганской областей для определения потребности в преподавателях корейского языка. На 1988 г. в план было заложено изучение вопроса о возможности готовить преподавателей корейского языка в одном из педагогических вузов.

25 мая 1987 г. из Министерства просвещения в ЦК поступила справка «Об изучении корейского языка как родного в школах республики». В ней говорилось, что на момент ее составления в Казахстане проживало 112 тысяч корейцев, сосре-

доточенных в основном в Кызыл-Ординской области — 16,9 тыс., Талды-Курганской — 15,8 тыс., Чимкентской — 15,1 тыс., Джамбулской — 14,9 тыс. и Карагандинской — 13,9 тыс. человек. По данным министерства, корейский язык преподавался в семи школах Кызыл-Ординской области (770 учащихся) и в одной школе Талды-Курганской области (100 учеников). Однако эти сведения оказались неточными. Например, 20 июля 1987 г. выяснилось, что на самом деле в Кызыл-Ординской области только в трех школах имелись группы по изучению корейского языка⁴³.

По уточненным данным следовало, что корейскому языку в республике обучали лишь в двух школах Кызыл-Ординской области (162 человека) и в одной школе в Талды-Курганской области (29 человек), в то время как численность школьников корейской национальности только в четырех областях: Джамбулской, Кызыл-Ординской, Талды-Курганской и Чимкентской составляла свыше 4 тыс. человек⁴⁴.

В итоге авторы справки пришли к следующим выводам: во-первых, «из-за отсутствия внимания, нехватки учителей, плохого обеспечения учебниками» положение в изучении корейского языка оценивалось как катастрофическое; во-вторых, признавалась необходимость поправить ситуацию, но в республике не хватало кадров, способных решить эти задачи; в-третьих, обращения за помощью в Министерство просвещения СССР и Минпрос Узбекистана оказались бесполезным, ибо ситуация с корейским языком в других республиках была столь же плачевной. Таким образом, рассчитывать следовало только на свои внутренние возможности. В ряде областных центров в конце 1980-х — начале 1990-х гг. возникли корейские культурные центры, которые в качестве первоочередных задач ставили возрождение этнической культуры и национального языка.

В тот период началась миссионерская деятельность корейских христианских церквей, организовавших среди своих прихожан группы по изучению корейского языка. Пасторы обеспечивали желающих учебниками, словарями и иной литературой на корейском языке. При некоторых церквях были организованы воскресные школы. Важную роль в обучении корейцев Казахстана национальному языку, подготовке учителей-языковедов стал играть Центр Просвещения Республики Корея, начавший свою работу в Алма-Ате в 1991 г.

Руководство республики также вносило свой вклад в дело налаживания системы обучения корейскому языку. В Институте усовершенствования учителей Министерство просвещения проводило семинары для преподавателей языка. На факультете журналистики в Казахском государственном университете им. аль-Фараби (КазГУ) и в Кзыл-Ординском педагогическом институте распахнули свои двери корейские отделения. К открытию готовились аналогичные отделения в ряде других столичных и областных вузов.

Когда речь идет об языке корейцев Казахстана, то обычно говорят о необходимости возрождения родного языка, и именно с реализацией этой задачи связывают всевозможные проблемы или же достигнутые успехи. Однако, чтобы быть корректным, необходимо отметить, что язык наших предков и людей самого старшего поколения представляет собой уникальный диалект, истоки которого восходят к XV в. (подр. см. ниже). В обиходе, а теперь и в лингвистической науке его называют «*коре мар*», и нынешнее состояние диалекта близко к летальному. *Коре мар* в Казахстане, как, впрочем, и в других постсоветских странах, обречен на полную гибель, и реанимировать его сегодня не представляется возможным. Таким образом, под «родным языком» следует понимать сеульский вариант современного литературного языка, который для корейских детей в Казахстане не менее «иностранный», чем английский или арабский языки.

Таким образом, именно о литературном корейском можно говорить как о «генетически родном языке» или, дословно переводя с английского, «наследственном». В итоге речь должна идти не о возрождении прежнего языка, ранее бывшего в ходу, а об изучении, по сути, иного языка, который еще десятилетие тому назад не был известен в Казахстане. Просвещение корейцев в республике немыслимо сейчас без преподавательской деятельности сотен учителей корейской национальности в школах всех ступеней.

Профессия учителя, должность завуча или директора школы были почетными, и среди корейцев насчитывалось немало тех, кто трудился в сфере народного образования. Так, по данным переписи населения 1970 г., всего занятых корейцев в Кзыл-Ординской области было 4206 человек, из которых 288 являлись преподавателями школ, а 31 человек работали в вузах⁴⁵. Многие люди этой профессии зарекомендовали себя на-

стоящими профессионалами, высококвалифицированными учителями-предметниками и талантливыми руководителями школ и других учебных заведений. Изданный в 1992 г. справочник «Советские корейцы Казахстана» содержит, в частности, биографические сведения о более 30 заслуженных учителях и работниках Высшей школы Казахской ССР, причем не все корейцы, имевшие на момент составления справочника эти почетные звания, упомянуты в книге⁴⁶.

Таким образом, просвещение корейцев в исследуемый период развивалось в контексте общих трансформаций советской системы народного образования. Специфика касалась лишь вопросов преподавания в школах Казахстана корейского языка как учебного предмета. В целом же корейцы достигли в 1950–1980-е гг. существенных успехов в повышении уровня образования; сформировалась национальная интеллигенция. К потерям, которые понесла диаспора, следует, прежде всего, отнести родной язык, который для большинства городского корейского населения перестал быть таковым. Пробудившийся в перестроечные годы интерес к языку был частично удовлетворен благодаря деятельности корейских культурных центров, миссионерских христианских церквей, Центра просвещения Республики Корея и государственных учреждений народного образования.

В силу различных исторических обстоятельств в Казахстане так и не появились корейские национальные школы, ликвидированные в 1938 г. Вероятность их появления на современном этапе равна нулю, ибо они не востребованы ни самим населением, ни государственными потребностями суверенного Казахстана. Учащиеся корейской национальности полностью интегрированы в действующую школьную систему и продолжают обучение на русском языке, ставшем родным для молодого поколения корейской диаспоры.

Материалы последней Всесоюзной переписи населения по Казахской ССР (1989 г.) наглядно демонстрируют высокий уровень образования корейцев, достигнутый в советский период. В возрастной когорте от 16 до 29 лет на каждую тысячу корейцев приходилось 138 (69)⁴⁷ человек с высшим образованием, 68 (34) — незаконченным высшим, 196 (203) — средним специальным, 442 (508) — средним, 148 (175) — неполным средним и лишь 4 (7) — с начальным и 4 человека — не имеющих начального образования. На тысячу занятых уровнем

образования среди корейцев был следующим: 285 (131) человек с высшим, 24 (14) — незаконченным высшим, 260 (234) — средним специальным, 304 (400) — средним, 86 (147) — неполным средним, 32 (62) — с начальным и 7 (12) человек — не имеющих начального образования.

Отсутствие официальных данных об численности корейских детей в школах компенсируется комплексом других косвенных сведений, которые позволяют сделать однозначный вывод о том, что абсолютное большинство получает полное среднее образование. Расчеты, основанные на материалах переписи населения 1989 г., дают следующие результаты: численность корейских детей школьного возраста составляла в 2002 г. около 16–18 тыс. человек, из которых 5–5,5 тыс. обучаются в начальных классах, 5–6 тыс. — в средних и столько же — в старших.

К отличительным особенностям современных корейцев Казахстана в интересующем нас аспекте можно отнести равенство полов при получении образовании, а по численным показателям корейки занимают по сравнению с мужчинами доминирующее положение. По данным переписи населения 1989 г., уровень образования на тысячу мужчин и женщин корейской национальности в возрасте от 16 до 29 лет выглядел таким образом: мужчин с высшим образованием — 108 человек, женщин — 169; с незаконченным высшим, соответственно — 59 и 78; средним специальным — 173 и 219; средним — 486 и 396; неполным средним — 165 и 131; с начальным — 6 и 7; не имевших начального образования — 3 и 4 человека⁴⁸.

Характерной особенностью корейской диаспоры в Казахстане является высокая степень урбанизированности. По предварительным данным первой переписи населения Республики Казахстан 1999 г., из 100 тыс. корейцев страны около 20 тыс., т. е. каждый пятый, являются жителями Алма-Аты. В некоторых областях, таких как Карагандинская, Павлодарская, Уральская и др., удельный вес горожан среди корейцев превышает 90%, а в целом по стране составляет более 80%. Традиционное стремление к знаниям, чувство родительской ответственности за будущее детей, городской образ жизни, а также материальный уровень среднестатистической корейской семьи составляют основу для полного охвата корейских детей завершенным средним образованием, что позволяет им

успешно конкурировать с другими этносами за получение высшего образования.

Корейцы не проходят отдельной строкой по текущей статистической отчетности, поэтому нет возможности проследить динамику численности студентов, выбора типа учебного заведения, факультета, специальности, формы обучения и т. д. за последние десять лет. Имеющиеся официальные данные свидетельствуют, что на начало 1997/98 учебного года общая численность студентов корейской национальности составила 4340 человек, причем на дневном отделении обучались 3096 человек, на вечернем — 75 и заочном — 1169. На начало 1998/99 учебного года изменения были довольно значительными: общая численность студентов-корейцев — 4767 человек, из них очников — 3320, вечерников — 108 и заочников — 1357. Прирост составил примерно 10%. Сравнительные данные по корейцам — учащимся колледжей на начало 1997/98 и 1998/99 учебных годов следующие: общая численность — 794 человека (754 в 1998/99 г.); в том числе на дневном отделении — 563 (588); на вечернем — 9 (3) и на заочном — 222 (163)⁴⁹. Незначительное сокращение общей численности учащихся колледжей связано, возможно, с изменением статуса учебных заведений.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что численность студентов-корейцев и учащихся колледжей за последние годы оставалась без больших изменений. Среди корейцев 16–22 лет, типично студенческой возрастной группе, доля охваченных высшим и незаконченным высшим образованием составляет около 50%. Корейцы, занимая по своей численности в структуре населения Казахстана девятое место, среди студентов высших учебных заведений поднялись в абсолютных показателях до четвертого места, опередив немцев, татар, узбеков, белорусов и уйгур.

Среди корейских студентов налицо стремление учиться на очном отделении; число студентов-вечерников незначительно. У казахов, русских, украинцев среднее соотношение численности студентов очной и заочной форм обучения составляет 2 : 1; у татар, узбеков, уйгур, туркмен почти 1 : 1, а у корейцев — 3 : 1.

Анализ косвенных данных позволяют сделать следующие выводы относительно выбора корейцами вузов. Во-первых, доля студентов гуманитарных факультетов и специальностей заметно увеличилась, а технических, аграрных вузов и естест-

веннонаучных факультетов, соответственно, снизилась. Во-вторых, уменьшилась численность корейцев из Казахстана, обучающихся в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска и других российских центров. Как и прежде, немногие корейские юноши желают получить образование в военных вузах, что объясняется в большей степени традицией советского периода. По всей вероятности, произошло сокращение численности корейцев (в абсолютных и относительных значениях), обучающихся в аспирантуре. Это обусловлено их прагматичностью, ориентацией на достижение материального благосостояния, с одной стороны, и падением престижа научной деятельности, с другой.

К сожалению, нет сведений, касающихся соотношения численности студентов-корейцев, получающих образование на бюджетной основе и на договорных, платных условиях. Предположительно, число последних либо равно, либо превышает число тех, кто получает бесплатное образование. Подобное соотношение является общей закономерностью для казахстанского студенчества.

Многие представители корейской диаспоры работали и продолжают трудиться в университетах, академиях и различных вузах страны. Десятки докторов и кандидатов наук корейской национальности имеют ученые звания профессоров и доцентов; ряд из них были в прошлом и являются в настоящее время деканами, заместителями деканов, заведующими кафедрами и лабораториями. К моменту обретения Казахстаном государственного суверенитета корейская диаспора обладала значительным научным потенциалом⁵⁰.

3. Статус и особенности «родного языка» корейцев Казахстана

Прежде чем перейти к проблемам обучения корейскому языку в современном Казахстане, целесообразно обратиться к краткой характеристике корейского языка, его лингвистической природы. До депортации в Казахстан и ликвидации национальной системы образования корейский язык считался одним из языков народов СССР. Затем длительный период он, существуя в устной, разговорной форме, не имел никакого официального статуса, а по советской статистике печатной

продукции входил в группу «языков народов зарубежных стран». И это в какой-то мере соответствовало действительности, ибо книги, напечатанные на корейском языке, представляли собой в основном переводы общественно-политической, классической русской и советской литературы, выполненные в рамках северокорейского языкового стандарта.

Поскольку корейский язык не являлся и не является полноправным учебным предметом ни в советских школах, ни в школах суверенного Казахстана, его статус языка национального меньшинства существенным образом отличается, например, от статуса немецкого языка, который повсеместно классифицируется как «иностраннный» и преподается во многих средних и высших учебных заведениях.

Корейский язык имеет статус «родного языка» проживающего в республике корейского населения, но в социальной жизни страны он выполняет весьма ограниченные функции: в средствах массовой информации (одна еженедельная газета; одна 20-минутная радиопередача, повторяющаяся трижды в неделю, и одна 30-минутная программа на телевидении); в искусстве (корейский театр и ансамбль «Ариран»); литературе (выход в свет одного-двух сборников рассказов или стихов) и образовании (корейские отделения в ряде университетов и вузов). Причем во всех этих случаях используется сеульский литературный вариант корейского языка.

Как уже указывалось выше, коре мар — язык корейцев самых старших возрастных групп, существующий в основном в устной форме и функционирующий лишь в семейно-бытовой сфере. Далекие предки переселенцев на русский Дальний Восток и, следовательно, нынешних поколений корейцев Казахстана происходили в основной своей массе из провинции Северный Хамген (СХ). Диалекты этой провинции делились на три подгруппы: Югып (шесть уездов — Пурён, Кёнхын, Онсон, Кёнвон, Косон и Хверён) самой северной части Корейского полуострова, граничащей с Россией и Китаем; Саып (четыре уезда — Кёнсон, Менчхон, Кильчу и Хаксон) и Мусан. С языком корейцев Казахстана в большей степени связана первая подгруппа диалектов СХ. Во времена правления вана Седжона на самых северных границах Кореи были заложены шесть крепостей-гарнизонов — Юкчин, которые позднее назывались Югып. Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков, поглощение элементов диалектов

малочисленных выходцев из южных провинций, затем консервация и, наконец, влияние русского языка привели к образованию лингвистического феномена, получившего название *коре мар*⁵¹.

В соответствии с социолингвистической терминологией, предложенной Х. Клоссом, можно говорить о *коре мар* как о специфической форме «неприкрытого диалекта» (от немецкого «*obdachlos*», т. е. не имеющего крыши). В отличие от диалектов Корейского полуострова, имеющих «прикрытие» со стороны литературного языка, диалекты корейцев России и Казахстана, оторванных от этноязыкового ядра, были лишены такой защиты. Некоторые исследователи называют *коре мар* «вариантом корейского языка, сложившегося в условиях изоляции на основе двух северо-восточных диалектов корейского языка»⁵². При этом речь идет о лексико-грамматических особенностях *коре мар*, однако его определение как «варианта корейского языка» должно подкрепляться социальными функциями, выполняемым им в повседневной жизни диаспоры.

Проживание в иноэтничном окружении, закономерности языковых контактов привели к пополнению ограниченного лексического фонда *коре мар* заимствованиями из русского и других языков. Он практически не знает письменной формы, не звучит в эфире и на театральной сцене, не используется в средствах массовой информации, не преподается в школах — он вымирает. Пройдет десять-пятнадцать лет, и не останется носителей этого лингвистического реликта. Возможна ли реанимация *коре мар*? Нет или скорее нет, чем да.

Есть путь трансплантации живых и полнокровно функционирующих литературных форм — пхеньянской или сеульской. Складывается парадоксальная ситуация: в газете «Коре ильбо», где переводчиками работают сахалинские корейцы — выходцы из южных провинций Кореи, пишут на весьма приближенном к пхеньянскому северокорейском языке; на радио звучит устами тех же сахалинских корейцев речь, напоминающая сеульский стандарт, а в Алма-Атинском государственном университете (АГУ) преподают профессора из Пхеньяна и Сеула, соответственно, по северокорейским и южнокорейским учебникам. Профессор из Хельсинки Ко Сон Му безуспешно пытался преподавать в том же АГУ *коре мар*, чему воспротивились сами студенты и их родители.

4. Этноязыковая характеристика корейской диаспоры Казахстана

Рассмотрим кратко основные составляющие этнолингвистической ситуации: языковую компетенцию, речевое поведение и языковые ориентации⁵³. Если сравнить степень владения корейским, казахским и русским языками, то станет очевидно, что преобладающим и первичным языком для абсолютного большинства корейцев Казахстана является русский. Им совершенно свободно владеют 90–95% корейцев. Практически не осталось ныне тех, кто совершенно не знает русский язык. Уровень свободного владения казахским языком, в силу ряда исторических обстоятельств, очень низкий (2–3% от общей численности корейцев).

В наши дни лингвистическая компетенция корейцев Казахстана определяется следующими факторами: 1) национальная и языковая политика советского периода; 2) изменившийся характер расселения; 3) интенсивность межнациональных контактов; 4) высокий уровень производственной занятости, образования и профессиональной квалификации⁵⁴.

Изменение языковой компетенции в значительной степени зависело от позиции самих корейцев, которые не отличались активным стремлением к сохранению и развитию культурного наследия. Они демонстрировали устойчивый интерес к овладению русским языком в совершенстве, что открывало возможности получения образования и повышения социального статуса как на индивидуальном уровне, так и на групповом. Такой ускоренный, по сравнению с другими национальными меньшинствами, переход на языковой код доминирующего иноэтничного окружения характерен в целом для всех корейских диаспор, отличающихся высокой степенью аккультурации и языковой ассимиляции. Однако при этом зарубежные корейцы устойчиво сохраняют свою этническую идентичность и не ассимилируются в численно доминирующей инонациональной среде.

В речевом поведении корейцев, охватывающем различные сферы жизнедеятельности, русский язык стал занимать доминирующее положение уже в 1950-х — 1970-х гг. В течение последующих двадцати лет это доминирование постоянно закреплялось. Использование же корейского языка сужалось и ограничивается в настоящий момент внутрисемейным

общением, причем в основном в самых старших возрастных группах⁵⁵.

Материалы переписей населения однозначно свидетельствуют о снижении доли корейцев, признающих корейский язык в качестве родного: в 1970 г. — 64%, в 1979 г. — 56,1%, а в 1989 г. — 51,7%. Однако следует еще раз подчеркнуть, что признание его родным не означало владение им и использование в повседневной жизни. Язык, как известно, не только универсальное средство коммуникации, передачи информации и т. д., но и неотъемлемый атрибут и символ этнического самосознания. Основную роль в признании корейского языка родным играют именно этнопсихологические факторы; этническая самоидентификация происходит по формуле: я кореец — корейский мой родной язык. Этносоциологические и социолингвистические исследования, проведенные в последние годы в корейской диаспоре, верифицировали априорный вывод о несоответствии объективной языковой компетенции и субъективного осознания языка в качестве родного⁵⁶.

Уровень языковой компетенции и характер речевого поведения различаются по возрастным и социальным группам корейской диаспоры Казахстана, что подтверждено рядом опросов, а также данными советских переписей. В возрастной группе от 1 до 25 лет абсолютное большинство корейцев совершенно не владеет корейским языком. Для людей от 25 до 60 лет характерно пассивное владение на уровне понимания просторечия, используемого в быту. Лишь самая старшая группа — от 60 до 80 лет, выросшая в относительно этнокомпактной сельской среде и обученная азам письменной грамоты, владеет в какой-то степени активными видами речевой деятельности (т. е. может говорить и писать). Для рожденных и социализировавшихся в Казахстане корейцев родным языком стал русский, а для преобладающей части депортированных, которых в определенном смысле можно отнести к билингам, русский язык по степени владения является первичным, а корейский — вторичным.

Что касается дифференциации языковой компетенции по социальному положению, то в первичном делении людей на две группы — занимающихся умственным и физическим трудом — первая, безусловно, уступает второй по степени сохранности языковых навыков. Физическим трудом корейцы были заняты в основном в аграрном секторе, а как известно, имен-

но село является тем этногетогенным резервуаром, в котором лучше, чем в национально-смешанном городском «котле», сохраняются этническая культура и язык. Среди людей интеллектуального труда знания языка сохранили и развили те, кто работал либо в корейскоязычных средствах массовой информации (газета, радио, телевидение), либо в корейском театре.

Говоря об уровне владения корейским языком, следует иметь в виду, что часть современной диаспоры Казахстана составляют сахалинские корейцы и немногие бывшие северные корейцы, языковая компетенция которых существенным образом отличается от основной массы. Именно представители этих групп, владея корейским литературным языком, занимали ведущие позиции в национальных учреждениях культуры, искусства, а также в литературном творчестве.

Данные, полученные в ходе социологических обследований, выявили наличие у корейцев Казахстана тенденции к регенерации родного языка как основы этничности. Так, большое число респондентов уже воспользовались появившейся в последние годы возможностью овладеть этим языком. Еще больше опрошенных хотели бы его изучать и считают необходимым знание языка своими детьми.

О значении, которое придается проблеме возрождения языка, говорит также тот факт, что более 80% респондентов в качестве первоочередной задачи назвали необходимость развивать систему образования на корейском языке, выпускать литературу, создавать радио- и телепередачи. Кроме этого, 34,9% опрошенных среди наиболее значительного, сделанного для корейского народа в Казахстане, отметили открытие отделений корейского языка на филологических факультетах Кзыл-Ординского и Алма-Атинского педагогических институтов⁵⁷.

Если суммировать сказанное, качественные и количественные показатели свидетельствуют о смене родного языка, происшедшей у абсолютного большинства корейцев. В силу действия факторов политического, социально-культурного и этнопсихологического характера сфера употребления корейского языка сузилась до семейно-бытовых отношений. Инновации последнего десятилетия в Казахстане, динамично развивающиеся отношения с Южной Кореей, всплеск этнического самосознания и деятельность корейских общественных организаций стимулировали возросший интерес к корейскому языку, желание изучить его.

5. Проблемы обучения корейскому языку

Перестройка и гласность вызвали у всех советских народов взрыв интереса к своей истории, этнической культуре и национальному языку. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. наблюдался своеобразный языковой бум — многочисленные курсы были организованы корейскими культурными центрами, христианскими миссионерскими церквями, кружками. Корейский язык стали преподавать в вузах, школах и детских садах.

В 1990 г. в Южно-Казахстанской области начали работать шесть групп по изучению корейского языка, затем их число увеличилось до 20, с охватом 220 человек, а в 1991/92 учебном году — до 48 (653 человека), в том числе по Чимкенту — 35 групп в 14 общеобразовательных школах; в районах области — 11 групп в городах Джетысае и Сары-Агаче, в селе Белые воды⁵⁸.

В Кызыл-Ординской области были укомплектованы 34 группы по изучению корейского языка в трех общеобразовательных школах, а также пять кружков в трех колхозах и на швейной фабрике. Заработала воскресная школа, которую позже преобразовали в подготовительное отделение для поступающих на открывшееся в 1991 г. отделение корейского языка в Кызыл-Ординском педагогическом институте⁵⁹.

В г. Уштобе открылась корейская школа (директор — С. Г. Юн); постройку здания, мебель и оборудование оплатили южнокорейские бизнесмены из г. Кванджу. При школе организована детская библиотека с подборкой художественной и учебной литературы, справочных изданий, словарей и журналов, получаемых из Республики Корея. Создан лингафонный кабинет, подаренный школе главой областной администрации⁶⁰.

Подходы к решению проблемы на местах различаются по регионам в зависимости от имеющихся ресурсов. В наиболее благоприятных условиях, с точки зрения обеспеченности преподавательскими кадрами, находятся южные области. В Мангистауской, Семипалатинской, Уральской областях, в г. Балхаше нехватка учителей корейского языка стала одной из главных причин, затруднивших организацию групп обучения. Например, в ноябре 1990 г. в Балхаше в детсадах ПО «Балхашмедь» были укомплектованы три группы детей, однако из-за отсутствия учителей обучение не началось. В Карагандинской области, где численность корейцев составляла около 11,5 тыс., корейским языком занималось всего 75 человек. В Восточно-

Казахстанской области функционировала одна группа для взрослых (30 человек) и факультатив в университете; в Павлодарской области организовали обучение корейскому языку в двух группах.

В целом в 1992 г. обучением корейскому языку было охвачено около 3 тыс. человек, в 1994 г. — более 5 тыс. В 1995/96 учебном году корейский язык преподавался в 17 школах Казахстана, в которых работали 95 групп с общей численностью 1450 учащихся.

Первоначально помощь в обеспечении учебными пособиями Казахстан получал из Северной и Южной Кореи, однако вскоре Пхеньян в силу экономических трудностей прекратил ее. Из Южной Кореи, наоборот, поступление книг, словарей, учебников, языковых курсов с аудиокассетами увеличивалось с каждым годом. Активность проявлялась как правительством, государственными учебными заведениями, так и общественными фондами, организациями и частными лицами. Например, Институт обучения зарубежных корейцев при Сеульском национальном университете прислал «Начальный курс разговорной речи» с кассетной записью. Президент издательства Республики Корея Кван Бен Юль прислал 2480 комплектов букварей, 870 учебников по письму, чтению и разговорной речи, более 5 тыс. наименований книг по истории, культуре и искусству Кореи, которые были распределены по культурным центрам⁶¹.

В организации обучения языку важное значение имеет подготовка профессиональных преподавательских кадров. В Казахстане после перевода Кзыл-Ординского Корейского педагогического института на русский язык обучения и ликвидации в Казалинске Корейского педучилища в течение более полувека корейский язык был исключен из учебных программ большинства образовательных учреждений. Его преподавали в кружках и группах люди преклонного возраста, многие из которых недостаточно владели письменной речью. Кроме того, как известно, знание языка не означает умение учить других.

На начальном этапе, когда, с одной стороны, резко возрос интерес к корейскому языку и до 3—5 тыс. человек увеличилась численность обучающихся, а с другой стороны, еще не были подготовлены новые кадры, весьма актуальной стала проблема повышения квалификации преподавателей.

Центральным институтом усовершенствования учителей в 1990 и 1991 гг. были проведены первые семинары для учителей

корейского языка. В 1993 и 1994 гг. работали летние школы для корейских детей. За двадцать дней пребывания в школе они изучали язык по 60-часовой программе. Цель создания языковой среды была достигнута. С детьми постоянно находились воспитатели, занятия проводили опытные педагоги, направленные Алма-Атинским корейским центром просвещения.

Важное значение имело открытие отделений корейского языка в ряде университетов и вузов Казахстана. В настоящее время специалистов со знанием корейского языка готовят на факультете востоковедения КазНУ; на фил. логических факультетах АГУ им. Абая, Кызыл-Ординского, Усть-Каменогорского университетов, в Казахском государственном университете международных отношений и мировых языков, Университете мировой журналистики, Академии Комитета национальной безопасности, Казахской государственной академии управления. В ряде вузов и на отдельных факультетах корейский язык преподается в качестве предмета «иностраный язык» или «второй восточный язык». Общая численность студентов корейских отделений вузов Казахстана составляет около 200 человек.

В ряде вузов языку обучают волонтеры, приехавшие в Казахстан по линии КОИКА (Корейское агентство по международному сотрудничеству). Посольство Республики Корея, Алма-Атинский центр просвещения, а также другие государственные учреждения и фонды оказывают большую спонсорскую помощь в налаживании обучения. Корейские отделения получают компьютеры, учебную литературу, словари и аудиовизуальные материалы.

Однако резкое увеличение количественных показателей сказывается на качестве преподавания корейского языка и подготовки специалистов с уровнем свободного владения. Знания многих учителей далеки от совершенства, у них мало опыта практической работы, слабая методическая подготовка. Последнее зачастую относится и к волонтерам и другим преподавателям из Республики Корея, ибо не все из них имеют базовое филологическое образование.

В КазНУ им. аль-Фараби с 1999 г. работает кафедра корееведения, преподаватели которой не только обучают языку, но читают лекции и проводят семинарские занятия, осуществляют научное руководство в написании курсовых работ по истории, культуре, религии, социально-политическому строю Кореи.

Подготовка специалистов со знанием корейского языка проходит не только в Казахстане, но и в Республике Корея. Около двух десятков молодых корейцев обучались там на полугодовых и девятимесячных языковых курсах. Более десятка ученых получили возможность пройти долгосрочные стажировки в ведущих университетах страны. Многие студенты корейских отделений совершили кратковременные учебно-ознакомительные поездки в Сеул.

Стоит отметить целенаправленную работу, проведенную филиалами Ассоциации корейцев Казахстана (АКК) и корейскими культурными центрами в Талдыкорганской, Южно-Казахстанской, Жамбылской областях⁶².

В Талдыкорганском филиале корейский язык изучали в семи школах Каратальского района, в двух обычных и одной воскресной школе в г. Текели. Преподавали язык местные учителя, пасторы и волонтеры из Южной Кореи. В Южно-Казахстанской области в гимназии № 8 открыт спецкласс с углубленным изучением корейского языка. Факультативно обучали корейскому языку в школах № 1 и № 30 г. Шымкента, где учились около 130 детей корейской национальности. Директор школы № 30 О. С. Левикова выделила для этих целей отдельный кабинет. Благодаря учителю корейского языка А. Н. Юн, художнику-оформителю Н. А. Ким, пастору Чон Чун Сону и родителям учеников кабинет оформлен в красочном национальном стиле. Это единственный в городе подобный кабинет, в котором дети обучаются также корейским танцам, песням, рисованию и рукоделию.

Южно-Казахстанский филиал АКК успешно работал с пасторами из Южной Кореи. Была достигнута договоренность, что каждая миссия берет шефство над закрепленной школой, где оформляет кабинет и обеспечивает преподавание корейского языка. В Жамбылской области корейский изучали на языковых курсах при миссионерских церквях, в пяти средних школах, Таразском университете, в кружках и в частной школе искусств «Ариран».

Обучение проводилось также в детских садах и воскресных школах. Так, например, в Кзыл-Ординской области группы созданы в четырех дошкольных учреждениях, в Жезгазганском филиале — в местном Центре просвещения, во Дворце школьников и в воскресной школе в г. Сатпаеве. В Караганде функционировали три группы по изучению корейского языка —

в благотворительной миссии «Грейс», средней школе № 52 и в университете «Лингва».

Несмотря на значительные успехи, по-прежнему острым оставался ряд вопросов. Прежде всего следует отметить, что бум интереса к корейскому языку резко спал. Если раньше кружки не могли принять всех желающих, то теперь многие сомневаются в целесообразности его освоения. И, как ни странно, именно родители-корейцы считают, что не стоит тратить время и силы своих детей на изучение языка, поскольку он сегодня не востребован. Например, в Южно-Казахстанской области отмечают, что в последнее время в соответствующих группах уменьшился процент корейских детей и, наоборот, растет доля учащихся других национальностей. О потере престижности языка говорит также тот факт, что, когда летом 1999 г. проводился набор студентов в корейскую группу в Казахском университете мировых языков, ни один абитуриент не изъявил желания поступить. Если на японское отделение факультета востоковедения КазГУ (с 2001 г. — КазНУ) ограничили прием желающих, то на корейское с трудом набрали две группы на первый курс.

Серьезным остается вопрос о квалифицированных преподавательских кадрах. Корейские пасторы и волонтеры по линии КОИКА оказывают посильную помощь прежде всего как носители языка, но нужны наши преподаватели, выпускники корейских отделений вузов нашей страны, владеющие на высоком уровне самим языком и методикой его обучения. К сожалению, знание корейского языка этими выпускниками оставляет желать много лучшего. С будущими кадрами напрямую связан еще один аспект проблемы. Дело в том, что наиболее преуспевшие в знании корейского языка студенты после окончания вуза часто уходят работать переводчиками на фирмы или в церкви, ибо заработная плата вузовского преподавателя очень низка. Добавлю, что до сих пор нет хороших учебников, самоучителей, компьютерных программ, рассчитанных на русскоязычных учащихся и студентов; нет частотных двойных или тройных словарей, разговорников и т. д. Хотя в суверенном Казахстане корейский язык стал преподаваться в учебных заведениях после полувекового перерыва, начальный этап отмечен как известными достижениями, так и сохранением ряда проблем, до сих пор не получивших своего решения.

Итак, несмотря на первоначальные сдвиги в организации массового изучения корейского языка, результат еще далек от желаемого. Взрыв энтузиазма и интереса довольно быстро утих, а количественные показатели так и не переросли в качественные. Потребуется продолжительное время, большие усилия, значительные средства, целенаправленная и повседневная работа, чтобы компенсировать потери во владении корейским языком, понесенные в течение долгих десятилетий вынужденного забвения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 2. Под ред. Сим Енг Соба, Г. Н. Кима. Алма-Ата—Сеул, 1999. С. 192.
- ² См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 1692, оп. 1, д. 137, лл. 5—7.
- ³ Там же, д. 128, лл. 29—30.
- ⁴ Государственный архив Кызыл-Ординской области (далее — ГАКО,). Ф. 283, оп. 1, д. 5, л. 3.
- ⁵ ЦГА РК. Ф. 1692, оп. 1, д. 128, лл. 32—33.
- ⁶ Там же, д. 166, лл. 14, 16.
- ⁷ ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 1, лл. 4, 39.
- ⁸ Архив Президента Республики Казахстан (далее — АП РК). Ф. 708, оп. 1, д. 45, л. 10.
- ⁹ См.: История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1. Под ред. Сим Енг Соба, Г. Н. Кима. Алма-Ата—Сеул, 1998. С. 335—355.
- ¹⁰ АП РК. Ф. 708, оп. 3/1, д. 439, л. 123—124.
- ¹¹ Там же. Ф. 708, оп. 3/1, д. 147, л. 255—256.
- ¹² *Пак Ир*. Корейский фонд Алма-Атинской библиотеки им. Пушкина // Краткие сообщения Института Востоковедения. Алма-Ата, 1951. № 1. С. 42—44.
- ¹³ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. Алма-Ата, 1995. С. 108—109.
- ¹⁴ *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. Алма-Ата, 1995. С. 212—213.
- ¹⁵ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1... С. 293.
- ¹⁶ Там же. С. 294.
- ¹⁷ Там же. С. 293—294.
- ¹⁸ См.: *Ким Г. Н.* Стереотипы советской историографии и актуальные проблемы исследования корейской войны 1950—1953 гг. // Культурные и исторические процессы в странах Востока переходного периода. Материалы международной научно-практической конференции, 17—18 мая 1999 г. Вестник КазГУ. Серия «Востоковедение». Алма-Ата, 1999. № 9. С. 182—196.
- ¹⁹ Списки и характеристики корейцев, рекомендуемых для работы на Южном Сахалине, в Хабаровском и Приморском краях см. подр. в: *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана... С. 266—277.
- ²⁰ *Хан Б. И.* Педагогические проблемы обучения корейского населения (на материалах КазССР). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1981. С. 15.
- ²¹ См.: *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана... С. 304, 313—314, 321.

- ²² АП РК. Ф. 708, оп. 30, д. 293, л. 220.
- ²³ Там же, оп. 31, д. 76, лл. 22–29.
- ²⁴ Там же, лл. 19–21.
- ²⁵ Там же, д. 75, лл. 11–13.
- ²⁶ См.: История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов... С. 277–281.
- ²⁷ Государственный архив Алма-Атинской области (далее — ГААО). Ф. 127, оп. 1, д. 408, л. 78.
- ²⁸ *Ким Г. Н., Сим Енг Соб.* История просвещения корейцев Казахстана и России. Алма-Ата, 2000, С. 204–205.
- ²⁹ Там же. С. 205–206.
- ³⁰ ГААО. Ф. 127, оп. 1, д. 42, л. 49.
- ³¹ Там же. Ф. 822, оп. 1, д. 706, св. 80, лл. 41–42.
- ³² См.: *Ким Пен Хаа.* Букварь (на корейском языке). М., 1959.
- ³³ *Ким Пен Хаа, Хван Юн Дин.* Грамматика корейского языка для 3-го класса. М., 1959.
- ³⁴ См.: *Хан Дык Пон, Ким Пен Хаа, Хван Юн Дин.* Книга для чтения (2-й класс); *они же.* Книга для чтения (3-й класс). М., 1959.
- ³⁵ См.: *Хегай М. А.* Русско-корейский словарь школьника (для учащихся 3–10-го классов школ с корейским контингентом учащихся). Ташкент, 1958.
- ³⁶ См.: *Ким Нам Сек, Хегай М. А.* Букварь (на корейском языке). Ташкент, 1964; *они же.* Учебник корейского языка для 3-го и 4-го классов. Ташкент, 1965.
- ³⁷ ГААО. Ф. 127, оп. 1, д. 402, л. 79.
- ³⁸ Там же. Ф. 499, оп. 2, д. 1321, св. 158, лл. 43, 75.
- ³⁹ См.: *Югай И. Г.* Развитие этноязыковых процессов в инонациональной среде. Автореф. канд. дисс. М., 1982.
- ⁴⁰ *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана... С. 216.
- ⁴¹ *Ким Г. Н., Сим Енг Соб.* История просвещения корейцев Казахстана и России... С. 211.
- ⁴² *Пак А. Д.* Демографическая характеристика корейцев Казахстана // Советские корейцы Казахстана. Энциклопедический справочник. Алма-Ата, 1992. С. 154–163.
- ⁴³ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана... С. 178.
- ⁴⁴ АП РК. Ф. 708, оп. 135, д. 6, лл. 20–22.
- ⁴⁵ Материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Кызыл-Ординской области. Табл. 27-в, лл. 1–7.
- ⁴⁶ См.: Советские корейцы Казахстана. Энциклопедический справочник... С. 83–97.
- ⁴⁷ В скобках средний показатель по всему населению Казахской ССР.
- ⁴⁸ См.: *Пак А. Д.* Демографическая характеристика корейцев Казахстана... С. 161–162.
- ⁴⁹ Статистический ежегодник. Агентство Республики Казахстан по статистике. Алма-Ата, 1999. С. 86.
- ⁵⁰ См.: Советские корейцы Казахстана... С. 101–126; *Корейцы в науке Казахстана.* Алма-Ата, 1997.
- ⁵¹ См.: *King J. R. P.* An Introduction to Soviet Korean // Language Research. Seoul, 1987. Vol. 23, № 2; *Kho Songmoo.* Koreans in the Soviet Central Asia // Studia Orientalia. Helsinki, 1987. Vol. 61. P. 101–140.
- ⁵² См.: *Пак Н. С.* Тенденции развития коре мар // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1995. № 6.

- ⁵³ См.: *Haarman H.* Aspekte der koreanisch-russischen Zweisprachigkeit. Hamburg, Helmut Buske Verlag, 1982.
- ⁵⁴ См.: *Югай И. Г.* Развитие современных этноязыковых процессов в инонациональной среде... С. 15.
- ⁵⁵ *Hur Seung-Chul.* Language Shift and Bilingualism Among Soviet Nationality Groups // *The Journal of Slavic Studies.* Seoul, 1988. Vol. 3. P. 123–139.
- ⁵⁶ См.: *Хан М. М.* Язык и этническое самосознание корейцев Казахстана // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1996. Вып. 10; *Сон С. Ю.* Социолингвистический анализ функционирования коре мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1999.
- ⁵⁷ *Хан М. М.* Язык и этническое самосознание корейцев Казахстана... С. 45.
- ⁵⁸ *Коре ильбо* (газета). Алма-Ата, 1992, 11 января.
- ⁵⁹ Там же, 1992, 25 января.
- ⁶⁰ Там же, 1991, 17 июля.
- ⁶¹ *Хан Г. Б.* Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. Алма-Ата, 1997. С. 79.
- ⁶² См.: Отчет Правления на VI съезде Ассоциации корейцев Казахстана о проделанной работе за период с октября 1995 г. по октябрь 1999 г. Алма-Ата, 16.10.1999.

РУССКИЙ ЯЗЫК В НЕЗАВИСИМОЙ КИРГИЗИИ

Абдыкадыр Орусбаев

Русскую речь киргизы слышали впервые, видимо, во второй половине XVIII в. С середины XIX в. киргизский народ вступил в постоянные торговые и культурные сношения с Россией, что послужило объективной общественно-исторической предпосылкой распространения русского языка на территориях его расселения. Первая русская школа была открыта более 125 лет назад в Караколе. Уже перед Октябрьской революцией на территории сегодняшней Киргизии насчитывалось более 100 школ разных типов, в том числе русско-туземных, в которых обучались на русском языке 750—800 подростков. Правда, число киргизских детей, посещавших эти школы, было невелико, а доля едва превышала один процент от всей детской возрастной когорты.

К этому времени функционировали уже около двух десятков народных библиотек с книгами на русском языке. В Токмаке, Оше, Атбаши, Карабалте и других населенных пунктах работали вечерние курсы обучения языку. Известно обращение жителей Токмака (киргизов, дунган, узбеков) к главному инспектору народных училищ Туркестанского края, где говорилось: «...времена теперь изменились, мало обучать детей по-своему, явилась необходимость просвещать их русским познаниям и грамотности»¹.

Однако следует иметь в виду, что царская Россия преследовала цель, чтобы «все туземные языки стали перед русским языком в равномерное подчиненное положение». Это была официальная позиция по отношению к языкам других народов, которая претворялась в жизнь, например, следующим образом: «Евангелие на чувашском наречии, но русскими буквами...

¹ Орусбаев Абдыкадыр Орусбаевич, доктор филологических наук, декан гуманитарного факультета Киргизско-Российского (Славянского) университета, г. Бишкек (Киргизия).

вместе со сборником поучений должны быть единственными книгами на этом наречии, появление и распространение которых может быть желательным для русского правительства»². Лишь немногим из лиц коренной национальности в дореволюционной Киргизии удавалось получить доступ к чтению избранных страниц русской литературы. То были главным образом ученики русско-туземных школ.

Вопреки политике властей, эти школы сыграли положительную роль, хотя их учебные программы ограничивались рамками элементарных программ. Особая заслуга здесь принадлежит русским просвещенцам, народным учителям В. Е. Засухину, А. С. Лобанову, В. А. и Н. А. Диколенко, А. И. Сапожникову, А. И. Сергеевой, обучавшим киргизских детей русскому языку по книгам С. М. Граменицкого, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, И. С. Михеева.

Киргизия издавна была многонациональной; в ней, кроме автохтонного населения, проживали казахи, узбеки, уйгуры, татары, калмыки; со второй половины XIX в. — русские, украинцы, немцы, белорусы и др. В годы советской власти интенсивно развивается культура, поднимается общеобразовательный уровень народов. Одновременно в республике быстро возрастает роль русского языка как средства устного и письменного общения. Этому способствовали следующие факторы: 1) до и после Великой Отечественной войны идут на подъем экономические и гуманитарные связи с другими союзными республиками, происходит интеграция не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в культуре под девизом — «национальная по форме и социалистическая по содержанию»; 2) развитие науки и техники, расширение информационного пространства (республика — Советский Союз — зарубежные страны); 3) естественный прирост и увеличение численности населения за счёт притока русских и русскоязычных на предприятия горнорудной и угольной промышленности, гидроэнергетики; на строительные объекты; 4) подготовка специалистов для работы в образовании, науке и культуре. Более чем миллионное русскоязычное население (по данным переписи 1989 г.) было в годы «застоя» одной из определяющих общественных сил в развитии материальных и духовных ценностей социалистической Киргизии.

Потребность в русском языке постоянно ощущалась во всех областях хозяйственной, политической, научной и куль-

турной жизни того периода. Согласно нашим исследованиям, русский язык в годы пребывания у власти Л. И. Брежнева и М. С. Горбачева функционировал в 78 сферах и субсферах общественной жизни, в частности: официальная переписка с Центром и другими республиками; работа государственных институтов (на уровнях села, района, области и г. Фрунзе); судопроизводство; средства массовой информации (радио, телевидение) и печатного слова; образование, наука и техника, культура; промышленное производство; сельское хозяйство; транспорт, торговля; сервис и реклама; техническая документация и делопроизводство; межнациональное общение основной массы населения; религиозные ритуалы славян; деятельность культурно-просветительных учреждений³.

Необходимо отметить, что диалектные языки переселенцев из европейских и сибирских губерний России, обосновавшихся во второй половине XIX в. в Киргизии, были со временем утеряны. Студенческая диалектологическая практика факультета русской филологии Киргизского университета, проводившаяся в местах компактного проживания русских на Иссык-Куле, в Чуйской и Таласской долинах, а также в других регионах республики, в начале 1970-х гг. была прекращена из-за исчезновения искомого материала. Сегодняшнее поколение русских говорит на обиходно-повседневном языке без каких-либо существенных диалектных отклонений в произношении и лексико-грамматическом построении высказывания. По социолингвистическим наблюдениям, речь русских стоит ближе к среднерусским говорам, которые легли в основу литературного языка, хотя предки переселенцев были выходцами главным образом из мест, где господствовали говоры южнорусского наречия. Во всяком случае, особенности этого наречия (например, различные типы аканья, щелевой характер фонемы (г), флексии -ить, -оть, (-эть) в 3-м лице настоящего времени, флексия -е в родительном падеже существительных) в их речи уже не отмечаются.

На становление форм национального русского языка (НРЯ) в Киргизии и их функционирование в различных сферах жизни оказали основополагающее воздействие образование и культура, повсеместное распространение средств массовой информации, печатного слова, интерес широких слоев населения к чтению художественной и специальной литературы. К 1990 г. в республике было 1847 библиотек; на 100 жителей приходилось в среднем 588 книг и журналов⁴.

Для киргизов практическое овладение русским языком, использование его с целью выполнения интеллектуальных операций в своей профессиональной деятельности, общение на этом языке с представителями других народов стало естественной жизненной необходимостью. Киргизы прагматически и эмоционально довольно быстро осознали высокую функциональную нагрузку этого языка как «кладеза знаний». Способствовали этому не только их исторически «общежительный» менталитет, отсутствие в характере и мировосприятии ярко выраженных религиозных суеверий, националистических предубеждений, природное стремление к знаниям, но и хорошая постановка преподавания языка межнационального и мирового общения.

В период политической и государственной деятельности Н. С. Хрущева началось активное навязывание русского языка нерусским народам. В Киргизии сократили часы на изучение родного языка и литературы, а в русских школах эти учебные предметы были и вовсе упразднены. Однако значение и престиж русского языка не упали благодаря педагогическому мастерству учителей и деятельности ученых-методистов, школе киргизской русистики и известному далеко за пределами республики журналу «Русский язык и литература в киргизской школе» (ныне «Русский язык и литература в школах Кыргызстана»).

Последние годы горбачевской перестройки и первые годы ельцинской суверенизации советских республик оказались достаточно драматичными для русского языка, в том числе и в Киргизии. Рост национального самосознания, интерес к истокам этнической культуры, апелляция к исторической памяти, обретение подлинной государственности, которые сами по себе являются фактом исключительной важности, получили этноцентрическое ускорение с националистическим выхлопом. Недавние ревнители русского языка в унисон новоиспеченным демократам и люмпенпатриотам заголосили о кончине родного языка под гнетом «могучего русского». Эстафету подхватили «независимые» средства массовой информации. Наметилась тенденция к низведению русского языка в ранг... иностранного.

Однако должен заметить, что чисто языковых столкновений в обществе не бывает. Известный американский лингвист У. Вайнрайх в середине прошлого века писал: «Язык может внушать носителю чувство патриотизма, подобное националь-

ному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в “отстаивании”. В ответ на угрожающий сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой»⁵.

Именно такое или близкое ему языковое «движение», но, безусловно, крайне политизированное, имело место в жизни определенных слоев советского общества к концу перестройки и началу «повального увлечения языковыми законами» в «братских республиках» и во многих больших и малых национально-территориальных образованиях. Тут же появилось расхожее представление о глоттофагии («пожирание языка»), гибели этнических языков, наступлении эры культурной, в том числе лингвистической, ассимиляции. И первым виновником был объявлен русский язык и его носители. Так, в Киргизии тех, кто функционально пользовался этим «общежительным языком», воинствующие этноцентристы и некоторые новоиспеченные политики причисляли к неполноценной категории граждан, называя их «чала орус» — «недорусский» или «чала кыргыз» — «недокиргыз». Себя, естественно, относили к кыргызам — хранителям и защитникам этнического генофонда, а их — к киргизам, разрушителям этого пресловутого этнического признака.

Как показывают события, эти далеко не простые проблемы становятся для отдельных людей, политических группировок, движений своего рода «языковой картой», разыгрывая которую, они пробиваются к власти. Многие из занимавших большие должности в составе трех ветвей власти и частично предпринимательских структур вышли в «политическую элиту» и в «новые киргизы», используя национальную идею в гипертрофированном виде и стараясь создать в обществе такую атмосферу, при которой знание государственного языка считалось бы если не единственным, то чуть ли ни главным критерием отбора руководящих кадров. Ратуя за родной язык, призывая обучать соплеменников на родном языке, воспитывать их в духе нравственных воззрений великих предков, именно они своих детей отдавали в школы не с киргизским, а с английским и русским языками обучения. В то же самое время от этих людей раздавались горячие призывы защитить государственный язык от экспансии русского.

Не оставалась в долгу и другая, не менее патриотически настроенная сторона, которая считала себя лингвистически ущемленной. Ее можно понять — после стольких десятилетий доминирования во многих сферах жизни оказаться вдруг в положении равной среди равных. Не каждая диаспора смогла бы враз преодолеть этот психологический дискомфорт, даже если она является представителем великого народа, великой культуры, мощной державы.

Отсутствие в языковой политике, а следовательно, и языковом планировании идеологической основы привело к суевольному поиску «якоря спасения» И таковым оказался, как известно, Закон о государственном языке, в котором языки титульных наций были провозглашены государственными, что в принципе, конечно же, явилось правильным шагом. Но беда в том, что этим языкам директивно делегировались такие функции, выполнение которых нередко находилось и находится за пределами их лингвистических возможностей на данной стадии развития.

Не стала исключением и Киргизия. Как и во многих других многонациональных странах, возникшие здесь языковые конфликты, вслед за Л. Б. Никольским, я бы разложил на этнолингвистические, лингвопрагматические и лингвополитические⁶. Если в первых определяющей становится интегрирующая функция национального языка, а во вторых вперед выдвигается проблема языковых преград для достижения национальными меньшинствами социально-политического равноправия, то третьи характеризуются объективными этническими процессами, возникающими в результате использования языка общественными движениями и партиями как орудия политической борьбы.

Наблюдения за языковой жизнью постперестроечных лет позволяют заключить, что, во-первых, все три рода языковых столкновений не проявлялись изолированно, а зачастую пересекались или действовали комбинированно. Во-вторых, что очень важно для общественно-политической стабильности страны, эти конфликты на почве языка порой носили у нас весьма острый характер. Поясню это на примерах.

Этнолингвистические конфликты имели место в Киргизии:

а) когда киргизами были выдвинуты лозунги «*Тил тагдыры — эл тагдыры*» («Судьба языка — судьба народа»); «*Эне тилим — эне сүтүм*» («Родной язык — что молоко материнское»);

«Тилсиз дил болбойт» («Без языка нет и духовности»); «Манас — кыргыз элинин рухунун туу чокусу» («Манас — вершина киргизской духовности») и др.

б) когда некоторые статьи «Закона о государственном языке» вызвали у определенной части некиргизоязычного населения негативную реакцию (прежде всего статья 8, где говорилось: «Руководители и все другие работники органов государственной власти и всех остальных сфер жизни, в функции которых входит общение с гражданами, обязаны применять государственный язык в объеме, обеспечивающем выполнение своих служебных обязанностей»). Такую же неприязнь вызвала статья 17, где говорилось: «В трудовых коллективах, в своем большинстве состоящих из работников, не владеющих государственным языком, внутреннее делопроизводство может осуществляться наряду с государственным и на русском или другом приемлемом языке, с переходом на государственный язык по мере создания необходимых условий».

Лингвополитические конфликты имели место, когда в период освобождения от «оков имперского диктата Москвы» идеологи партий и движений, люди, чувствующие конъюнктуру текущего момента, использовали родной язык в своих сугубо политических целях как орудие борьбы за интересы этнической общности. Это открыло им путь «для ловли счастья и чинов» в иерархии власти, на предприятиях, в компаниях и других структурах государства и частного бизнеса. Во многом карьеристское использование 8-й и 17-й статей «Закона о государственном языке» привело к чрезмерной, нежелательной моноэтнизации центральных и местных органов управления, что сразу вызвало недовольство другой, иноязычной стороны киргизстанского общества. На практике свое понимание приверженности родному языку как духовному достоянию нации «лингвополитики» вложили в филистерскую акцию киргизации топонимов, усовершенствования современной терминологии путем изгнания из употребления международных терминов (вместо *поликлиника* — *бейтапкана*; вместо *радио* — *үн алгы*; вместо *шоссе* — *кан жол* и пр.).

Были подняты проблемы придания словам иноязычного происхождения национального звучания и написания. Безусловно, в каких-то случаях это необходимо, но не в ущерб норме и благозвучию. Подчеркну, что благодаря окружающему разноголосию наречий речевой аппарат киргизов стал доста-

точно гибким, способным воспроизводить большой спектр звуков. Поэтому было бы абсурдом заставлять артикулировать и писать вместо *Япония* — *Жапанья*; вместо *форма* — *бормо*; вместо *ярмарка* — *жармаңке*; вместо *база* — *бааса*; вместо *рация* — *ыратсыя* и пр. И такое «орфографирование» утвердило... правительство республики. Чем же дорога мне звучащая современная киргизская речь? Своей полифоничностью, которая создается благодаря сингармонизму, заимствованию и освоению специфических звуков из языков, контактирующих с киргизским.

Близко к лингвополитическим конфликтам стоят конфликты лингвопрагматические. Общественные движения под языковыми лозунгами, порождаемые корыстными мотивами политических группировок, создают барьеры для представителей других этносов, чтобы отеснить их от материальных и других благ. Примеров, иллюстрирующих этот род конфликтов, можно привести много — из языковой жизни Индии, Шри Ланки, Ирана, прибалтийских стран, автономных национально-территориальных образований России.

В Киргизии некоторые из среды «лингвопрагматиков», не считаясь с объективными и субъективными факторами языковой ситуации, торопились наделить киргизский язык «абсолютно монопольной функцией», чтобы во всех государственных институтах, в производственной сфере из уст киргиза и некиргиза звучала киргизская речь. Однако, к примеру, переход делопроизводства на государственный язык представляется весьма проблематичным. Этого не произойдет ни через год, ни через десять, ни через сотню лет, пока существует многонациональное государство с диаспорами, являющимися осколками крупных и сверхкрупных народов — узбеков, русских, татар, корейцев, украинцев, немцев, имеющих свою историческую родину за пределами Киргизии. Трудно представить, чтобы протоколы, отчеты, справки из школ, вузов, предприятий и учреждений, состоящих из интернациональных коллективов, писались на государственном языке. Для этого существует язык-макропосредник, использование которого в делопроизводстве оправдано во многих отношениях. Вполне разумным является также, в соответствии с конкретной ситуацией, применение в различных сферах как киргизского, так и русского языков.

Нам, киргизам, конечно, нужно направлять свои интеллектуальные способности на поднятие общественного прести-

жа киргизского языка, но без навязывания его иноязычным согражданам. Действенной пропагандой через историю, литературу, искусство, дидактику; инновационной работой в учебном, методическом и научном направлениях мы должны вызвать у них не только прагматический интерес (пригодится ли этот язык в моей жизни?), но и познавательный.

Такой подход в начале — середине 1990 гг. был далеко не популярен. Наблюдалась явная тенденция низвести коммуникативную и общественную значимость русского языка до уровня иностранного, и за этот счет повышать престиж и строить благополучие родного языка. Однако в массовом сознании киргизов и других народов, проживающих в республике, русский язык — не иностранный, не чужой; он исторически, духовно и эмоционально близок их родным языкам.

Считаю не лишним еще раз напомнить, что этнолингвистические, лингвополитические и лингвопрагматические конфликты в Киргизии носили весьма серьезный характер. И именно они стали основным двигателем кампании за придание киргизскому языку статуса государственного. Эти же конфликты побуждали русскоязычную часть (и не только) населения страны в лице фондов, ассоциаций, центров и других общественных объединений к акциям за придание русскому языку статуса официального.

Все названные выше разновидности языковых конфликтов в тех или иных своих комбинациях неизбежны в государствах с многонациональным населением. Их не надо бояться, но и оставлять без внимания было бы для общества крайне нежелательным. В лингвистических требованиях оппозиционных сторон всегда найдется по крайней мере одна или несколько позиций, по которым можно достичь компромиссных решений. Тому примером служит принятие в мае 2000 г. Закона «Об официальном языке Кыргызской Республики». Приведем некоторые выдержки из него.

Статья 1: «Официальным языком в Кыргызской Республике является русский язык».

Статья 2: «Официальный язык... находится под защитой государства».

Статья 4: «Указы и распоряжения Президента Кыргызской Республики издаются на двух языках: государственном и официальном». Отныне на двух языках пишутся все нормативные, официально-деловые письма, отчеты, сводки, проекты поста-

новлений; ведется судопроизводство, учебно-статистическая, финансовая и техническая документация в органах государственной власти, местных самоуправлениях, учреждениях и организациях; выполняются тексты штампов, печатей, бланков всех структур государственной власти и предприятий, находящихся в частной собственности.

Статья 10: «Языками ведения переговоров [международных. — А. О.] являются кыргызский, русский, английский языки, либо язык другой договаривающейся стороны (сторон). Международные договоры Кыргызской Республики заключаются на кыргызском, русском или английском языках и языке другой договаривающейся стороны (сторон)».

Статья 13. «Во всех школах различных типов, видов и форм собственности, а также государственных высших учебных заведениях официальный язык является обязательным учебным предметом и входит в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании».

Законом «Об официальном языке Кыргызской Республики» русский язык юридически защищён как средство международной и международной (мировой) коммуникации. В связи с этим его статус закреплён отдельной статьёй в Конституции страны.

В современных геополитических условиях, когда Киргизия, как и другие союзные республики, осталась в результате распада СССР один на один со сложным, порою враждебным миром, придание языку русского народа статуса официального для нашего этнически пестрого населения является не столько лингвистическим (в смысле коммуникативным), сколько политическим обретением. Однако данное событие никоим образом не грозит экспансией русского языка, не направлено на ущемление структурно-строевого и социального развития государственного, киргизского языка. Он пережил в своей исторической жизни такие катаклизмы, что со своими носителями мог исчезнуть уже давно, как многие другие языки. Он мог уйти в небытие на заре XX в., однако благодаря Октябрьской революции этого не произошло. Не произойдет и сегодня, и впредь в стране, которая обрела свою реальную государственность. Будут рано или поздно определены и запущены механизмы регулирования языковой ситуации, меры защиты государственного, официального и других языков, имеющих хождение в Киргизии.

Наделение русского языка статусом официального, решив проблему юридическую, оставило много других, связанных с практическим функционированием языка — носителя значительной доли важнейшей научно-технической, общественно-политической, учебной информации. В сфере образования не хватает учительских и преподавательских кадров, не говоря уже о том, что обучение русскому на всей территории страны поставлено крайне неудовлетворительно; в силу известных социально-экономических причин заметна тенденция к моноэтнизации традиционно многонациональных населенных пунктов.

Русский язык оптимально функционирует лишь в Бишкеке; в меньшей степени — в Токмаке, Карабалте, Канте, Караколе; минимально — в тех местностях, где до недавнего времени проживали русскоязычные. В функциональном владении этим языком нуждается в первую очередь киргизское сельское население, а его ни много ни мало 75–80% от общего числа киргизов. Кстати, киргизские айлы, и в советское время являясь хранителями национальной культуры, одновременно питали доброе отношение к русскому языку и поощряли своих детей в стремлении овладеть этим средством общения. Мне надолго запали в душу слова старого узгенца на одном из заседаний выездного Ученого совета Киргизского института образования (бывший КирНИИ педагогики), обращенные к школьникам: *«Тил билген сонун нерсе. Балдарым, эне тилин да, орустардын тилин да жакшы үйрөнүлө. Чөйрө кеңейет. Эл таныйсыңар, жер көрөсүңөр»* («Знать языки — это благо. Дети мои, научайтесь и родному языку, и языку русских. Вы тем самым кругозор расширите свой. С народами будете общаться, неведомые земли для себя откроете»).

В наше время речь основной массы русского и русскоязычного населения Киргизии представлена обиходно-повседневной формой; определенные слои общества владеют разговорно-литературной и кодифицированной (литературной) формами НРЯ.

Если говорить о дифференциальных признаках, НРЯ представлен с точки зрения формы — устным и письменным; характера реализации — частным (индивидуальным) и публичным, спонтанным и подготовленным; территориального распределения и количества носителей — ограниченным и неограниченным; нормы — единообразным и вариантным; стандарта — кодифицированным и некодифицированным.

Три формы существования НРЯ в употреблении русских и русскоязычных Киргизии отличаются друг от друга следующими свойствами:

1) **обиходно-повседневный язык** выделяется из двух остальных вариантов существования языка тем, что представлен устным по форме, спонтанным по характеру реализации, неограниченным по территориальному распределению и по числу носителей, вариантным по норме и некодифицированным по стандарту;

2) **разговорно-литературный язык** репрезентируется устным по форме; по реализации — частным (индивидуальным), а возможно, и публичным; в основном спонтанным, но бывает и подготовленным; по территориальному распределению — неограниченным; по количеству носителей — ограниченным, по норме — вариантным, по стандарту — некодифицированным, но иногда и кодифицированным;

3) **литературный язык** является устным и письменным; публичным (иногда частным); как правило, подготовленным, хотя, возможно, и спонтанным; неограниченным по территориальному распределению и по количеству носителей; единообразным по норме и кодифицированным по стандарту.

Придание русскому языку статуса официального обязывает возродить былой уровень русской филологии. Той школы русистики, которая создавалась в последние 60–70 лет в Киргизии и была хорошо известна далеко за её пределами, уже фактически не существует. Иных специалистов (практиков и теоретиков), которыми мы гордились, уж нет, а те, что подавали большие надежды — далече. Главная опора сейчас — те юноши и девушки, что обучаются на факультетах и отделениях русской филологии наших вузов. Мой осторожный оптимизм небезоснователен. Он основан на таких достижениях, как рост качества подготовки будущих русистов, специализация и дальнейшее повышение их квалификации через аспирантуру и докторантуру; возобновление стажировок в известные научные и педагогические центры России; открытие Специальных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по собственно научным и научно-методическим проблемам русской филологии.

Киргизстанская русистика возродится и обретёт силу, если учёные-лингвисты и специалисты в сопредельных областях определяют теоретические и прикладные приоритеты, которые

актуальны в нашем этнокультурном пространстве и вызовут научный интерес за рубежом.

В теоретическом аспекте необходимо продолжить и углубить изучение фонетических, морфологических, синтаксических и лексических закономерностей русского языка в контрастивном (сопоставительно-типологическом), экспериментальном (прежде всего фонетические и лексические явления в речи моно-, би- и мультилингвов), когнитивном описаниях. С этих же позиций, т. е. методами контрастивного, экспериментального и когнитивного анализа, нужно изучить проблемные вопросы фразеологии и дериватологии (учение о словообразовании).

В теоретико-прикладном аспекте стоит задача осветить современную языковую ситуацию в Киргизии; изучить основные типы носителей русского языка (моно-, би- и мультилингвы) в контексте их принадлежности к той или иной лингвистической общности; дать объяснение языковым барьерам, языковому поведению, языковой компетенции, культуре русской речи русских и нерусских; исследовать социальную детерминацию языковых контактов; вариации форм существования национального русского языка и их применение в различных сферах жизни киргизстанцев; подвергнуть социолингвистическому анализу языковую политику и языковое планирование с последующими рекомендациями для государственных органов, учреждений образования, науки и культуры; начать изучение таких проблем, как язык учебных заведений (детский сад, школа, лицей, техникум, высшая школа), функционирование русского языка как средства межнационального общения.

В научно-методическом аспекте необходимо творчески использовать лучшие достижения методики преподавания русского языка в киргизской школе 1970–1980-х гг. при перестройке обучения в коммуникативном направлении, когда «язык изучается для общения и в процессе общения»⁷, когда осуществляется принцип «от значения к форме», от единства мысли к эквивалентным конструкциям языкового выражения; внедрять результаты контрастивной типологии русского и киргизского языков в учебные программы, учебники и пособия, в практику преподавания; развивать лексикографию и фразеологию, разрабатывая двуязычные толковые словари.

Решать эти научные и методические задачи крайне желательно в сотрудничестве с российскими и казахстанскими кол-

легами, поскольку наши страны (и СНГ в целом) после долгих «идейных шатаний», похоже, серьёзно намерены идти по пути интеграции в единое пространство не только в области экономики, политики, в военном деле, но и в таких гуманитарных сферах, как образование, наука и культура.

Таким образом, языковая ситуация в Киргизии вполне удовлетворяет сейчас коммуникативные интересы ее граждан. Судьба русского языка в нашей стране может считаться позитивным примером того, как нужно обустраивать «языковое хозяйство» в условиях многонационального государства. Хотя у нас и нет концептуально разработанной языковой политики и языкового планирования⁸, но реализуются демократические идеи — свободного развития, функционирования и использования языков; возможно более полного удовлетворения коммуникативных потребностей народов (киргизы, русские, узбеки) и этнических меньшинств (дунгане, азербайджанцы, казахи, уйгуры, татары, украинцы, корейцы и др.); всяческой поддержки и поощрения граждан республики в желании овладеть киргизским, русским, английским, китайским, немецким, персидским, турецким и другими языками (среди учащейся молодежи довольно успешно развивается многоязычие, например, киргизско-русско-английский, киргизско-русско-китайский и другие типы мультILINGВИЗМА); строгого запрета на любую дискриминацию языков, независимо от их статуса и функциональной нагрузки. В отношении русского языка в Законе сказано, что «любое препятствие употреблению официального языка в сферах использования и функционирования... влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики».

Не язык, а сложные социально-экономические условия вынуждают сейчас людей покидать пределы Киргизии. Со дня независимости (1991 г.) выехали более 300 тыс. этнических русских и 200 тыс. русскоязычных, из них киргизов — около 80 тыс. Безработица, безденежье, взлёт цен на продукты питания и одежду, социальная незащищенность, падение морали — вот причины переселения в Россию киргизстанских граждан. Социолингвистические наблюдения, пилотажные опросы показывают, что мотивы эмиграции более, чем на 90% связаны именно с экономическими, а не лингвистическими проблемами.

В идеале наши люди и, в первую очередь, дети наши должны быть не только билингвами, но и преимущественно мульт-

тилингвами. Владеть своим родным, русским, английским и другими мировыми языками, чтобы иметь широкое коммуникативное пространство для экономических, научных, политических и культурных связей. Вот на что следует настраивать общественность и молодое поколение страны. И поскольку Россия — наш стратегический партнер, о чем заявляют и здесь, и там, то с нашей стороны следует создать русскому языку «режим наибольшего благоприятствования». Это вовсе не значит, что я защищаю его (хотя лично для меня он второй родной) и уничтожаю свой, киргизский. Русский язык абсолютно не нуждается ни в моей, ни в чьей-либо другой опеке и защите. Но я твердо знаю, что он в первую очередь необходим нам, народу малочисленному, небольшой суверенной стране, блуждающей в противоречивом, сложном, динамичном мировом сообществе со своими экономическими и другими проектами и приоритетами. Необходимо, чтобы полноценно использовать функциональный потенциал этого языка для установления взаимопонимания и сотрудничества с Россией и народами всего евразийского пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный Государственный архив Киргизской ССР. Ф. 47, д. 3055, лл. 90–91.
- ² *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. М., 1979. С. 30.
- ³ *Орусбаев А.* Языковая жизнь Киргизии. Фрунзе, 1990. С. 182.
- ⁴ Кыргызстан в цифрах. 1990 год. Краткий статистический сборник Госкомстата Республики Кыргызстан. Бишкек, 1991. С. 30.
- ⁵ *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1972. С. 57.
- ⁶ *Никольский Л. Б.* Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986. С. 73–92.
- ⁷ Актуальные проблемы современной русистики. Л., 1991. С. 5–68.
- ⁸ *Швейцер А. Д., Никольский Л. Б.* Введение в социалингвистику. М., 1978. С. 116–147, 254–266; *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. М., 1977. С. 214–216; *Белл Роджер Т.* Социалингвистика. Под ред. А. Д. Швейцера. М., 1980. С. 175–209.

ДИАСПОРЫ

ДИАСПОРА
КАК
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ПРОБЛЕМА

ДИАСПОРЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Габриэль Шеффер

I. Противоречивые тенденции в подходах к диаспоре

До начала 1980-х гг. ученые и политические деятели в большинстве своем либо игнорировали, либо недооценивали значимость феномена диаспоры и всего того, что с ним связано. Политики националистических или правых взглядов рассчитывали, что государства окажутся достаточно сильными для того, чтобы держать под контролем все этнические группы, включая диаспоры, и свести к минимуму возможный ущерб, который их члены способны причинить принимающим обществам и их институтам. Прогнозы и рецепты таких исследователей и политиков, предрекавшие полную маргинализацию диаспорных сообществ, оказались несостоятельными. Скорее наоборот, за последние десятилетия диаспоры, разрастаясь численно, стали более жизнеспособными, заметными и активными. Начало нового века отмечено во многих странах приема нарастанием враждебности против иммигрантов и членов диаспор, возрождением расистских и националистических идей.

Находящиеся на другом конце спектра левые ученые и политики также предполагали, что диаспоры — временное явление. Исходили из того, что, подобно другим этническим меньшинствам, возможность существования диаспор зависит в решающей степени от экономической ситуации в принимающих странах. Отсюда, по мере усиления абсолютного и относительного обнищания этих сообществ, они будут сменять друг друга или вообще исчезать. Следуя той же логике, сторонники подобных взглядов утверждали также, что улучшение экономических условий либо триумф классовой борьбы смогут смягчить многие трудности существования диаспор и дадут толчок их ассимиляции или интеграции, а в конечном итоге — опять же исчезновению.

Габриэль Шеффер, профессор факультета политических наук Иерусалимского университета (Израиль).

Наконец, по мнению либералов, торжество гражданских свобод и равенство социальных, политических и экономических прав всех членов общества скорее облегчит интеграцию, нежели ассимиляцию членов диаспор, и последние в конце концов также сойдут со сцены.

Последние годы XX столетия и начало нового века, однако, принесли с собой очевидную активизацию фактора этничности и, соответственно, повышение социально-политической, культурной и экономической роли этнических групп и этнонациональных диаспор в жизни современных обществ. К концу ушедшего века главенствующий ранее скептицизм в отношении будущего этнических групп и в особенности диаспор уступил место иным взглядам. Проницательные наблюдатели осознали, что, подобно другим проявлениям этничности, диаспоры — отнюдь не мимолетный феномен, как утверждали марксисты, либералы, националисты, модернисты и сторонники ассимиляторского подхода. Диаспоры останутся живым и активно функционирующим организмом, гораздо глубже включенным в социальные структуры локального, регионального и транснационального уровней, чем можно было ожидать. Короче говоря, при внимательном взгляде оказалось, что способность диаспор оказывать влияние на ход событий в культурной, экономической, социальной и, главное, политической жизни постоянно возрастает и будет возрастать и впредь.

Все сказанное обусловило рост интереса политиков, чиновников и ученых к феномену этничности вообще и диаспоральности, в частности. Судя по всему, ни правые, ни левые уже не трактуют этнонациональные диаспоры как нечто эфемерное и посему не заслуживающее внимания или детального изучения. Более того, растет осознание того, что мы имеем дело с очень сложным феноменом, причем его различные проявления имеют между собой много схожих черт.

Смена подходов ознаменовалась, в частности, тем, что термин «диаспора» уже не рассматривают как синоним еврейского рассеяния (изгнания) и, соответственно, порожденных им еврейских общин в разных частях света, которые принято было считать, *sue generis*, маргинальными и — вследствие Холокоста, ассимиляции и апатии евреев диаспоры — исчезающими. Сейчас уже общепризнанно, что подобный взгляд, отраженный в большинстве энциклопедий, словарей и иных публикаций, существенно сузил концептуальные рамки диа-

споральных исследований. В то же время, как нам представляется, теоретики диаспор проявляют сейчас большую готовность заниматься изучением их разнообразных типов, проводя параллели с еврейским рассеянием.

Описанные концептуальные сдвиги были вызваны не только тем, что на Западе стали по-иному относиться к феномену культурного, социального и политического разнообразия, но и реальными изменениями в жизни диаспорных сообществ, подлежащими количественной оценке. Речь идет о последствиях недавних значительных волн легальной и нелегальной иммиграции в развитые части мира (в первую очередь в Европейский Союз), что было спровоцировано, с одной стороны, условиями жизни в странах исхода, а с другой — постоянной потребностью принимающих государств в дешевой рабочей силе.

Большие массы мигрантов оседают в первой или второй стране из тех, куда они въехали, а затем и создают диаспоры. Выживанию «старожильческих» сообществ (*veteran communities*), формированию новых диаспор и пробуждению «дремлющих» (*dormant*) помогает ряд факторов. Среди них — более позитивное отношение населения западных стран к культурному и политическому плюрализму; неспособность их правительств и реакционных социально-политических движений помешать созреванию новых диаспор, сохранению старых и выходу на свет «скрытых»; наконец, энергичные действия лидеров диаспорных сообществ. И все же необходимо еще раз подчеркнуть, что общая тенденция к большей сдержанности со стороны принимающих стран и возросшая активность самих диаспор не остались без внимания их противников: резко усилилось неприятие стремящихся закрепиться на новом месте иммигрантов и различных форм их жизнедеятельности. Отсюда недавние политические успехи экстремистских и умеренных партий расистского, националистического и правого толка.

Современное положение этнонациональных диаспор определяется также новациями, принесенными окончанием холодной войны; ростом интернационализации мировой экономики и территориальной подвижности населения. В этих условиях стали возможными добровольное возвращение на родину евреев, этнических немцев и понтийских греков, наряду с принудительной репатриацией представителей таких этнических групп, как египетские арабы (из Ирака); жителей Йемена (из Саудовской Аравии) и палестинцев (из Кувейта).

К репатриации своих бывших сограждан и соплеменников, но уже несколько иного типа, прибегли Греция, Израиль, Ирландия, Китай, Индия и Пакистан: стремясь смягчить последствия утечки мозгов и внутриэкономических трудностей, они призвали преуспевающих членов своих диаспор вернуться на родину или хотя бы помочь ей трудом и капиталами.

Результирующей всех описанных разнонаправленных тенденций в миграции и расселении не стало резкое уменьшение числа старых и сравнительно «молодых» диаспор и тем более их исчезновение, даже если принять во внимание ассимиляцию и апатию части членов диаспорных сообществ. Напротив, преданность «коллективу» растет; самих диаспор все больше, их ряды все шире, равно как и сфера интересов; их деятельность все более разнообразна и развивается в рамках четко определенной стратегии; они все активнее участвуют в политике на страновом, региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, какой бы тип диаспор мы ни изучали: «бездомные», не имеющие «своего» государства, подобно курдам, палестинцам и цыганам, или — наиболее распространенный случай — чувствующие за спиной его незримое присутствие (отсюда термин «этнонациональные диаспоры», используемый в данной статье); с глубокими историческими корнями (армяне, евреи и китайцы) или более «молодые» (греки, поляки и турки); зарождающиеся, как у корейцев, филиппинцев и русских в бывших советских республиках, или «дремлющие» (американцы в Европе и Азии и скандинавы в США); рассеянные или живущие компактно — совершенно очевидно, что сам феномен почти всюду становится все более значимым.

II. Диаспоральные исследования: достижения и новые задачи

Хотя с недавнего времени ученые стали заметно больше интересоваться проблемами диаспор, достижений на этом пути еще немного. По общему мнению, нужны более действенные усилия, поскольку в условиях «нового мирового порядка» (или, скорее, беспорядка) диаспоры быстро набирают в весе как агенты влияния и расширяют масштабы своей деятельности, что в какой-то мере является отражением межэтнической напряженности, нередко выливающейся в конфликты. Исследователям, которые хотели бы пролить свет на потаенные

стороны диаспоральной жизни, следует рассматривать эти сообщества как экстремальное проявление более широкого феномена этничности. Дело в том, что за исключением очень немногих, большинство диаспор продолжают существовать в условиях более суровых, чем другие этнические меньшинства. Следовательно, их скрупулезное изучение может помочь прояснению более общих остродискуссионных вопросов. Например, какова природа этничности: это категория «воображаемая», т. е. «придуманная» (по Б. Андерсону¹), или она органично присуща человеку? Насколько правомерны примордиалистский и инструменталистский подходы к этнической идентичности² и, наконец, является ли этническая составляющая неотъемлемой чертой большинства государств?³

От будущих исследований мы ожидаем прорывов и на следующих направлениях: 1) стратегии диаспор при выстраивании их отношений с родиной, принимающим обществом, другими этнически родственными группами, с международными неправительственными и межправительственными организациями; 2) истоки и характер проявления лояльности диаспор к стране приема и стране исхода; 3) их отношения с политическими акторами глобального и международного уровня.

Так или иначе, после выхода в свет в 1986 г. коллективной монографии под моей редакцией («Modern Diasporas in International Politics»), в которой мы ставили своей целью инициировать комплексное изучение диаспор в рамках особого научного направления⁴ — такое направление действительно оформилось. Общеизвестной стала идея о том, что этнонациональные диаспоры далеки от исчезновения и являются весьма влиятельными фигурами в политике и социальной жизни. Состоялось несколько конференций и семинаров; с 1991 г. начал выходить специализированный канадско-американский научный журнал «Diaspora»; с 1999 г. независимый научный журнал под названием «Диаспоры» выходит в России; по всему миру были опубликованы многочисленные статьи и ряд монографий⁵.

И все же, хотя сейчас очень немногие решаются отрицать то обстоятельство, что диаспоры, как и другие проявления этнического, все активнее влияют на ситуацию в местах своего проживания, а также выходят на региональный и международный уровень принятия решений во всех частях планеты, в наших знаниях об этих сообществах еще много белых пятен. Изучение имеющейся литературы говорит о том, что одно из таких

пятен — политические аспекты функционирования диаспор, в частности, создаваемые ими трансгосударственные сети и системы коммуникаций, которые пересекают границы отпускающих и принимающих обществ, а также политический вес и политические лояльности диаспоральных коллективов. Статья является попыткой теоретического и компаративистского анализа отмеченных сторон диаспоральной жизни.

III. Диаспоры как трансграничные сети коммуникаций

В широком смысле, подобные сети — это разнообразные контакты и связи, устанавливаемые социальными группами, политическими структурами и экономическими институтами поверх государственных границ. Так рождаются и закрепляются в сознании интересы, симпатии и формы идентичности, которые плохо стыкуются или даже иногда конфликтуют с симпатиями, традиционно испытываемыми гражданами по отношению к государству постоянного проживания.

Хочу специально подчеркнуть, что способность к созданию трансграничных сетей проистекает из сущности этнонациональных диаспор, а структура этих систем связей весьма сложна и запутанна в силу территориальной раздробленности многих этнических групп; многообразия обменов, осуществляемых ими на различных социальных и политических уровнях; необходимости контактировать с родиной, принимающим обществом, родственными общинами в других странах и иными заинтересованными сторонами.

В приложении к диаспорам трансгосударственные контакты изучены очень слабо. Это не удивительно — до настоящего времени в рамках данной тематики основное внимание уделялось экономическим сетям. В частности, богатая литература посвящена деятельности ТНК; есть соответствующие работы о некоторых международных организациях, например, ООН и подведомственных ей структурах (МОТ и ЮНЕСКО). Недавно, с учетом растущей тенденции к образованию региональных центров влияния, ученые обратили внимание на системы связей, создаваемые региональными организациями — ЕС, АСЕАН, НАФТА и др. Несмотря на огромные ожидания, что эти организации будут процветать и сформируют устойчивые

и согласованно работающие трансграничные социальные и политические системы, все еще не ясно, насколько эти ожидания смогут материализоваться. Этнонациональные диаспоры, напротив, гораздо больше преуспели в создании трансграничных сетей обменов и контактов, причем напоминая слаженно функционирующие политические организмы.

Тут будет уместным пояснить, почему в данном контексте я предпочитаю не привычный термин «транснациональный», а «трансгосударственный» (*transstate*). Причина проста — различные диаспорные коллективы, которые связаны «сетью поверх барьеров», обычно состоят из людей одного этнического происхождения. Получается, что сети преодолевают границы государств, но не наций.

Как отмечалось выше, конец 1980-х гг. ознаменовался ростом академического интереса к этническим и религиозным группам, при этом особое внимание уделялось внутривнутриполитическим последствиям этнического плюрализма в условиях западных демократий и в бывшем СССР. Кроме того, изучалась государственная политика в отношении этнических меньшинств в третьем мире, а также особенности интеграции таких групп в социально-политические системы развитых стран. В рамках очерченного тематического поля, ученые занимались проблемами урегулирования внутренних конфликтов с участием этнических меньшинств. Однако трансграничные сети взаимосвязей, основанные на этнической солидарности и помогающие «подпитывать» нужные идентичности, «лепить» нужные лояльности, контролировать политические и экономические ресурсы и оказывать влияние на родины и принимающие страны, так и не вошли в число исследовательских приоритетов.

Назовем два важнейших проявления трансгосударственной активности диаспор: 1) поддержка ирредентистски настроенных этнических групп, а иногда и аналогичных популистских движений на родине⁶; 2) тесные связи диаспор с движениями типа пантюркизма, панисламизма и пр.⁷

Как известно, под ирредентизмом понимается стремление этносов или целых государств к объединению разрозненных и проживающих в соседних странах частей одного народа в единый политический организм. Известный исторический пример — македонцы⁸. Стоит упомянуть также непрекращающуюся борьбу иракских и турецких курдов за отделение и образование независимого государства. Тропическая Африка

тоже демонстрирует образцы ирредентизма, порождающие напряженность и конфликты то в одной, то в другой части континента⁹.

Возможно, самой непроясненной и сложной для исследования является проблема участия в политике тех диаспор, которые связаны тесными узами с мировыми церквями, религиозными сектами и вышеупомянутыми объединительными движениями. Красноречивый пример — стремление Ватикана и «Полонии» (организация американских поляков) повлиять на ход событий в Польше накануне распада СССР. Они действовали одновременно на трех направлениях: поддерживали «Солидарность»; уговаривали коммунистическое правительство отнестись к последней более терпимо; наконец, убеждали Р. Рейгана отменить экономические, технологические и информационные санкции против Польши.

Собрано уже множество свидетельств международной активности идеологических и культурных движений, таких как коммунистические партии старой генерации, Социалистический Интернационал или организации либеральной окраски. Однако деятельность этих и подобных им структур нужно четко отличать от того, как играют на политической сцене этнонациональные диаспоры.

Опирируя в рамках созданных ими трансграничных сетей связи и поддержки, диаспоры прибегают как к традиционным, так и новейшим средствам коммуникации: обычной и электронной почте, телефону, газетам, радио, телевидению, Интернету и т. д.¹⁰ Через эти каналы происходит обмен культурными, политическими и экономическими ресурсами и разнообразной информацией — для помощи родине или, наоборот, противодействия неудобным режимам и правительствам в стране прежнего проживания. Богатые диаспоры используют те же каналы для поддержки менее благополучных общин.

Как известно, практически невозможно остановить или полностью контролировать миграционные потоки. То же самое относится и к потокам ресурсов и информации, идущих по трансгосударственным сетям, созданным диаспорами. Неспособность властей в странах приема и исхода подчинить себе эти потоки может вызывать напряженность и подозрения в отсутствии лояльности, которые, в свою очередь, иногда становятся причиной политической и дипломатической конфронтации между диаспорами и их роинами, с одной стороны, и

принимающими государствами, с другой. Один из хорошо известных случаев такого рода — кубинская диаспора в США и ее сложные отношения с режимом Кастро.

IV. Формы жизнедеятельности этнонациональных диаспор

Несмотря на рост размеров диаспор, как «старых», так и находящихся в стадии становления, они остаются в численном меньшинстве в тех странах, куда их принесли многочисленные волны добровольной или вынужденной миграции. Члены диаспорных сообществ поддерживают эмоциональные, интеллектуальные и экономические связи со своими родинami.

Существующий сейчас набор диаспор состоит из многих «хронологических слоев»: среди них есть те, что сформировались еще в период античности, в средние века и в новое и новейшее время (особенно в XIX и XX вв.); порожденные недавними потоками трудовой миграции в Северную и Южную Америку, Европу и ряд территорий Ближнего Востока; кроме того, некоторые «диаспоры» еще только становятся таковыми. Это, например, испаноязычные в США; выходцы из Пакистана и корейцы в странах Персидского залива; турки, марокканцы и алжирцы в Западной Европе; русские в бывших республиках СССР и за его пределами; израильяне в США и Канаде.

Как уже указывалось выше, диаспорам не грозит исчезновение. Наоборот, весьма вероятно, что в условиях глобализации в различных государствах начнут возникать новые пришлые сообщества, а численность старых будет увеличиваться. Соответственно, следует ожидать укрепления диаспоральных организаций и трансграничных сетей поддержки. К тому же все большая политизированность лидеров и рядовых членов диаспор (из-за роста их численности, потребности в их услугах и изменения отношения к ним в некоторых принимающих странах) будет способствовать более активному участию диаспор в культурной, экономической и политической жизни принявших их обществ. Зарождающиеся диаспоры при этом нередко развивают не менее бурную деятельность, чем «старые», обретшие законченный вид в период мощных миграций конца XIX — начала XX в.

Более того, отмечается и такое явление: группы, утрачивающие этническую идентичность и склонность к консолидиро-

ванным выступлениям, постепенно «оживают», восстанавливают сети поддержки и влияния внутри страны и «поверх границ». Яркий пример — недавнее «пробуждение» польской диаспоры в США, которая начала проявлять все более живой интерес к своей исторической родине, прежде всего под электризирующим воздействием визита Папы Римского в Америку и успехов «Солидарности». Свою роль сыграли экономические трудности в Польше до и после распада Восточного блока и последующая демократизация страны. Диаспора восстановила работу своих организаций, пребывавших в упадке, упрочила прежние и завязала новые контакты на внутреннем и международном уровнях¹¹.

Похожим образом, многие члены ирландской общины в США начали поддерживать Ирландскую республиканскую армию; греки, проживающие в Австралии и Америке, стали проявлять большую заинтересованность в судьбе родины¹², а афро-американцы — в событиях, происходящих на африканском континенте. Наряду с другими формами «участия», диаспоры активнее включились в процесс принятия внешнеполитических решений в принимающих странах и занялись экспортированием «домой» демократических ценностей¹³.

Диаспорные группы стали интенсивнее контактировать с третьими странами и международными организациями, от которых в какой-то мере зависит ситуация на родине и в стране пребывания. Так, в начале 1990-х гг. американские евреи выступили в США с рядом политических инициатив против Сирии, препятствовавшей выезду евреев в Израиль. В середине 1990-х гг. диаспора предприняла ряд энергичных политических и дипломатических шагов, стремясь поддержать евреев, остающихся в Йемене.

В итоге, несмотря на все трудности и неблагоприятные обстоятельства, и «старые», и более «молодые» диаспоры во всех частях света — китайцы в Юго-Восточной Азии, индийцы в Южной и Восточной Африке, выходцы из Ливана и палестинцы в США и Латинской Америке и многие другие сумели сохранить свою этнокультурную идентичность. Хотя обычно подобная «работа» является делом индивидов, семей и малых коллективов, организации диаспоры тоже несли эту многотрудную ношу, укрепляя групповые ценности и препятствуя размыванию границ сообщества. Во многих случаях они добивались успеха, поэтому удавалось в какой-то мере блокировать ассимиляторские тенденции и охлаждение отношений с родиной.

Благодаря устойчивости одних диаспор и способности к возрождению — других, многие сообщества сейчас активно борются за предоставление им равных прав с коренным населением стран приема, одновременно все чаще выступая полпредами родины в политической и экономической сфере. Нередки и ситуации иного рода, когда в периоды лишений и конфликтов члены диаспор, страдающие от несправедливостей принимающего общества, пытаются повлиять на правительства «своих» стран, манипулируют ими, стремясь заручиться их поддержкой. С аналогичными целями восстанавливаются старые трансграничные связи и выстраиваются новые сети коммуникаций. В частности, именно таким образом действовала индийская община Уганды в начале 1980-х гг.

Добавим, что, пользуясь своей организованностью и решительностью, диаспоры могут стать заметными игроками как во внутренней, так и внешней политике стран своего пребывания. В первую очередь это относится к государствам с небольшим населением и достаточно крупными диаспорами. Тут уместно вспомнить палестинцев в Иордании (после ближневосточной войны 1948 г.) и в Ливане (перед войной 1982 г.).

В целом, до конца 1990-х гг. диаспоры существовали относительно комфортно в странах Запада, с их культурным плюрализмом и развитой демократической традицией. Поэтому, несмотря на имеющиеся глубокие причины их нежелания интегрировать мигрантов, особенно заметные по отношению к иностранным рабочим (в Великобритании, Франции, Швейцарии, Германии, Швеции, Дании и Голландии), пришлое население стало неотъемлемой частью этнополитического пейзажа развитой части мира.

V. Динамика развития диаспор: от иммигрантской общины к надстрановому объединению

Завершив первоначальный период обустройства на новом месте и адаптации к непривычным культурным, социально-экономическим и политическим условиям, зарождающаяся диаспора начинает накапливать ресурсы и готовить своих членов к политическому действию — на внутреннем и международном уровнях. Этот путь диаспоры проходят и в Северной Америке, и в Европе, и на Ближнем Востоке. Так, например, из-за относительно мощных миграций на некоторые террито-

рии, включая страны Персидского залива и Аравийского полуострова, бурно развивавшиеся в 1970-е гг. и в начале 1980-х гг., в ряде государств региона образовались новые диаспоры.

Несмотря на постоянные попытки властей помешать закреплению мигрантов на новом месте жительства и их политическим контактам с родинami, новые диаспоральные образования успешно устанавливали и поддерживали такие контакты на всех уровнях и с использованием всех возможных средств коммуникации, начиная от писем до регулярных поездок «домой». Особо значимой формой помощи родине, прежде всего наиболее бедным странам, стал регулярный перевод туда денег, заработанных мигрантами. Масштабы таких трансфертов поражают воображение¹⁴.

Кроме борьбы за право поддерживать связи с родиной, диаспоры также заняты постоянным противодействием явным и неявным попыткам принимающих обществ и их правительств ассимилировать мигрантов. Большие сложности возникали у членов диаспор (в какой-то мере они сохранились до сих пор) при их желании вернуться на родину или сменить страну пребывания. Так, проблема свободного выезда из СССР евреев, немцев и понтийских греков стала причиной серьезных политических и дипломатических трений между заинтересованными сторонами. Борьба за право «русских евреев» эмигрировать приобрела интернациональный характер, затронув не только СССР и Израиль, но и власти США, Австрии и Великобритании, а также различные еврейские и нееврейские неправительственные организации. Аналогичная ситуация, как уже упоминалось, возникла ранее вокруг сирийских и йеменских евреев.

Хотя статья посвящена политическим аспектам феномена диаспоральности, необходимо отметить, что создаваемые диаспорами трансграничные сети служат и для удовлетворения их культурных, языковых и образовательных потребностей. С этой целью работают специальные организации, которые есть и у «старых» диаспор (в частности, еврейской, греческой, индийской, китайской и армянской), и у зарождающихся. Например, одной из неотложных задач турецких общин в Германии и Швеции стало обеспечение доступа молодежи к образованию на родном языке. В разных странах были приняты различные решения, но не удалось избежать политических трений, для смягчения которых понадобилось вмешательство правительства Турции.

Проблема адаптации иммигрантских сообществ к новым условиям затруднена еще и тем, что некоторые из них скреплены не только этнической, но и религиозной солидарностью, отличающейся высокой «пластичностью». Таковы, в частности, крупные сегменты еврейской, турецкой, марокканской и палестинской диаспор. Однако под влиянием внутренних процессов секуляризации и того обстоятельства, что религия нередко подчинена достижению этнических интересов группы, именно этнические различия обычно становятся главным маркером, отделяющим диаспоры как от коренного населения стран приема, так и от других проживающих там меньшинств. Так, религиозный фактор играет незначительную роль в жизни китайских, индийских общин и афро-американцев, но очень важен для палестинцев в арабском мире, для мусульман, родившихся в различных странах, а также ортодоксальных и ультра-ортодоксальных евреев. В целом, религия является неотъемлемым (хотя и разным по значимости) компонентом коллективной и индивидуальной идентичности членов диаспор, добавляет новые оттенки в их идеологическую, культурную и эмоциональную сплоченность и усиливает таким образом чувство близости с родиной и другими общинами соплеменников.

Некоторые аспекты жизнедеятельности диаспор внутри принимающих стран — социокультурная адаптация, политическая и экономическая интеграция и порождаемые ею конфликты; попытки воздействовать на внешнюю политику этих стран — были подробно освещены в исследованиях, посвященных отдельным диаспорам. Однако трансграничная активность диаспорных групп, нередко сосредоточенная в «серых зонах» международных отношений, в недоступных постороннему взгляду секторах политической жизни стран приема и исхода, а также «третьих» стран, почти не анализировалась в работах, посвященных этничности и диаспорам. Слабая изученность данных проблем проявляется в том, что они затрагивались лишь в нескольких солидных работах¹⁵. Причем даже в них внимание уделено не трансгосударственной деятельности диаспор, а их попыткам повлиять на внешнюю политику стран приема. Другими словами, в упомянутых работах нет достаточного эмпирического материала, касающегося трех, а иногда даже четырехсторонних трансграничных систем связей (диаспоры, их родины, принимающие общества и иные стороны), а также убедительной концептуализации этого материа-

ла. Чтобы облегчить работу исследователей, я попытаюсь дать детализированную сводку признаков, характерных для большинства существующих ныне этнонациональных диаспор.

VI. Что такое диаспора?

В науке проблемы пересмотра существующих определений возникают в ситуации, когда новое тематическое направление нуждается в дальнейшем развитии. Именно на такой стадии изучения диаспор мы сейчас находимся: ранее предложенные дефиниции являются слишком узкими, особенно если учитывать политический аспект функционирования этих сообществ, и не дают возможности проводить сравнительный анализ. Более того, жизнь современных диаспор гораздо сложнее и многограннее, чем тех, что стали базой для имеющихся теоретических построений¹⁶. В первую очередь это касается определений, родившихся в ходе изучения исторических диаспор в пестрых по этническому составу империях. Имеются в виду, например, идеи Дж. Армстронга, который предложил различать «мобилизованные» (*mobilized*) и «пролетарские» (*proletarian*) диаспоры¹⁷, используя в качестве критерия разграничения причины выезда с родины и социально-экономические характеристики переселенцев.

Некоторые из существующих диаспор, действительно, могут называться «пролетарскими» в том смысле, что их члены были вынуждены эмигрировать из-за тяжелых экономических условий и/или в странах вселения они оказались жертвами дискриминации и нищеты. Как правило, речь идет об иностранных рабочих (*guest workers*), которым не удается улучшить свое положение, особенно на ранних стадиях консолидации. На самом же деле почти все диаспоры, включая и те, что вначале формировались как «пролетарские», представляют собой сплоченные этнические образования, независимо от того, были ли их члены юридически, экономически и политически бесправными на родине (а затем и в странах приема), либо относительно обеспеченными. На начальных стадиях развития таких диаспор их главное преимущество состоит в том, что они извлекают выгоду из культурных контактов с родиной и при случае могут полагаться на ее политическую поддержку.

Однако обычно «пролетарские» сообщества быстро самоорганизуются и утверждают в качестве диаспоры; некоторые

мигранты становятся все более преуспевающими, накапливают богатства, а затем и вся община, уже располагая определенными финансовыми возможностями, активно мобилизует ресурсы и своих членов для поддержания коллективной идентичности и защиты своих интересов на родине и в стране вселения. Подобная мобилизация неотделима от создания трансграничных сетей поддержки, и оба процесса нередко совпадают по времени. Нет нужды повторять, насколько важна эта деятельность для самосохранения и развития диаспорных сообществ.

Стандартные определения диаспоры нуждаются в пересмотре прежде всего потому, что основаны на предположении об их преходящем характере и неизбежности исчезновения в ходе аккультурации и ассимиляции. Собственно, авторы большинства дефиниций делают основной акцент на условиях, при которых происходит «растворение» диаспор в принимающем обществе. Такой подход неизбежно сужает рамки анализа и перспективы развития теории. Мы, напротив, исходим из идеи о том, что 1) диаспоры и созданные ими трансграничные структуры будут существовать, даже если произойдет аккультурация и сообщество «гибридизируется»; 2) примордиальная основа идентичности сохранит свою значимость и, в итоге, 3) несмотря на неизбежность ассимиляции определенной части диаспоры, ее ядро преодолет все искушения, выдержит давление извне и сохранит лояльность родине и этнической группе¹⁸.

Наконец, завершая обсуждение корпуса существующих дефиниций, отметим, что они основаны на изучении одной или очень небольшого числа традиционных диаспор. Следовательно, эти определения не вполне адекватно отражают суть «новых» диаспор (тех, что возникли во второй половине XIX в.); сравнительно недавно сформировавшихся в этом качестве (после второй мировой войны); дремлющих, но переживающих сейчас стадию пробуждения и, наконец, зарождающихся диаспор. Вместо того, чтобы предложить в качестве альтернативы компактное элегантное определение, в котором опять, возможно, будут упущены какие-то важные черты изучаемого феномена (в частности, связанные с политикой), я бы хотел представить сейчас читателю более развернутое всеобъемлющее описание¹⁹, основанное на обобщении множества работ о различных диаспорах.

Этнонациональные диаспоры появляются либо в результате добровольной миграции (турки в Германии), либо изгнания

родины (евреи в период античности и средневековья, палестинцы в 1948 и 1967 гг.), после того, как переселенцы принимают решение осесть в одной или нескольких странах. В большинстве случаев выбор территории для постоянного местожительства осуществляется отдельными лицами, семьями или малыми группами, по прошествии определенного периода приспособления к новым условиям²⁰. В странах вселения диаспоры остаются группами, представляющими меньшинства (мы не включаем канадских англосаксов в рассматриваемую категорию потому, в частности, что они стали доминирующим большинством).

В новых местах проживания диаспоры сохраняют свою этнонациональную (а иногда еще и конфессиональную) идентичность и сплоченность крепко спаянного коллектива. Питаясь примордиальными (эмоциональными, мифологизированными) представлений о происхождении группы, вкупе с рациональными (инструментальными) факторами, идентичность и солидарность становятся удвоенно прочным фундаментом, на котором зиждется чувство родства членов диаспоры друг с другом²¹.

В диаспорных общинах постоянно идут прямые контакты между элитами и активистами низового уровня, охватывающие разные стороны жизни диаспоры (социальную, культурную, экономическую и, главное, политическую) и имеющие огромное значение как для нее самой, так и для оставленных родин, стран вселения, других родственных общин и прочих заинтересованных сторон. Подобные контакты — основа всей согласованной деятельности группы.

Одна из целей консолидированных усилий²² сформировавшейся диаспоры — поддерживать постоянный интерес своих членов к жизни родины, готовность и способность участвовать в ней путем разнообразных обменов, причем в большинстве случаев такая деятельность дополняет то, что делают на данном направлении принимающие общества, но иногда противоречит интересам последних и их правительств.

В ходе становления организаций диаспоры создается потенциал для развития разветвленных лояльностей, формирования разнообразных типов взаимодействий с властными структурами принимающего общества. Действительно, чтобы избежать нежелательных конфликтов с нормами и законами, установленными доминирующей группой последнего, большинство диаспор вынуждены играть по ее правилам. Однако в определенных ситуациях реальные (или декларируемые) лояльности диаспоры могут

провоцировать трения между ней и различными социальными и политическими группами страны вселения. Иногда подобная конфронтация вынуждает государство-родину выступать в защиту диаспоры либо вмешиваться в ее дела.

Наконец, самый существенный момент — способность диаспор мобилизовать своих членов для продвижения или защиты собственных интересов или интересов родины имеет своим результатом формирование системы трех- или четырехсторонних отношений между диаспорой, государством исхода, страной пребывания, а также другими привлеченными акторами. Подобные отношения, которые могут и конфликтными, и «взаимно вежливыми», составляют сейчас важнейший компонент мировой политики и влияют на поведение всех участвующих сторон.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что при попытках приложить данный «профиль» к некоторым видам диаспорных групп могут возникнуть определенные трудности. Это относится в первую очередь к так называемым безгосударственным этносам — не вполне ясно, где их родины; какая часть представляет родину, какая — диаспору и кто же в целом количественно и качественно доминирует. По меньшей мере три подобных ситуации сразу приходят в голову. Первая — еврейская диаспора на доизраильской стадии (до 1947 г.). Однако создание евреями своего государства не решило проблемы «центра»: сейчас, когда оно существует уже более полувека, все еще активно дебатруется вопрос, какая часть мирового еврейства является доминирующей. Многие израильтяне утверждают, что благодаря своему суверенитету, политической и военной мощи их страна по праву должна быть признана центром нации. А по мнению многих евреев диаспоры, напротив, Израиль уязвим, отличается культурной неразвитостью, что вкупе с прочным положением и богатством большинства еврейских общин Запада позволяет именно диаспору считать центром или, по крайней мере, имеющей равный статус с родиной.

Второй пример — палестинская диаспора. В данном случае неясно, где располагается родина: на Западном берегу, в секторе Газа, в Иордании, на части (или всей?) территории, расположенной к западу от р. Иордан? Более того, и среди самих палестинцев, живущих на Ближнем Востоке или за его пределами, нет согласия по поводу пресловутого центра. В то время как первые лишь за собой оставляют право определять свое будущее, вторые также претендуют на участие в важнейших

делах автономии, причем участие с наложением вето на решения палестинских властей.

Наконец, третий случай касается той части афро-американцев, которая видит себя диаспорой и задумывается о природе своих отношений с Африкой. В этом сообществе активно обсуждается вопрос о том, весь ли континент либо его отдельные страны следует считать территорией исхода. Однако сам факт диаспоральности рассматриваемой группы вызывает большие сомнения, поскольку связь с родиной, в виде очень размытых представлений, ощущается лишь небольшой частью афро-американской элиты, а для большинства настоящей родиной являются США. Еще более запутанной выглядит история с цыганами, хотя они уже вошли в начальную стадию создания разветвленных сетей поддержки.

Продолжая размышлять о применимости нашего определения к различным ситуациям диаспоральности, нельзя не упомянуть проблему взаимности в отношениях со страной исхода. Если квинтэссенция существования диаспор — в их ориентации на постоянные контакты с родинami, последние могут проявлять в ответ пассивность или даже враждебность²³, и в результате диаспора не всегда получает поддержку, даже в тяжелые времена. Например, Индия не встала со всей решительностью на защиту своих соотечественников, когда они подверглись жестоким гонениям в Уганде. Более того, родины могут быть недовольны какими-то проявлениями активности диаспор (вспомним, в частности, кубинскую общину США, противостоящую режиму Кастро, а также первую волну русской эмиграции). Причина очевидна — диаспоры не всегда одобряют существующую в стране исхода политическую систему.

В ситуациях, подобных только что описанным, диаспорам не всегда удается сохранять лояльность по отношению к родине и скрывать возникающие внутри сообщества разногласия и расколы, зачастую весьма болезненные. Это случается довольно часто. Вспомним хотя бы зарубежных китайцев во время культурной революции и отсутствие среди них консенсуса в период обострения борьбы коммунистов и националистов; южноафриканцев в США и Великобритании, многие из которых активно выступали против системы апартеида, в то время как другие демонстрировали толерантность; и, наконец, американских евреев, отнюдь не единодушно оценивающих политику израильских властей в отношении палестинцев.

VII. Еще раз о типах диаспор

Некоторые из существующих диаспоральных образований возникли еще в период античности и в средние века — мы будем называть их «историческими» (*historical diasporas*). К данному типу относятся армяне, евреи, индийцы и так называемые зарубежные китайцы (*Overseas Chinese*). Диаспоры, образовавшиеся гораздо позже, в основном начиная с XVII в., а также во второй половине XIX в. — современные (*modern diasporas*). Речь в данном случае идет о поляках и ирландцах в США, греках в США и Австралии. Наконец, вслед за М. Вайнером, диаспоры в стадии становления обозначим как «зарождающиеся» (турки в Германии, марокканцы во Франции, корейцы в США и др.) Данная типология может помочь выявлению стадий жизненного цикла различных диаспор, оценке их способности сопротивляться ассимиляции и анализу политического «поведения».

Насколько похожи три типа диаспор? Если между ними есть существенные различия, то в чем они состоят и какие теоретические и практические выводы должны последовать? Вот вопросы, которые остаются весьма актуальными, и мы надеемся, что приведенная выше характеристика «настоящей» диаспоры окажется для коллег небесполезной.

Возвращаясь к теме статьи, на наш взгляд, именно с точки зрения характера политических задач между историческими, современными и зарождающимися диаспорами очень много общего. Об этом свидетельствуют многие работы, посвященные «жизнеописанию» конкретных диаспор. Все они сталкивались с необходимостью принимать политические решения на разных этапах, будь-то эмиграция, обустройство на новом месте, создание диаспоральных сетей на страновом и международном уровнях, поддержание разнообразных контактов с родинами и принимающими государствами.

Отслеживая эволюцию различных диаспор, особенности прохождения ими ключевых точек развития, анализируя причины изменений в их структуре и формах активности, мы можем получить незаменимый материал для прогнозирования будущего конкретных диаспорных групп и всего феномена в целом. В частности, более понятными станут закономерности превращения иммигрантских сообществ в «новые» диаспоры и трансформации последних в сплоченные организмы, успешно участвующие в международных делах.

VIII. Нерешенные теоретические проблемы

На наш взгляд, существует три группы таких проблем. Во-первых, это факторы, способствующие возникновению новых диаспор и их сопротивляемости ассимиляции. Если развернуть данный тезис, то речь пойдет о том, почему в диаспорах сохраняется высокая мотивация к сохранению этнокультурной идентичности, что побуждает их к созданию разветвленной инфраструктуры, каковы причины и последствия более активного участия рядовых членов группы в жизни диаспоры, по сравнению с элитами.

Во-вторых, у нас недостает знаний о том, почему возрастает влияние диаспор на мировую политику вообще и, в частности, на двусторонние отношения родины и принимающего государства.

В-третьих, в дальнейшем изучении нуждаются условия, благоприятствующие сохранению идентичности и солидарности диаспорных сообществ в странах вселения. Другая сторона медали — какие ситуации и обстоятельства на родине могут усилить либо, напротив, заглушить у членов диаспоры чувство родства с оставленным домом и другими группами соплеменников, живущими в рассеянии.

IX. Концептуальные рамки сравнительных исследований

Приведенное выше суждение о похожести друг на друга различных типов диаспор требует дальнейшего развития с точки зрения методологии. Любое исследование диаспорных сообществ, имеющее своей целью вклад в теоретическое осмысление данного феномена и в развитие политической теории, должно быть компаративистским. Однако, по всеобщему признанию, несмотря на похожесть диаспор, по крайней мере на первый взгляд, их сравнительное изучение — дело очень трудное, и потому такие попытки предпринимались довольно редко. Диаспоры различаются по своей этнокультурной принадлежности, особенностям становления, характеру идентичности, историческому опыту, институциональной структуре, уровню внутренней сплоченности, наконец, по интенсивности связей с родинами и принимающими обществами и способности влиять на те и другие. Сравнения еще более усложняются из-за специфики политических систем стран исхода и

вселения и разнообразия политических ситуаций, в том числе и международного уровня, с которыми диаспорам приходится иметь дело.

Позволю себе привести здесь операциональную схему сравнительных исследований диаспор (в политическом аспекте). Как я надеюсь, она будет полезной и для развития теории. Вот набор *независимых* переменных, которые необходимо включить в анализ: 1) отношение родин и принимающих государств к политической активности диаспор; 2) доступ последних к властям обоих типов стран и представителям их общественности; 3) готовность правительств «там» и «тут» считать диаспоры политическим ресурсом при продвижении своих интересов на двустороннем и мировом уровнях; 4) национальные и международные соглашения, воздействующие на интенсивность миграционных потоков и статус переселенцев.

Очевидно, что *зависимыми* переменными в данной схеме будут выступать: 1) влияние современных диаспор на внутреннюю и внешнюю политику стран приема и на отношения родин с различными государствами, прежде всего теми, где находятся диаспоры; 2) последствия деятельности диаспор для внутренней и международной безопасности и, наконец, 3) роль последних как самостоятельных агентов мировой политики. Существует также набор факторов, способных изменить характер корреляции зависимых и независимых переменных. Прежде всего, это характеристики самих диаспор: 1) продолжительность пребывания в стране приема; 2) организационная «зрелость» на страновом уровне; 3) имеющиеся материальные ресурсы; 4) юридический статус; 5) степень аккультурации в принимающем обществе; 6) уровень компактности проживания. Аналогично, необходимо искать ответы на следующие вопросы: 1) в какой мере диаспоры вообще склонны влиять на поведение правительств отпускающих и принимающих стран; 2) действительно ли они оказывают материальную, политическую и моральную поддержку властям (или оппозиции) на своей родине; 3) какой стратегии мобилизации следуют диаспоры и, наконец, результатом чего является их активность — подстрекают ли к ней власти страны исхода (или конкретные политические силы); спровоцирована ли она действиями правительств страны вселения (или, опять же, отдельными политическими группами) и/или иными заинтересованными сторонами.

Введение в анализ всех перечисленных переменных поможет нам лучше понять, насколько диаспоры действительно похожи в своих планах и реальных действиях на страновой, региональной и международной политической сцене. Мы также углубим свои знания о том, к каким результатам приводит мобилизация диаспор и размещение ими материальных ресурсов в «нужных точках»; какими способами они оказывают давление на правительства принимающих стран, добываясь выгод для родины в целом или для ее особых социальных групп; какие рычаги обычно используются с целью побудить власти «своей» страны встать на защиту диаспоры.

Наконец, в условиях непрекращающихся трений между этническими группами, наши знания о множественной природе идентичности этнонациональных диаспор вызывают большой соблазн рассматривать их как возмутителей спокойствия и разжигателей конфликтов. Но не разумнее ли, на наш взгляд, продолжить исследования и проверить следующую гипотезу: чем толерантнее отношение к диаспорам как к автономным образованиям, чем выше гарантии уважения их прав правительствами стран вселения и их гражданами, тем более умеренно будут вести себя диаспоры. Кроме того, они пытаются приспособиться к нормам принимающих обществ и считают своей миссией наведение мостов между страной, которую они покинули, и той, которая их приняла²⁴. По сути, такие исследования помогут нам понять, действительно ли этнонациональные диаспоры чувствуют себя дома, находясь вне родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Anderson B.* Imagined Communities. L., Verso, 1983.

² С полемикой по этому вопросу можно ознакомиться, в частности, в: *Smith A.* The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, Cambridge University Press, 1981; *Kellas J.* The Politics of Nationalism and Ethnicity. L., MacMillan, 1991; *Connor W.* Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, Princeton University Press, 1994.

³ *Sheffer G.* Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge, Cambridge University Press, 2003.

⁴ *Sheffer G.* A New Field of Study // Modern Diasporas in International Politics. N. Y., St. Martin's, 1986.

⁵ См., напр.: *Esman M.* The International Implications of Migration // *Diaspora. A Journal of Transnational Studies.* University of Toronto Press, 1992. Vol. 3. № 1; *Chailand G., Rageau J.* Atlas de Diasporas. P., Edition Odile Jacob, 1991; *Diasporas in International Politics.* Ed. by D. Constatas, A. Platias. L., Macmillan, 1993;

- Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. L., UCL Press, 1997; Van Hear N. *New Diasporas. The Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities*. L., UCL Press, 1998; Middle Eastern Ethnic Minorities and Diasporas. Ed. by M. Maoz, G. Sheffer. Brighton, Sussex Academic Press, 2002. Sheffer G. *Diaspora Politics*...
- ⁶ Chazan N. *Irredentism and International Politics*. Colorado, Lynne Rienner, 1991.
- ⁷ Landau J. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. L., C. Yurst & co, 1995; Yadlin R. *The Muslim Diaspora in the West // Middle Eastern Ethnic Minorities and Diasporas*...
- ⁸ Wiener M. *The Macedonian Syndrome: A Historical Model of International Relations and Political Development // World Politics*. 1970. Vol. 23. № 4. См.: Chazan N. *Irredentism and International Politics*...
- ⁹ Dahan M., Sheffer G. *Ethnic Groups and Distant Shrinking Communication Technologies // Nationalism and Ethnic Politics*. 2001. Vol. 7. № 1.
- ¹¹ См., напр.: Peinkos D. *For Your Freedom Through Ours. Efforts on Poland's Behalf*. Boulder, East European Press, 1991.
- ¹² *Diasporas in International Politics*...
- ¹³ Shain Y. *Marketing the American Dream Abroad. Diasporas in the United States and Their Homelands*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.
- ¹⁴ Sheffer G. *Diaspora Politics*...
- ¹⁵ См., напр.: Rothschild J. *Ethnopolitics*. N. Y., Columbia University Press, 1991; Bertelsen J. *Non-State Nations in International Politics: Comparative System Analysis*. N. Y., Praeger, 1980; *Ethnic Conflict in International Relations*. Ed. by A. Shurke, L. G. Nobles. N. Y., Praeger, 1977; Stack J. F. *International Conflict in an American City*. Westport, Greenwood Press, 1979; Said A., Simmons C. R. *Ethnicity in an International Context*. New Jersey, Transaction, 1976.
- ¹⁶ См., напр.: Tololyan K. *Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora*. 1996. Vol. 5. № 2; Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Ibid*. 1991. Vol. 1. № 1; Safran W. *Comparing Diasporas: A Review Essay // Ibid*. 1999. Vol. 8. № 3; Cohen F. *Global Diasporas...*; Vertovec S. *Three Meanings of Diaspora // Diaspora*. 1997. Vol. 6. № 3.
- ¹⁷ Armstrong J. A. *Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review*. Wash., 1976. Vol. 70. № 2.
- ¹⁸ Sheffer G. *Diaspora Politics*...
- ¹⁹ *Ibid*.
- ²⁰ Подр. этот важнейший период в жизни диаспор рассматривается в: Sheffer G. *The Emergence of New Ethno-National Diasporas // Migration. A European Journal of International Migration and Ethnic Relations*. Berlin, 1995. № 2; Sheffer G. *Diaspora Politics*...
- ²¹ Рассуждая подобным образом, мы исходим из синтезированного подхода к природе этнической идентичности (см., напр.: Kellas J. *The Politics of Nationalism and Ethnicity*...).
- ²² В большинстве случаев речь идет о так называемой коммуналистской стратегии (*communalist strategy*). Подр. см. об этом: Sheffer G. *Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts? // International Migration and Security*. Ed. by M. Wiener. Boulder, Colorado, Westview, 1993; Sheffer G. *Diaspora Politics*...
- ²³ Sheffer G. *Diaspora Politics*...
- ²⁴ *Ibid*.

ДИАСПОРЫ

АРХИВ

ВОЗМОЖНО ЛИ МИРНОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО РАЗНЫХ НАРОДНОСТЕЙ В РОССИИ?

Иван Бодуэн-де-Куртенэ

Когда легковерен и — увы! — немолод я был, я увлекался бессмысленными мечтаниями и праздными затеями. Наивно-младенцу в почтенном возрасте кривляния сорвавшихся с цепи рабов показались серьезными стремлениями к свободе и законности. Благодаря этому, в ущерб научным занятиям, таялось очень много времени на никому не нужные словоизвержения и бумагомарания.

На общем фоне «освободительно»-разрушительной свистопляски выростали, как грибы, разные съезды, общества, союзы, составлялись уставы и программы, провозглашались торжественно широковещательные «резолуции», которые, при общем отсутствии чувства ответственности, ни к чему не обязывали и чуть ли не на следующий день основательно забывались. А крикунам и шелкоперам казалось, что они дело делают и занимаются «переоценкой ценностей» и переустройством государства и общества.

К числу несколько более устойчивых предприятий этого рода принадлежал собравшийся во второй половине ноября 1905 г. в Петербурге (ныне Петрограде) «съезд автономистов» или самозванных «представителей» не-русских национальностей и возникшие в связи с этим съездом «союз автономистов-федералистов» и его «парламентская фракция» (в 1-й и 2-й Думе).

Альманах «Отечество». Том первый. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос. Петроград, 1916. С. 19–31. Краткий очерк о жизни и творческом пути И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, выдающегося лингвиста XX в., см. в конце публикации.

Редакция благодарит Екатерину Протасову, любезно приславшую нам копию доклада И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, оригинал которого хранится в Славянском Фонде Национальной библиотеки Финляндии.

На съезде, продолжавшемся несколько дней, были заслушаны подробные доклады и рассматривались некоторые вопросы, как тогда казалось, первостепенной важности. Во 2-м пункте программы съезда значилось:

«Средства обеспечения мирного сожительства народностей России для предупреждения всяких поползновений на насильственное преобладание какой-либо одной над другими».

Докладчиком по этому вопросу выступил я, 20 ноября (3 декабря) 1905 г. Мой доклад вызвал горячие прения и нападки, в особенности со стороны нескольких групп односторонних националистов. Отношение этих господ к моему докладу было прямо враждебное, так что получилось предвкушение того, как на самом деле осуществляется «мирное сожительство». Не мирное сожительство, а грызня разнородных животных, заключенных в одном зверинце.

Вообще я могу себе простить участие и в съезде и в союзе автономистов-федералистов лишь при мысли о своей тогдашней наивности и легкомыслии. Только впоследствии я понял, что на плоскостях, определяемых пересечением координат известного пространства и известного времени, смешно и нелепо говорить о правах человека, о человеческом достоинстве, о правах национальностей, о мирном сожительстве и т. д. Как все эти прелести осуществляются, показывает нам воочию хотя бы переживаемое нами в настоящую минуту.

Увлечение несбыточными фантазиями может повлечь за собой весьма плачевные последствия для увлекающегося и заблуждающегося. Теоретические и отвлеченные от жизни рассуждения человека, лишенного чувства действительности и не ориентирующегося в создавшемся положении, могут быть отождествлены с «призывами» и «покушениями». За непрошенный диагноз и за непрошенный медицинский совет полагается внушительный гонорар в виде «Крестов» с последствиями.

И поделом. В чужой монастырь со своим уставом не суйся. Будучи причастен к науке, занимайся наукой и не путайся в «общественную деятельность», тем паче, если из этого никакого проку ни для кого выйти не может. Пусть себе двуногие грызутся и взаимно истребляют друг друга. Ты держись в стороне и старайся с корнем вырвать из себя чувство «общественной солидарности». *Guarda e passa!**

* Взгляни и проходи мимо! (итал.). — *Прим. ред.*

* * *

О съезде автономистов 1905 г. на русском языке были только отрывочные упоминания в повременных изданиях. Подробные отчеты о нем появились в «инородческой» и иноязычной печати не только в России, но и за границей. Между прочим могу привести свою собственную польскую статью и брошюру: «Ze zjazdu autonomistów czyli przedstawicielei narodowosci nie-rosyjskich. Kraków, 1906» (Odbitka z «Krytyki»).<...>

Если я решаюсь теперь обнародовать доклад в его русском подлинном тексте, то не потому, что я приписываю ему какое-либо значение по существу, а лишь как скромный исторический памятник наивных заблуждений и несбыточных мечтаний.

Из подлинного текста я устранил места, или чересчур отдающие актуальностью конца 1905 г., или же вообще могущие подействовать на кое-кого, как красная тряпка на быка.

Октябрь 1915 г.

И. Б.-де-К.

Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России?

Связанную с этим практическую задачу следовало бы формулировать следующим образом:

О средствах обеспечить мирное сожительство народностей России и сделать невозможными всякие поползновения на насильственное преобладание какой-либо из них над остальными.

В этой постановке содержится, так сказать, гигиена международной, междуплеменной и междуобщественной жизни. Как задача здраво понимаемой медицины должна состоять прежде всего в предупреждении болезней путем создания хороших гигиенических условий, точно так же и в практической политике чрезвычайно трудно лечить, если мы все время не только не противодействовали денравации и деморализации общества, а, напротив того, старательно им содействовали <...>

Если кому, так именно съезду автономистов следует заняться этим вопросом и указать целебные средства, имеющие целью, с одной стороны, в ближайшем будущем ослабить эту болезнь междуплеменной, междуисповедной и междуклассо-

вой вражды и ненависти, с другой же стороны, в более отдаленном будущем довести ее до минимума, если возможно, до нуля. Первое достигается требованием и проведением в жизнь известных реформ общегосударственного и общественного устройства, другое же коренными реформами в области обучения и воспитания юношества. Мы должны для будущего подготовить поколения, свободные от яда, прививаемого до сих пор сознательными и бессознательными, вольными и невольными агентами разных «ведомств».

Во главе требований, без которых немыслимо ослабление междуплеменной и междуисповедной вражды, я ставлю **отделение церквей от государства и школьного дела от церквей**. Ни одна церковь не должны признаваться господствующей, и все они должны представлять из себя не что иное, как свободные союзы людей, мнящих себя одинаково верующими <...>

Прискорбным смешением понятий можно объяснять тоже разделение граждан одного и того же края на пришельцев и на туземцев или автохтонов, на гостей и на хозяев. Евреи, дескать, везде только пришельцы и гости, с которыми любезные туземцы-хозяева могут обращаться как им заблагорассудится. Горячие литовские патриоты одних только литовцев считают туземцами и хозяевами всего северо-западного края, всех же прочих переводят в разряд гостей и пришельцев. Даже в Гродне, где литовцы являются редкостью, все-таки все тамошние жители, и белорусы, и поляки, и евреи, по мнению литовских шовинистов, только терпимые гости литовского народа.

Отвергая ссылки на исторические права и ограничивая всю историю, как исходную точку для решения практических политических вопросов, одним только современным историческим моментом, мы, с точки зрения именно настоящего момента, считаясь с фактическим положением дела, должны признать всех без исключения жителей данной местности, данной области, данного государства или поголовно туземцами и хозяевами, или же поголовно пришельцами и гостями. Прежде всего евреи являются везде такими же автохтонами и хозяевами, как и все остальные жители.

В связи с этим мы должны отбросить выросший на почве смешения понятий лозунг: «Россия для русских», «Польша для поляков», «Литва для литовцев» и т. д. Россия для всех тех, кто в ней живет. Польша для всех тех, кто в ней живет. Литва для всех тех, кто в ней живет.

При таком взгляде не может быть, конечно, речи о каких бы то ни было национальных и вероисповедных стеснениях, до позорящих Россию школьных процентов и до настолько же нелепой, насколько и жестокой черты оседлости включительно. Человек подлежит ответственности и наказаниям только за свои поступки, а ничуть не за происхождение и за принадлежность к тому или иному толку.

Само собою разумеется, что при подобном взгляде на вещи надо добиваться признания полного, принципиального, юридического равноправия всех языков. Нет господствующего русского народа; нет подчиненных ему неполноправных народов. Все народы России пользуются одинаковыми правами. Не народ подчинен чиновникам, а чиновники народу.

Но, тем не менее, по экономическим соображениям, для наименьшей траты времени, принимая во внимание численное превосходство великорусского племени, принимая затем во внимание национальный облик современного исторического момента в России, мы все-таки оставляем за великорусским языком роль общего языка, роль объединителя отдельных областей всего государства.

* * *

В духе общественной, междуплеменной и междугрупповой гигиены я позволю себе выставить здесь следующее требование:

Не осуждать никого за сознательную принадлежность к двум и даже более национальностям или же за сознательную непринадлежность ни к одной из них. Как допустима полная безвероисповедность (*Konfessionsigkeit*), точно так же мыслима безнациональность (*Nationalitätslosigkeit*).

Я знал человека, овладевшего многими языками и приобщившегося к культурным и политическим стремлениям носителей этих языков. Немец-ганноверец по происхождению, доктор Зауэрвейн (*Sauerwein*) поддерживал и защищал требования политического равноправия всех приниженных национальностей. Он был национальным поэтом, политическим агитатором и патриотом в прусской Литве, в Лужицком крае и т. д. Вместе с языком он вселял в себя тоже народную душу других племен и народов. Он воодушевлялся их национальными идеалами.

Но это редкое исключение. Зато вполне возможны, как обыденные явления, такие сочетания в одном и том же лице, как одновременная принадлежность к еврейскому и польскому, к польскому и литовскому, к польскому и белорусскому, к польскому и татарскому, к немецкому и эстонскому, к немецкому и латышскому — общественному целому. Я знал тоже индивидов, которые по своему происхождению и воспитанию должны были причислять себя как к польской, так и к армянской национальности. Мало того, несмотря на все гонения, против которых возмущается чувство справедливости, имеется возможность совмещения в одной и той же душе польских и русских (великорусских), польских и немецких культурных стремлений.

Если возможно совмещение в одной и той же голове двух и более языков, если возможно фактическое участие одного лица в нескольких литературах, то позволительно тоже горячо сочувствовать культурным стремлениям нескольких национальностей и принимать участие в их осуществлении.

Поляк, литовец, еврей, татарин, армянин, грузин — может любить русский язык в такой же мере, как и свой родной, и радоваться его успеху. При этом он смотрит на этот язык не как на язык Муравьева, не как на язык Дмитрия Андреевича Толстого, К. П. Победоносцева, не как на язык целой плеяды умирителей и «водворителей порядка», а как на язык декабристов, как на язык Чаадаева, Герцена, Тургенева, В. С. Соловьева, Льва Николаевича Толстого, язык всех тех русских, которые провозглашали научные истины, идеалы прекрасного, начала справедливости, подвергаясь за это всяческим гонениям и принося в жертву даже свои жизни.

В усваиваемом нами немецком языке мы видим не язык фон-Бисмарка, не язык Вильгельма II, не язык гакатистов и всяческих германизаторов, но язык великих философов, мыслителей, поэтов, художников.

Ненависть по отношению к какому-нибудь языку является пережитком дикого состояния, является перенесением своеобразного религиозного фанатизма в область нововекового общежития.

Если мы допускаем, с одной стороны, возможность соединения в одном и том же лице сочувственного участия в трудах над преуспеванием нескольких языков, с другой же стороны — возможность отчисления себя от всех национальностей, то

вместе с тем мы должны изъять из обихода всякую назойливую религиозную пропаганду и уговаривание людей к переходу в другое вероисповедание.

Если всякие усердные миссионеры и совратители только нежелательны, то просто нетерпимы священнослужители, учителя и чиновники, издевающиеся над иноплеменниками и иноверцами, натравливающие одну народность на другую и поддерживающие таким образом междуплеменную рознь и вражду.

* * *

Мне кажется, что громадное влияние на разноплеменные массы имело бы устранение некоторых чисто внешних различий. К ним я причисляю прежде всего приурочение еженедельных праздников к различным дням недели: у христиан воскресенье, у евреев суббота, у мусульман пятница. Было бы весьма желательно приурочить праздники всех вероисповеданий к одному и тому же дню. И тут по экономическим соображениям, заставляющим нас признавать в подобных случаях принцип большинства, я предложил бы перенести на воскресенье как еврейскую субботу, так и мусульманскую пятницу.

Может быть, подобное предложение покажется кому-нибудь обидным; в таком случае я извиняюсь и беру его назад. Но ведь это предложение того же рода, как ожидаемый отказ России от юлианского календаря в пользу грегорианского для того, чтобы уподобиться в этом отношении громадному большинству цивилизованных стран.

Чем однообразнее внешние формы общежития, тем менее тратится времени на сглаживание их шероховатостей, и тем более простора для развития действительных индивидуальных особенностей.

* * *

Все только что перечисленные средства умиротворения междуплеменной и междувероисповедной вражды могли бы быть выставлены как неотложные требования для современного исторического момента, для нынешнего поколения. Другие средства имеют в виду подготовку будущих поколений,

развитие и укрепление в этих поколениях нового общечеловеческого и общеуспокоительного мировоззрения. Подобная цель достигается путем систематически веденного воспитания и обучения.

И тут я предложил бы обратить внимание прежде всего на следующие школьные предметы:

1. Чрезвычайно много вреда в умственном и нравственном отношении приносит некритическое, чисто вероисповедное и фанатическое преподавание закона Божия и связанной с ним так называемой священной истории <...>

А рядом с официальным, гласным законом Божиим действует еще другой «закон божий», правда, негласный, апокрифический. Благодаря этому негласному, апокрифическому «закону божию» распространяется, между прочим, вера в употребление евреями христианской крови.

Это обвинение евреев мы можем оставить здесь без ответа, но зато мы имеем право спросить:

Проливают ли «христиане» еврейскую кровь, без различия пола и возраста?

Как бы то ни было, я полагал бы необходимым, в виду предохранения детских и юношеских умов от вероисповедной деморализации:

или, следуя примеру хотя бы Японии, совершенно исключить из школ преподавание закона Божия,

или же, в случае, если бы это оказалось пока невозможным и преждевременным, обязать преподавателей вести его критически.

2. Точно так же мы должны противодействовать развращению детских умов и насаждению в них чудовищного смешения понятий посредством преподавания истории. Особенно так называемая отечественная история является лучшим средством прививки человеконенавистничества вообще и народоненавистничества в частности.

Только весьма тщательное, критическое отношение к предмету преподавания и в этой области может устранить вред, наносимый смешением понятий и властью слова. Единство или тождество слова обуславливает и здесь отождествление ассоциируемых с ним внеязыковых представлений, представлений внешнего мира.

3. Рука об руку с преподаванием истории в деле засорения голов может идти преподавание словесности и литературы.

В предупреждение подобного вреда от литературы следовало бы требовать чтения и усвоения отрывков и произведений общечеловеческого содержания, с устранением всяких экскурсий в область идейного издевательства над теми или другими категориями «ближних». Из школьных хрестоматий и сборников должны быть устранены отрывки, воспевающие военные подвиги, набеги, захваты, а за то должно быть отведено место произведениям, основанным на общечеловеческой солидарности. А так как все-таки нельзя избежать ознакомления с произведениями национализма, шовинизма и прочего фанатизма, то необходимо относиться к ним критически и представлять их в надлежащем свете.

4. В школах известной народности необходимо предоставить возможности знакомиться с другими местными языками, т. е. с языками и литературами иноплеменных сограждан. Прекрасный пример дает нам Финляндия. Там каждому финну дается возможность усвоить себе шведский язык, а каждому шведу — возможность овладеть финским языком. Точно так же в польских школах Варшавы и Царства Польского вообще должно быть введено факультативное преподавание местного еврейского языка или так называемого «жаргона»; и наоборот, ученикам русских школ Казани должна быть дана возможность знакомиться с татарским языком, и наоборот.

Взаимное ознакомление вселяет тоже взаимное уважение и способствует упрочению мирного сожительства.

5. В связи со всем предшествующим состоит воздействие на детей и молодежь в смысле устранения шовинистических песен, направленных против других народностей, в смысле устранения или по крайней мере должного освещения глупых анекдотов, бранных кличек и прозвищ, преподносимых одними национальностями другим.

Раньше, в патриархальные, добродушные времена все это могло сходить и не вызывать протеста; теперь же недопустима никакая международная травля, хотя бы даже в виде презрительных кличек, глупых острот и пошлого зубоскальства.

6. Мирному сожительству национальностей будет несомненно содействовать введение в психику школьной молодежи основных понятий из политической экономии и правоведения.

7. Наконец, необходимо всеми силами противодействовать обоготворению Молоха государственности. Культ государства, государства ради, должен уступить место мировоззре-

нию, что государство существует только как канва для успешного развития и процветания содержащихся в нем собирательных и чисто индивидуальных особей. Государственная мегаломания есть величайшее несчастье, ведущее прежде всего к гибели самого государства <...>

* * *

Все мною изложенное носит на себе чисто академический отпечаток. Но я думаю, что кое-что заслуживает быть принятым в соображение и осуществляемым в практической жизни.

Если так, то средством проводить в жизнь одобренные идеи могло бы служить устройство популярных лекций, организация пропаганды, агитации, публичных прений.

Прежде всего следовало бы противодействовать столь пагубному для всех народов России антисемитизму, но противодействовать не какими-нибудь насильственными средствами, а только чисто мирным путем, путем убеждения разъяснять всю нелепость и весь вред этой общественной болезни.

* * *

Нашей целью должно быть прежде всего создать тесное общение, то, что по-немецки называется *Fühlung*, между народностями России и всеми прочими общественными группами культурного характера. Не только в религиозной, вероисповедной области, но и в области национальной всякая борьба должна исчезнуть.

Было бы смешно думать, что борьба между людьми когда-либо исчезнет. Но эта борьба должна вершиться единственно на реальной почве, на почве экономических нужд и политических прав. Ведь мы живем на земле, а для успешного ведения борьбы на земле необходимо совершенно устранить психиатрического свойства борьбу из-за идей и идеалов неземных, борьбу из-за идей и идеалов, перенесенных сюда из области предполагаемой загробной жизни (*des Jenseits*).

К категории психиатрической борьбы из-за неземных целей я позволю себе причислить тоже борьбу из-за языков, навязывание другим своего языка.

* * *

Если из образованного нами зародыша разовьется со временем сильное общество, то ему предстоит благодарная задача. Такое общество имеет будущность.

Может быть, только некоторые из нас, самые младшие, увидят осязательные плоды нашей деятельности. Но это не должно нас смущать. По чувству общечеловеческой солидарности мы должны считать себя только одним из звеньев в бесконечной цепи совершенствующихся и прогрессирующих поколений.

Когда японскому генералу Ноги высказали соболезнование по поводу потери им обоих сыновей под стенами Порт-Артура, он ответил: «Что делать? Надо покориться; мы только навоз для будущих поколений».

Так вот и мы должны самоотверженно заявить: «Мы работаем для будущего, а на самих себя смотрим, как на навоз для наших потомков. Может быть, на удобренных нашим трудом полях что-нибудь когда-нибудь да и вырастет».

И. Бодуэн-де-Куртенэ

Послесловие

Предпослав своему докладу 1905 г. несколько слов о моем нынешнем к нему отношении, считаю нелишним прибавить еще послесловие, в оправдание и пояснение некоторых частностей.

Кое-кому может показаться, что я слишком часто упоминаю евреев и как будто даю им предпочтение перед другими видоизменениями породы животных, именуемой *homo sapiens*. Это может дать повод заподозрить меня в «шабесгойстве» и в прислужничании евреям. Возможность подобных подозрений меня вовсе не пугает. Тем не менее я считаю нелишним дать некоторое разъяснение <...> В конце 1905 г. мы находились под впечатлением нескольких именно еврейских погромов. Да и вообще «еврейский вопрос» был тогда самым наболевшим из всех так называемых национальных и вероисповедных вопросов. Таким он не перестал быть и по настоящее время. Евреи идут всегда в первых рядах подневольных мучеников... Ввиду

этого *privilegium odiosum* немудрено, что упоминание о евреях первым напрашивается на язык или же под перо.

Затем, многим даже из так называемой передовой интеллигенции покажется странным поставление так называемого жаргона, т. е. особого еврейского языка, рядом с другими, национальными языками и требование, чтобы не-евреям, живущим бок о бок с евреями, дана была возможность знакомиться с этим «противным» и «отталкивающим» «жаргоном». К сожалению, с объективно научной точки зрения «жаргон» является таким же точно языком, как и любой другой язык. Не следует тоже забывать, что этот «презренный» «жаргон», как язык семейный, как язык, с которым связаны для многих людей и воспоминания детства и первых впечатлений от соприкосновения с природой и обществом, столь же дорог для этих людей, как и любой другой язык для его носителей. Крики и вопли, мольбы о пощаде и причитания над близкими людьми воплощались в «жаргон» не реже, чем в другие языки. Стало быть, в этой области имеется полное объективное равноправие. Еврей, кажется, тоже человек и должен бы иметь право, «право человека и гражданина», дорожить своими племенными и вероисповедными особенностями и требовать их признания.

Впрочем, к «правам человека» применима теперь характеристика, данная когда-то Герценом «привилегиям дворянства» в России: «быть свободным от телесного наказания до тех пор, пока не высекут». Смешно говорить о «правах человека», о «правах личности», о «правах имущественных» в такое время, когда все эти торжественно провозглашаемые «права» могут быть приостановлены и отменены по усмотрению любого «Прейскера» или же другого т. п. башибузука.

Против допущения «жаргона» как равноправного с другими языками выставляется соображение, что ведь это почти то же, что немецкий язык, а немецкий язык изъят из употребления. Действительно, еврейский «жаргон» вырос на южнонемецкой почве, но развился так своеобразно и всосал в себя столько других, не немецких, элементов, что человеку, знающему отлично язык немецкий, труднее понимать «жаргон», нежели некоторые другие языки, вроде голландского и, пожалуй, даже английского. А ведь языки голландский и даже английский не запрещены <...>

Слово о великом лингвисте

Иван Александрович Бодуэн-де-Куртенэ (1845–1929) — один из самых крупных и известных языковедов мира второй половины XIX в. и первой половины XX в. Поляк по национальности, он большую часть жизни работал в России, а закончил свои дни в Польше, вернувшей себе независимость. Он равно свободно творил на русском, польском и немецком языках. В России его считают русским ученым, в Польше и на Западе — польским. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ почти не писал больших книг, но за долгую жизнь опубликовал несколько сот статей, касавшихся едва ли не всех основных проблем лингвистики и не только лингвистики. Его интересовало всё: от высокой теории до особенностей «блатной музыки», от праиндоевропейского языка до эсперанто, от экспериментальной фонетики до формирования речи у детей. Он создал принципиально новую лингвистическую теорию, став наряду со швейцарским ученым Ф. де Соссюром основателем науки о языке XX в.; введенные им понятия фонемы и морфемы до сих пор остаются основополагающими. Его концепцию развития языков и причин изменений в языке и поныне можно считать самой содержательной и разработанной. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ редактировал словарь Даля, придав ему научность, и стал одним из главных разработчиков реформы русской орфографии, реализованной в 1917–1918 гг. Он был в разные годы профессором университетов в нескольких городах: Казани, Юрьеве (Тарту), Кракове, Петербурге, Варшаве, и почти везде ему удалось создать значительную научную школу. Научные заслуги И. А. Бодуэн-де-Куртенэ общепризнанны.

Однако одна из сторон многогранной деятельности ученого оказалась забытой: его выступления по политическим, этническим, социолингвистическим вопросам. В вышедшем в Москве в 1963 г. двухтомнике его избранных трудов (до сих пор остающемся лучшим их изданием) достаточно хорошо представлены его лингвистические идеи, но ни одна из публикаций по этой тематике туда не была включена. Однако и эти выступления И. А. Бодуэн-де-Куртенэ представляют интерес, а в наши дни оказываются весьма актуальными.

В отличие от большинства своих коллег Иван Александрович всегда отличался большой политической активностью (под конец жизни в Польше он даже баллотировался на пост

президента, хотя его так и не избрали). По своим воззрениям он был левым либералом и убежденным интернационалистом. Вот типичное для него высказывание, вставленное в чисто лингвистическую по проблематике статью: «Не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка». И. А. Бодуэн-де-Куртенэ активно участвовал в движениях за права польского языка и польской культуры, однако часто не находил общего языка с соплеменниками, поскольку был чужд любому национализму. К тому же он не отличался религиозностью (что для поляка являлось большой редкостью и из-за чего он не смог ужиться с коллегами в Кракове). Зато один из самых талантливых его учеников — Е. Д. Поливанов, ставший впоследствии коммунистом, писал: «Со второго курса мое мировоззрение обусловлено всестороннейшим на меня влиянием моего учителя Бодуэн-де-Куртенэ — по убеждениям интернационалиста-радикала».

Ученый всегда отличался оппозиционностью. Его бывший студент профессор И. И. Умняков вспоминал, что в 1910 г. в связи с демонстрациями в дни похорон Л. Толстого «...внутри университета была введена полиция. И вот приходит на очередную лекцию проф. Бодуэн и заявляет нам, студентам, что пока этот “гарнир” находится в стенах “храма науки”, он читать лекции не может и предлагает нам, если мы желаем, продолжать слушать лекции на его квартире, что мы и делали. Под “гарниром” профессор имел в виду полицию, размещенную на лестнице, ведущей на третий этаж, где Бодуэн читал лекции».

Начиная с 1905 г. Иван Александрович активно участвовал в политической деятельности, борясь за права меньшинств в России. Он делегат различных съездов, автор воззваний и брошюр. В 1905 г. написал и в следующем году опубликовал небольшую работу «Проект основных положений для решения польского вопроса», а в 1913 г. издал более объемистое сочинение «Национальный и территориальный признак в автономии». Если в 1906 г. еще действовали свободы, декларированные Манифестом 17 октября 1905 г., то в 1913 г. власть уже не допускала такого «радикального интернационализма». Против И. А. Бодуэн-де-Куртенэ возбудили судебное дело, и он неза-

долго до начала первой мировой войны несколько месяцев провел в петербургской тюрьме «Кресты». На несколько лет прервалось его преподавание в университете. В 1916 г. он решил издать свой доклад 1905 г. (который и помещен выше), высказывая свое разочарование в тогдашних попытках заниматься политикой. От своих взглядов он, однако, не отрекся.

Нетрудно видеть сходство ряда идей И. А. Бодуэн-де-Куртенэ с идеями по национальному и национально-языковому вопросу, которые в те же годы провозглашались другими российскими левыми, в том числе большевиками. В книге «150 языков и политика: 1917–2000» я уже сопоставлял его высказывания в брошюре 1906 г. по польскому вопросу с появившимися на несколько лет позже статьями В. И. Ленина. Безусловно, попытка коренным образом изменить всю национально-языковую политику государства, предпринятая у нас после 1917 г., соответствовала желаниям далеко не одних большевиков. Недаром критичный к советской власти Н. С. Трубецкой именно этот аспект ее деятельности оценивал наиболее высоко. Однако в построениях И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и других, справедливо критиковавших жесткую царскую политику, был и значительный элемент утопизма. Можно было обеспечить права каждого языка в Польше, где речь шла о трех-четырёх языках, но как обеспечить это в Дагестане, где на небольшой территории более двадцати языков? Парадоксальным образом идеи ученого стали (хотя вряд ли под его прямым воздействием) осуществляться во многих частях бывшей Российской империи, но не в Польше. Там после восстановления независимости польский язык получил все права, но остальные языки, включая русский, оказались в угнетённом положении.

Многое из того, что писал выдающийся ученый, весьма интересно и оригинально. По-настоящему талантливый человек талантлив во всём, и идеи И. А. Бодуэн-де-Куртенэ по любому вопросу представляют ценность. К тому же в наши дни они оказываются более актуальными, чем это казалось 20–40 лет назад.

В. М. Аллатов

ДИАСПОРЫ

ИЗ ИСТОРИИ
ЕВРЕЙСКИХ
ДИАСПОР

ПОЛЯКИ И ЕВРЕИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ: ДИНАМИКА СБЛИЖЕНИЙ И КОНФЛИКТОВ (1939–1941 гг.)

Евгений Розенблат, Сергей Струнец

В период 1921–1939 гг. евреи занимали в польском обществе своеобразное положение. С одной стороны, они были наиболее лояльным по отношению к Польше национальным меньшинством. В системе межэтнических отношений, сложившейся во II Речи Посполитой (II РП), в роли опасных для государственных устоев элементов в 1920–1930-е гг. выступали, прежде всего, украинцы и белорусы — титульные этносы «кресов восточных»¹. В то же время, этническая напряженность между поляками и евреями в межвоенный период постоянно возрастала по мере усиления социально-экономической конкуренции двух групп. Следуя принципу «национализирующего» национализма², польское руководство проводило протекционистскую политику в отношении поляков, перейдя во второй половине 1930-х гг. к использованию государственного давления на евреев в сфере экономики. Это, в свою очередь, вело к росту маргинальных элементов в их среде. Маргиналы составляли группу, готовую к решительным действиям для реализации своего личностного и социального потенциала.

Ситуация усугублялась общей экономической отсталостью восточных воеводств Польши. Кроме того, исторически среди евреев было много представителей свободных профессий, т. е. интеллигентной и полуинтеллигентной массы. Взятый в 1930-е гг. польскими властями курс на ужесточение государственной политики в отношении этой части населения, поддержка значительной частью поляков бойкота еврейской торговли и производства, а также погромные акции националистов спровоцировали нарастание в рядах евреев

Розенблат Евгений Семенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и истории мировой культуры Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина; Струнец Сергей Владимирович, выпускник исторического факультета того же университета, стипендиат польского Фонда им. Стефана Батория.

оппозиционных антипольских настроений. Немалую роль в этом играла и пропаганда из СССР. Именно на этой платформе — неприятия польской власти — происходила солидаризация части белорусского и еврейского населения Западной Белоруссии и оформление его просоветской ориентации.

Надо отметить, что поляки были особой категорией жителей региона. Их положение, с одной стороны, определялось тем, что они составляли меньшинство населения, и отношения с непольским окружением далеко не всегда складывались дружелюбно. Это обеспечивало сплоченность данной национальной группы. С другой стороны, в силу проводимой II РП в регионе политики именно поляки занимали ведущее положение в экономической и общественной жизни. Они являлись основной частью управленческой и интеллектуальной элиты «кресового» общества. К тому же накануне второй мировой войны северо-восточные воеводства считались самым безопасным регионом страны. В польском общественном мнении господствовало убеждение, что белорусы — наименее активная в отстаивании своих интересов национальная группа, и от них не ожидалось каких-либо подрывных действий в случае осложнения ситуации (в отличие от украинцев). Тем сильнее оказалось для поляков потрясение от событий, произошедших после 17 сентября 1939 г.

В отношении же к евреям у польского населения преобладали негативные стереотипы. Так, само слово «еврей» (*żyd*), как правило, имело отрицательный оттенок. Рядовых поляков раздражал внешний вид евреев, неумение хорошо говорить по-польски. Повсеместно считалось, что еврей является трусом, который неспособен постоять за себя в открытой схватке. Кроме того, евреев наделяли такими типичными для группы-конкурента чертами, как эгоизм, хитрость, лицемерие, бесчеловечность, алчность. Еврейский торговец отождествлялся с пронырой и обманщиком. Им приписывались недобросовестность в экономической деятельности, спаивание крестьян, распространение порнографических изданий среди польской молодежи и т. д. В ответ на подобные обвинения и антисемитскую травлю, евреи предрекали гибель польского государства и обещали отомстить после прихода Красной Армии: «Вы еще будете у нас сапоги чистить...»³.

Социальная и этническая напряженность во II РП значительно снизилась накануне войны. Ожидание вооруженного

конфликта, который угрожал существованию самого польского государства, отодвинуло на второй план многие острые проблемы внутренней политики, в том числе и национальный вопрос. На фоне предстоящей борьбы с врагом в стране наметился процесс общественной консолидации, в том числе заметно потеплели взаимоотношения евреев и поляков, евреев и польского государства. Г. Липиньска, учительница из Гродно, так вспоминает предвоенные события: «Я... и другие учителя много разговаривали с резервистами. Это прежде всего поляки и белорусы, немного евреев, татар, несколько литовцев. Все независимо от национальности спокойны, разговорчивы, доверительны, дисциплинированы. Поляки и татары — разговорчивы, белорусы — симпатичны. Обычно молчаливые литовцы — несколько болтливы... Евреи неожиданно не проявляют врожденного беспокойства и враждебности»⁴. Были случаи, когда на призывные пункты являлись даже находившиеся в розыске активисты КПЗБ⁵.

Результатом сложившегося социально-психологического климата стало активное участие евреев в сентябрьской кампании против Германии. Они предоставляли свои дома для отдыха возвращавшимся с фронта частям польской армии, для военных госпиталей; оказывали различную материальную и финансовую помощь; вместе с поляками участвовали в строительстве оборонительных сооружений и в восстановительных работах, в деятельности Лиги противовоздушной и противопожарной обороны.

Однако, внешне идиллическое сосуществование поляков и евреев в канун войны ухудшалось по мере того, как становились очевидным, что военная кампания развивается не в пользу Польши. Антисемитизм поляков проявлялся в том, что евреев могли не пустить в бомбоубежища польских домов, изгнать из очереди за водой или хлебом, избить, отобрав продукты. Своего недоверия к евреям не сумело преодолеть и польское государство. Так, к примеру, далеко не полностью был исчерпан мобилизационный потенциал еврейского населения. Более того, перед войной произошли массовые увольнения евреев из армии⁶.

Постоянные поражения польских войск, угроза оккупации, лишения военной поры, ухудшение криминогенной обстановки, а также тот факт, что Польша так и не стала «родным домом» для национальных меньшинств, в итоге оттолкнули

последних от участия в защите II РП. Так, в рапорте полковника польской армии А. Эплера, формировавшего в тот период дивизию «Кобрин» на Полесье, сообщалось, что среди добровольцев преобладали поляки, белорусов и украинцев было относительно мало, а евреев не было вообще⁷.

Ситуация еще более осложнилась после начавшегося 17 сентября 1939 г. освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Как отмечают этнопсихологи, даже при осознании ситуации как конфликтной, социальная конкуренция может и не вылиться в конфронтацию, ведь, как правило, низкостатусные группы вступают в борьбу с высокостатусными, если они воспринимают межгрупповые отношения не только как незаконные, но и как нестабильные⁸. Именно в ситуации нестабильности, возникшей в результате советского вторжения, появилась реальная возможность для «мщения» за «травмы», нанесенные в межвоенный период.

С середины сентября на территории бывших северо-восточных воеводств II РП действовало большое количество вооруженных формирований: части Войска Польского, подразделения советских и немецких спецслужб, отряды самообороны, банды уголовников, группы дезертиров, а затем — части РККА и вермахта. В этот период регион был буквально наводнен оружием. Уже после установления советской власти в письме представителя Временного управления г. Камень-Каширска сообщалось: «Все деревни вооружились. Предпринимаем действия по его (оружия) сбору и транспортировке»⁹.

К началу советского вторжения среди населения «кресов восточных» распространилось уверенность, что крах польского государства неминуем. Этому во многом способствовал приток беженцев из центральной и западной частей Польши, начавшаяся эвакуация органов управления, ход боевых действий против Германии. Известие о вступлении на территорию Польши Красной Армии только усилило эту убежденность, что, в свою очередь, способствовало росту активности радикальных элементов. Уже 17 сентября 1939 г. в регионе не существовало какой-либо единой системы управления ни гражданской администрацией, ни воинскими частями. Те, кто здесь представлял польское государство, сами были дезориентированы и не знали, как себя вести в сложившейся ситуации.

Польские военные также оказались не готовы к советскому вторжению. Этому во многом способствовали распространившиеся слухи о том, что РККА будет помогать Войску Польскому в борьбе с вермахтом, а также приказ главнокомандующего вооруженными силами Польши Э. Рыдз-Смиглы, который запрещал вступать в боевые столкновения с Красной Армией. В такой ситуации все зависело от поведения того или иного польского командира, его видения обстановки, его понимания происходивших событий. Субъективность присутствовала и в деятельности различных революционных комитетов, повсеместно возникших в регионе накануне и сразу после советского вторжения.

Различные этнические группы по-разному представляли свою роль в происходящем. Одни (в основном поляки) до конца защищали суверенитет Польши и всеми способами подавляли антигосударственные, с их точки зрения, акции. Другие (главным образом белорусы и евреи) отстаивали свои идеалы, за которые подвергались гонениям во II РП, и помогали Красной Армии в сборе разведывательной информации, при охране коммуникаций; занимали населенные пункты до прихода частей РККА; нападали на небольшие отряды польской армии¹⁰. Классическим примером подобного рода действий могут служить события в Гродно, м. Скидель и ряде других населенных пунктов. Так, после начала освободительного похода «повстанцы» заняли Острино, Озеры и несколько других местечек, но в ходе боев 18–19 сентября 1939 г. с частями польской армии их оттуда выбили. Всех, кого при этом схватили с оружием в руках, расстреляли. В Скиделе восстание началось, вероятно, 18 сентября. Были захвачены полицейский участок, почта, электростанция, разоружены и арестованы находившиеся в местечке польские полицейские и военнослужащие, затем повстанцы заняли железнодорожную станцию. В ходе проведения карательной операции отряд был частично уничтожен, а частично рассеян, однако уже через несколько дней его остатки участвовали в штурме Скиделя вместе с частями Красной Армии¹¹.

В Гродно, еще до начала боев за город, вспыхнуло вооруженное восстание, в котором активное участие приняла часть местного еврейского населения. Так, один из участников оборона 1939 г. вспоминает: «День восемнадцатого сентября мы провели частично в казармах..., но было и патрулирование, и

акции очистки города от красных групп, грабивших склады. Наш взвод был послан с заданием очистить Площадь Батория, где засели местные коммунисты и заблокировали движение по центру города...»¹². Другой защитник Гродно охарактеризовал эти события как «коммунистическо-еврейский бунт»¹³. В данном случае повстанческие отряды также не были окончательно разгромлены и помогали советским войскам штурмовать город. Естественно, что в подобного рода выступлениях приняла участие определенная часть еврейского населения. Кроме того, полякам буквально врезались в память случаи, когда евреи указывали дорогу советским танковым войскам в боях за Вильно и Гродно. Так, один из очевидцев вспоминает, что при штурме Вильно на каждом танке сидел еврей с красной повязкой¹⁴. В Гродно как минимум в трех случаях проводниками танков были молодые еврей-коммунисты, бежавшие до войны в СССР¹⁵.

Как при любой военной кампании, имели место случаи бесчеловечного обращения с противником, вина за которые лежит и на тех, кто осуществлял подобные действия, и на тех, кто этому способствовал. Жена командующего III округом «Гродно» генерала Ю. Ольшины-Вильчинского, расстрелянного советскими солдатами, вспоминает: «Советские солдаты выбивали глаза раненым польским бойцам. Подражая, то же самое делали белорусы и евреи»¹⁶.

Полька Г. Липиньска, очевидец боев за Гродно, пишет: «...Танк останавливается передо мной. На танке — распятое тело ребенка, мальчика [поляка — Е. Р., С. С.]. Его кровь течет струйками по железу... Из танка выскакивает черный танкист, в руке браунинг. Он нам угрожает. Из соседнего дома с поднятым вверх кулаком выбегает молодой еврей и охрипшим голосом кричит, в чем-то обвиняя нас и мальчика...»¹⁷.

Другая жительница Гродно, В. Дуда, вспоминает следующие события: «Ужасная судьба постигла польских солдат и сотни жителей Гродно, попавших в плен, на кого указали еврейские и белорусские банды. Мужчин сначала калечили, обрезали носы, уши, выкалывали глаза, затем по 15 человек связывали колючей проволокой, привязывали к танкам и тащили по брусчатке несколько сотен метров. Затем их сбрасывали в придорожные рвы... Ситуацию усугубляли пожары — это горели польские дома, подожженные еврейской молодежью, надевшей красные повязки и кокарды»¹⁸.

По всей вероятности, польская сторона действовала не менее жестоко. Очевидцы событий, польские военнослужащие, вспоминают следующие эпизоды: «Передвигаемся по восставшему краю. Как репрессии против нападений, сжигаем целые деревни и массово расстреливаем вооруженное население». «Войска шли по взбунтовавшейся территории, перед оградами польских осад лежали трупы мужчин, женщин, детей. Целые колонии стояли покинутые, со сломанными дверями, разгромленными хозяйственными постройками. Днем над горизонтом поднимались столбы дыма от уничтожающего польское имущество огня... Дорога армии обгадилась приговорами чрезвычайных судов, уничтожением захваченных вооруженных деревень»¹⁹.

Непосредственное участие евреев в боевых столкновениях с частями польской армии и полиции имело свое естественное продолжение в том, что на всей территории региона они сыграли заметную роль в организации революционных комитетов, отрядов милиции; с воодушевлением встречали советские войска.

Так, очевидцы вспоминают, что в Ломже «...еще до вторжения Красной Армии местные коммунисты-евреи созданием революционный комитет и во время прихода Красной Армии приветствовали ее, жестоко издевались над нашими солдатами и гражданским населением. Были созданы комитет и полиция, куда вошли, в основном, одни евреи»²⁰. В Пинске за день до прихода войск возник коммунистический комитет, установивший триумфальную арку и организовавший встречу советских бойцов. По воспоминаниям поляков, в состав комитета входили в основном евреи²¹. В Вилейке евреи также приветствовали РККА с цветами²². Необходимо отметить, что, согласно большинству реляций, евреи не выступали самостоятельно. Они, как правило, объединялись с представителями других меньшинств — белорусами, реже украинцами. Также указывается, что евреи действовали совместно с криминальными, маргинальными и антигосударственными элементами²³.

Авторы реляций утверждают, что деятельность комитетов носила ярко выраженный антипольский характер. Зачастую представители этих самопровозглашенных институтов власти являлись инициаторами убийств, обысков, грабежей поляков. Польский историк К. Ясевич, описывая события второй половины сентября 1939 г., отмечает: «На кресах убивали все: бело-

русы, украинцы, коммунистические банды, банды уголовников... В этом процессе не участвовали литовцы, немецкие колонисты, чехи, местные караимы, армяне, русские, татары. Евреи часто выступали в роли “милиционеров”, но не непосредственных исполнителей. Наметилась определенная тенденция: чем более высокий цивилизационный уровень представляла данная нация, тем меньшую склонность она проявляла к установлению справедливости путем физического уничтожения и меньшее стремление к грабежу»²⁴.

Возможно, причина такого поведения в том, что убийства скорее были характерны для сельской местности, небольших поселений (деревень, хуторов), которые определенное время находились в состоянии безвластия, оставаясь не занятыми частями Красной Армии. В городах и местечках, где проживала основная часть евреев, сложилась иная ситуация. С одной стороны, в близлежащие к советской границе крупные населенные пункты сразу были введены части РККА, и там установление просоветских органов власти шло под контролем армии и оперативных групп НКВД. С другой стороны, в более отдаленных от границы городах и местечках, после ухода оттуда польской администрации, создавались отряды гражданской охраны²⁵. Таким образом, в обоих случаях ситуация более-менее контролировалась.

Учитывая массовость такого явления, как организованные торжественные встречи советской армии и сопутствовавшее им возникновение «ревкомов», ряд польских исследователей высказывают мнение о том, что эти процессы инспирировались советскими спецслужбами. Подобная «массовая поддержка» должна была обосновать справедливость исторического акта «воссоединения белорусского народа». В выполнении этой задачи участвовали актив КПЗБ и советские спецподразделения²⁶. Так, в одном из донесений Красной Армии сообщалось: «Разведывательная сеть была широко развита. Работа агентуры связана с деятельностью диверсионных отрядов, сбрасываемых с самолетов на парашютах. Их численность — 10—12 человек. Вооружение: винтовки, пулеметы, ручные гранаты. Нападают на тылы, штабы, небольшие отряды Войска Польского. Разведывательная сеть, кроме сбора информации, предпринимает целый ряд активных действий, в конечном итоге облегчая достижение успеха. Это: провокация, дезори-

ентация населения, распространение паники в войсках и среди населения, отравление воды и т. д.»²⁷.

Примерно те же задачи реализовывала немецкая разведывательная сеть и диверсионные отряды на территории Западной Белоруссии²⁸. Кроме того, активизировались местные уголовники всех национальностей, ожидая возможности грабежа. К общему хаосу добавились беженцы из Западной и Центральной Польши, а также мародеры и дезертиры из Войска Польского, которые, оторвавшись от своих частей, стремились добраться домой. Эти криминально-анархистские элементы осуществили ряд нападений на евреев и их собственность. До подобных эксцессов дошло в мм. Остроленка, Кнышин, Волковыск, где было убито семь человек, и в других населенных пунктах²⁹. Возможно, подобные обстоятельства также явились причиной участия евреев в вооруженных отрядах самообороны, которые затем влились в состав рабочих гвардий, организуемых советской властью.

Очевидно, что, пользуясь временной дезориентацией большей части населения, в том числе и еврейского, коммунисты во многих случаях являлись организаторами подобных отрядов, преследуя свои цели. Для рядовых же евреев группы самообороны выступали средством защиты интересов людей, находящихся под угрозой нападения.

Существуют различные точки зрения на подобное просоветское поведение евреев в этот период. Израильский исследователь Б. Пинчук утверждает, что оно было результатом страха перед погромами и нацистским террором³⁰. Другие ученые считают, что евреи, окруженные недоброжелательным крестьянством, ждали опеки от какой-либо сильной власти, потому что там, где не было польской полиции и польской армии, правили вооруженные революционно-криминальные группы. Поиск защиты от них был непосредственной причиной приветствия советских освободителей³¹.

Открытым остается вопрос о том, какая доля еврейского населения приняла непосредственное участие в просоветских акциях. Во многих случаях торжественные встречи организовывались в принудительном порядке, и присутствие на них было обязательным³².

Поляки, в свою очередь, рассматривали подобные действия как акт измены родине независимо от причин, их вызвавших. Любая вооруженная группа представителей меньшинств

атаковалась не только регулярными частями польской армии, но и полицейскими, имеющими оружие служащими, осадниками³³. Имевшее место накануне войны потепление международных отношений переросло во второй половине сентября 1939 г. в краткосрочный вооруженный конфликт между частью евреев и белорусов (революционные комитеты) с оставшимися на данной территории представителями польских государственных институтов (армией, полицией) и частью польского населения (вооруженные группы резервистов, отряды гражданской охраны). Вакханалия убийств и грабежей продолжалась в регионе в течение нескольких дней. Возможно, подобная ситуация также способствовала тому, что не только евреи и белорусы с надеждой ожидали прихода Красной Армии. В воспоминаниях многих поляков отмечается, что антипольские акции прекращались с приходом в тот или иной населенный пункт частей РККА³⁴. Вместе с тем сохранились свидетельства и о том, что в первое время после получения контроля над регионом советская власть в некоторых случаях действительно дала своим сторонникам своеобразный карт-бланш и позволила частично расправиться с врагами. Все это ускорило «дифференциацию» общества, позволило быстро обрести активных сторонников, в максимально сжатые сроки сориентироваться в местных особенностях, ограничить или парализовать деятельность наиболее ярых антисоветских элементов.

Однако приведенные выше факты не означают, что польско-еврейские отношения ограничивались в этот период лишь взаимной враждой. Так, в боях за Гродно евреи сражались и на стороне защитников города, проявляя беспримерное мужество³⁵. Имели место случаи, когда евреи прятали поляков от преследований со стороны советских карательных органов. Например, С. Фальковского, владельца имения в Пинском повете³⁶, бывшего председателя окружного суда в Пинске и последнего председателя «Кресового союза землян»³⁷, знакомые евреи в сентябре 1939 г. спрятали в Янове Полесском. М. Рымшу, владелицу имений в Несвижском и Лидском поветах, в 1939 г. укрывали клецкие евреи³⁸.

Таким образом, вывод о массовых антипольских настроениях несколько преждевременен. Данный вопрос требует дальнейшего изучения, тем более, что известны случаи помощи евреев полякам, а часть еврейского населения оставалась лояльной к Польше³⁹.

Активное участие евреев в торжественных встречах частей РККА и формировании новых органов власти, а также их массовый исход из западных и центральных областей Польши сделали их в глазах поляков предателями, «вонзившими нож в спину» сражающемуся польскому государству. Обеспечение советской властью безопасности евреев, их выдвижение на партийную и государственную работу положили начало формированию устойчивого стереотипа, согласно которому новый режим воспринимался как «жидовская власть». Подобная позиция польского населения четко зафиксирована в оперативных донесениях НКВД. Типичными для этого времени являлись высказывания типа: «Было бы все хорошо, если бы не было жидов, они всю власть взяли в свои руки и делают над поляками все, что захотят, их надо всех вешать»⁴⁰. «Мы не должны подчиняться евреям, их нужно выбросить из комитета. Нас, поляков, много, и мы еще вернем нашу Польшу». На улицах городов стали появляться листовки антисоветского и антиеврейского содержания: «Поляки, сопротивляйтесь русификации, будьте поляками и католиками, вон — евреи и коммунисты», «Да здравствует Польша, прочь — большевики, вон — евреи»⁴¹.

Всплески антиеврейских настроений особенно четко проявлялись в период избирательных кампаний в Народное собрание Западной Белоруссии, Верховные Советы СССР и БССР, местные советы. В этом отношении особенно выделяются выборы в Народное собрание — первая подобного рода акция советской власти, которая должна была придать законность факту присоединения региона к СССР. Выражаясь языком современной политологии, новый режим более чем на сто процентов использовал административный ресурс. Власти уделяли мероприятию первостепенное значение. Инстанциями разного уровня, начиная с Политбюро ЦК ВКП(б), были разработаны детальные инструкции⁴².

Активную роль на стадии подготовки и проведения выборов сыграла часть еврейского населения, что в сознании поляков отразилось как их массовое участие в работе советских органов власти. Состав избирательных комиссий воспринимался избирателями-поляками так: «НКВД и местные»; «украинцы, евреи, люди, которые сидели при Польше в тюрьме»; «в основном неизвестные люди, назначенные НКВД»; «в основном евреи и белорусы»; «евреи»; «поляки не входили»⁴³.

Ситуация усложнялась тем, что избирательные комиссии составляли списки для голосования, которые после выборов были использованы НКВД при проведении репрессий.

Значимость и содержание вопросов, которые должно было решить Народное Собрание, а также методы проведения избирательной кампании лишь усилили негативное отношение польского населения к советской власти. Естественно, что активное участие евреев в этом процессе отрицательно сказалось на взаимоотношениях двух национальных групп, окончательно закрепив за евреями образ пособников нового режима.

Важнейшим фактором, повлиявшим на динамику межэтнических отношений, являлась кадровая политика новых властей. Необходимо отметить, что при формировании представительных органов республиканского и областного уровня старались учитывать особенности национального состава региона, и процент евреев, как правило, не превышал их пропорции в общей численности населения. Так, из 927 депутатов Народного собрания Западной Белоруссии белорусов было 651, поляков — 127, евреев — 72, украинцев — 53, русских — 43⁴⁴. Среди кандидатов в депутаты Вилейского областного совета в конце 1940 г. белорусы составляли 63,3%, русские — 18,3%, поляки — 5,6%, евреи — 7,04%⁴⁵.

Иная ситуация сложилась в городских советах и органах исполнительной власти. Так, в совете Белостока евреи составляли 20,6% депутатов, в Ломже — 24%, в Гродно — 26,5%⁴⁶. По Пинской области на январь 1941 г. евреев было 25,5% среди местных выдвиженцев, причем в областных организациях и учреждениях — 49,5%. Высоким оказался процент евреев среди учителей — около 25%, врачей — около 65%, бухгалтеров, плановиков, счетоводов — примерно 50%⁴⁷. По Слонимскому району среди 1804 местных выдвиженцев было 786 белорусов (43,5%), 782 еврея (43,3%), 34 русских (1,8%) и 13 представителей других национальностей (0,6%)⁴⁸.

С учетом этнического состава городов и местечек и в связи с удалением поляков из государственной, социальной и хозяйственной инфраструктуры, процесс заполнения освободившихся мест именно евреями являлся вполне закономерным, исходя из их образовательного уровня и традиционных занятий. Однако подобная ситуация, естественно, приводила к нареканиям со стороны «пострадавшей» части населения. Так, остро проявлялось профессиональное соперничество между

медработниками Барановичей. Медики-неевреи жаловались, что в городской больнице были оставлены исключительно врачи-евреи, а врачей других национальностей перевели на другую работу в городе или послали в районы⁴⁹. Естественно, что подобные случаи вызывали недовольство и укрепляли антисемитские настроения.

Негативную реакцию местных жителей вызывали переселенцы из восточных частей Белоруссии, так называемые восточники. Среди них также было определенное количество евреев, которые назначались на ответственные должности в партийном, государственном и карательном аппарате. Так, в Барановичской области Н. И. Кагана назначили секретарем обкома КП(б)Б по кадрам, Б. Х. Островского — секретарем обкома по пропаганде, И. Д. Масарского — секретарем обкома ЛКСМБ. В Брестской области Я. М. Горелик стал секретарем обкома по кадрам, И. М. Соловей — председателем брестского горисполкома, Т. Р. Шалман — руководителем ОблФо. В Вилейской области Б. Х. Перогинский получил должность второго секретаря обкома партии, Н. Б. Горфункель — руководителя ОблФо. В Белостокской области секретарем столичного горкома партии стал Г. М. Гершман, а в Пинской области — И. В. Гимельштейн⁵⁰. На 25 октября 1940 г. евреями были 41,2% всех служащих, занятых на судебно-прокурорской работе по Пинской области и выдвинутых на должности из местного населения⁵¹.

Не меньшее недовольство людей, причем не только поляков, вызывали случаи использования евреями-руководителями своего служебного положения в личных целях. Так, в одном из спецсообщений НКВД говорилось о ситуации на Лидском проволочно-гвоздильном заводе № 3, где директор Парникель «вместо непосредственного руководства заводом и борьбы за выполнение производственной программы, систематически отлучается с завода по своим личным делам... доверяя всю работу бывшему хозяину завода... Езерницкому Мордуху Ицковичу..., который запятнал себя плохим отношением к рабочим при Польше и продолжает их третировать»⁵². В другом отчете сообщалось, что некто Гершман, заведующий отделом здравоохранения одного из городов Западной Белоруссии, был уличен в разворовывании государственных средств⁵³.

Совершенно очевидно, что подобное отношение вызывало однозначно отрицательную реакцию местного населения.

Ситуация в значительной мере ухудшилась после замены злых на рубли, что лишило беженцев средств к существованию и заставило активно включиться в спекулятивную торговлю. Очевидцы описывают данную ситуацию следующим образом: «В слонимских магазинах ничего не купишь и ничего не успеешь достать. Слоним переполнен беженцами, которые ходят без работы, а живут без квартир, прямо в синагогах, целыми семьями. В Слониме вшивость расплодилась на 70%, поэтому появились массовые заболевания брюшным тифом, вот рассчитай, какой процент беженцев имеется здесь, когда из 18 000 жителей здесь насчитывается 50 000». Другой житель того же города пишет: «Правильно сказать, что в Слониме ничего нового, одно то, что спекуляция все поднимается вверх, спекулируют и малые чины, и большие. Словом, Слоним теперь — гнездо беды»⁵⁴.

Высокий процент евреев во многих сферах советизированной экономики также вызывал межнациональные трения, усиливавшиеся по мере нарастания товарного голода. Неконтролируемые масштабы приобретала спекуляция товарами первой необходимости. В докладной записке секретаря Белостокского обкома партии наркому юстиции БССР от 14 марта 1940 г. сообщалось, что размеры данного явления в городах области вышли за рамки уголовщины и приняли характер классовой борьбы⁵⁵. В рапорте эмиссара Армии Крайовой (АК) Я. Карского данная ситуация изложена следующим образом. «Евреи здесь [в СССР — Е. Р., С. С.] не только не преследуются, но и, благодаря своей ловкости и способности приспосабливаться к каждой ситуации, имеют определенные политические и экономические возможности. Они входят в состав политических органов, заняли значительную часть политико-административных должностей, играют достаточно большую роль в профсоюзах, во всех учебных заведениях, но прежде всего в торговле и в первую очередь нелегальной (контрабанде, торговле спиртом, краденым, всякого рода посредничестве)... во многих случаях их положение экономически и политически лучше довоенного. Это прежде всего относится к мелким торговцам, ремесленникам, пролетариату, полуинтеллигенции»⁵⁶.

Отмечая нарастание межнациональных трений и, в частности, еврейского вопроса, советское руководство пыталось скорректировать ситуацию, проводя «деевреизацию» кадров и заменив к зиме 1939 г. значительную часть местного актива на «восточников», а также проведя летом 1940 г. спецоперацию

по переселению беженцев вглубь СССР. Однако образ неработающего еврея-спекулянта, дополненный образом такого же еврея-руководителя, укрепились в сознании нееврейского населения надолго. Антисемитские настроения, во многом как часть антисоветских, перемещались вместе с их носителями: в Сибирь — с депортированными осадниками, в Генерал-губернаторство⁵⁷ — с беженцами-поляками, и уже там оказывали значительное влияние на отношение к евреям.

О высоком уровне антисемитизма в самой Западной Белоруссии могут свидетельствовать отчеты польского подполья. Так, в рапорте эмиссара АК Я. Карского сообщалось, что «отношение евреев к большевикам поляками рассматривается как крайне положительное. Считается, что евреи предали Польшу и поляков, что в принципе все они коммунисты, что пришли к большевикам с развернутыми знаменами... Во многом евреи здесь создали ситуацию, когда поляки считают их преданными большевикам и — смело можно сказать — что они ждут момента, чтобы отомстить евреям. Все поляки разочарованы евреями — подавляющее большинство (прежде всего молодежь) буквально ждет возможности “кровавой расплаты”»⁵⁸. В другом рапорте АК, посвященном настроениям населения на территории, вошедшей в состав СССР, сообщалось: «Ненависть к большевикам влечет за собой беспредельную ненависть крестьянских и мелкопомещанских масс к евреям, за их симпатии к оккупантам... (кроме сионистов и бундовцев), и массовое участие в новой администрации и большевистской милиции»⁵⁹.

Характерным в этом плане было поведение польской и еврейской молодежи во время празднования очередной годовщины Великого Октября. Польша Г. Керска так вспоминает этот день в Бресте: «В конце октября в школах начались приготовления к празднику революции. Для нас это новинка. Учителя под угрозой проверки присутствующих требуют прибытия. Вручают нам портреты творцов революции — Ленина и Сталина, красные флажки. Никто не хочет это нести. Девочки плачут, разнервничавшиеся учителя всучивают портреты парням, а они избавляются от них при остановках, оставляя под деревьями, в воротах, теряют флажки, ими утыкана проезжая часть. Перед трибуной молодежь стоит с опущенной головой, парни снимают шапки, т. к. трибуна установлена на улице Люблинской унии, напротив костела. Через усилитель захлебывающийся оратор приветствует гимназическую молодежь и

призывает смотреть вправо. Напрасно, все поворачивают головы влево, к костелу. Я глянула мельком в сторону трибуны, а там, рядом с Советами... стояли дружественные и видимо приглашенные немецкие военные, которые, глядя на нас, смеялись от уха до уха... На главных улицах города — Люблинской унии и 3-го Мая — развесили многометровой величины портреты Ленина, Сталина, Ворошилова и других неизвестных... Через два дня кто-то подрезал внизу эти полосы. Они свернулись. Ветер трепал полотно. Пришлось их снять, больше не вешали...»⁶⁰.

Примерно то же самое происходило в Белостоке. В одном из донесений польского подполья описан следующий случай: «Еврейская молодежь вела себя вызывающе и провоцировала молодых поляков фразами типа: “Вашей Польши больше нет. Ваша Польша больше не вернется”. Контраст в поведении польской и еврейской молодежи особенно отчетливо проявился во время двухчасовой демонстрации во время празднования годовщины революции 7 ноября 1939 г. в Белостоке. Учащиеся всех еврейских школ, даже самые младшие, непрерывно пели по-русски песни... У всех еврейских детей были красные кокарды и звезды. Они вырывали друг у друга транспаранты и портреты, а во время парада радостно выкрикивали приветствия в честь Красной Армии. Польская школьная молодежь шла как на похороны, молча, без звезд, опустив головы напротив трибуны, не выкрикивая лозунгов. Ученицы “теряли” сознание, когда им вручали советские транспаранты...»⁶¹.

Распространенным явлением среди поляков стали угрозы расправиться с евреями при первом удобном случае. В спецсообщениях НКВД четко отразилось нежелание евреев оставаться на территориях, передаваемых Литве, из-за опасности еврейских погромов. Такая угроза исходила, прежде всего, от польского населения, которое, в общем, этого и не скрывало. Так, в очереди в магазине поляк мог заявить евреям: «Радовались, что придет Красная Армия, а сейчас придет Литовская армия, а вместе с ней поляки, тогда из евреев польется красная кровь»⁶². За словами иногда следовали дела. Так в ночь с 25 на 26 октября 1939 г. в местечке Подбродзе Свентянского повета (территория, которая должна была перейти к Литве), после ухода отряда красной кавалерии, группа поляков устроила еврейский погром; они разграбили еврейские магазины и ранили четырех евреев⁶³.

Подобные случаи были и на территориях, занятых советскими войсками. В октябре 1939 г. банда, состоявшая, по сведениям НКВД, из польских солдат, совершила налет на м. Тшчяны Белостокского повета, где устроила погром еврейского населения, сопровождавшийся грабежом. Предводитель банды при этом выкрикивал следующие призывы: «Бейте евреев за Гродно и Скидель. Пришла пора расправы с ними, мы вырежем всех евреев»⁶⁴. В местечке Райград Белостокской области 14 июня 1940 г. в здание клуба, который до этого покинула польская молодежь и остались в основном евреи, бросили две гранаты. В результате погибло пять человек, ранено 20⁶⁵.

И все же приведенные выше факты были скорее исключением, чем правилом. Тоталитарный режим давал достаточную гарантию безопасности, при этом пресекая попытки несанкционированного насилия по отношению к лояльной части населения. Так, в г. Августове евреи попросили у советской администрации два часа для мести полякам, в течение которых они рассчитаются за то, что пережили в период польского правления. Инициаторы акции были арестованы⁶⁶.

В условиях, когда главные конкуренты — поляки, уже «платились» за старые обиды и были отброшены на периферию политической и экономической жизни, для евреев главной задачей стала адаптация к новым условиям. При этом активно враждебное отношение к полякам отодвинулось на второй план и перестало быть актуальным.

Значительная часть еврейского населения, в том числе и многие из тех, кто нейтрально либо положительно относился к смене власти в регионе, изменили свою позицию по данному вопросу. Приведенные ниже примеры антисоветских настроений, распространенных в еврейской среде, показывают, что у значительной части евреев отношения с «советами» складывались довольно сложно и с самого начала не были однозначно положительными. Это объясняется тем, что сама по себе еврейская община Польши не была единой ни в социальном, ни в политическом плане. Существовала также известная разница в восприятии происходящего отдельными возрастными группами. Отсюда различная реакция на действия советских властей тех или иных категорий еврейского населения.

Поведение администрации порождало разные формы протестных настроений, однако, в отличие, скажем, от поляков, боровшихся за возрождение своей государственности, дейст-

вия евреев редко были направлены на подрыв существующего строя. В основном подобные настроения в их среде стали результатом недовольства социально-экономической и религиозной политикой властей, а также репрессивными акциями.

Пожалуй, самой распространенная и в то же время самая трудная для описания форма протеста — пассивное недовольство, которое выражалось в сетовании на власть в узком кругу знакомых, в переписке. Так, в одном из городков Западной Белоруссии хозяйка объясняла сложившуюся ситуацию приехавшему родственнику: «Да, сегодня и гостю предложить нечего, с тех пор, как большевики все уничтожили. Может ли кто-нибудь что-то продать сегодня? Если бы не было нашей коровы, было бы в несколько раз хуже, мы были бы на грани смерти»⁶⁷.

Из другого городка еврейская мать писала сыну в Америке: «...наш мир рушится. Говорят, что Бог сначала дает ад, потом — рай. С нами наоборот: сначала у нас был рай, сейчас мы погрузились в настоящий ад»⁶⁸. Кроме того, неприятие нового образа жизни могло выражаться в полном или частичном сохранении прежнего уклада: соблюдении обрядов, религиозных праздников и т. д. (в том числе определенной частью коммунистов). Еще многие евреи редко ограничивались регистрацией брака в соответствующих учреждениях и продолжали для этого посещать синагогу. В данном контексте на «качество» антисоветских настроений серьезно повлиял указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Он вызвал резко негативную реакцию и без того отрицательно настроенных к режиму раввинов. Органы госбезопасности СССР на протяжении всего периода 1939—1941 гг. подчеркивали неблагонадежность раввинов, а партийные органы накануне религиозных праздников постоянно требовали усиления антирелигиозной агитации⁶⁹.

Подобные опасения действительно имели основания, особенно после вышеупомянутого указа. Так, 6 июля 1940 г. (в субботу) на Барановичском лесопильном заводе «Знамя Советов», где трудились в большинстве своем евреи, на рабочих местах отсутствовало 15 человек. На другой день они заявили, что вместо субботы будут работать по воскресеньям⁷⁰.

Распространение таких настроений в какой-то степени застало новый режим врасплох. В ряде случаев власти на местах

пытались дистанцироваться от происходящего; органы прокуратуры и юстиции старались затянуть рассмотрение дел по прогулам в субботу или выносили приговоры, не соответствовавшие суровым советским законам⁷¹. Данный указ вызвал непонимание и неприятие у населения (особенно у беженцев) еще и тем, что в Польше они не могли представить подобного ограничения своих социальных свобод. Это также в значительной степени оказало влияние на нежелание части евреев работать в советских учреждениях и на предприятиях. Так, бывший директор лодзинской трикотажной фабрики заявил: «Должность, которую я могу получить, очень плохо оплачивается, там при полной нагрузке я могу получить только на скудную жизнь, а по новому закону не могу освободиться, если захочу, уйти с работы. Кроме того, в праздник (суббота) я не могу работать, я каким был, таким остался»⁷².

Еще одной своеобразной формой неповиновения режиму было участие евреев в «теневой экономике» и тесно связанной с ней контрабандной и спекулятивной торговле, что было особенно распространено среди беженцев из Центральной и Западной Польши, подавляющее большинство которых составляли евреи. Перевод торгово-финансовой системы на советскую валюту, отсутствие удовлетворяющих запросам населения условий труда, постепенное ухудшение экономической ситуации и нехватка продуктов питания заставляли людей активно включаться в нелегальное предпринимательство.

Одной из крайних форм несогласия с действиями властей стало публичное выражение недовольства режимом и антисоветская агитация. Сюда входили и религиозная пропаганда, и протесты по поводу экономической ситуации, и призывы бойкотировать выборы и др. Подобные случаи четко фиксировались в отчетах органов НКВД: «Со стороны антисоветского элемента из числа беженцев, враждебно настроенных к Советской власти, среди населения проводится антисоветская клеветническая агитация. Проживающий в г. Слоним беженец-еврей из Варшавы по вопросу выборов в местные советы сказал следующее: “Выборы — это какая-то игрушка, на которую никто не обращает внимания, зачем все это нужно... Что нам деревенские могут что-то сделать, всю власть имеет Сталин, и незачем было голосовать”»⁷³. Крайней формой такого рода высказываний были заявления евреев о предпочтительности немецкого правления. Так, сотрудница аппарата Брест-

Литовской железной дороги в разговоре заявила: «Дурные те люди, кто не бегут в Германию, теперь стало весьма видно, что это за освободители...»⁷⁴.

Надо сказать, что подобная, во многом парадоксальная, ситуация существовала и в отношении другой формы антисоветских настроений — стремления уехать из советской зоны оккупации. Территорию СССР евреи старались покинуть практически на протяжении всего периода осени 1939 г. — лета 1941 г. — в разных направлениях, но можно ли представить степень отчаяния и разочарования людей, стремившихся попасть на земли, оккупированные нацистской Германией? Будет уместным привести здесь несколько цитат очевидцев деятельности в Бресте советско-немецкой комиссии (весна 1940 г). Ю. Блюменстраух: «Если евреи бегут из страны, где свобода, равенство и счастье, под нож гестапо, то наверное, нет необходимости добавлять, что в этом раю им было в сто раз хуже, чем у явного врага — немца. Полагаю, что любые объяснения излишни. Хотелось бы привести маленький фактик. Когда во Львов, Владимир и Брест прибыли немецкие комиссии для реализации выезда за Буг, именно массы добровольцев-евреев сотнями и тысячами прославляли Германию и Гитлера. Только представьте себе толпы евреев, кричащих “Да здравствует Гитлер!”»⁷⁵. Х. Хадес: «Во время регистрации, по несколько часов стоя в очереди, я наконец получил карточку на выезд, что тогда воспринималось как счастье. Один немецкий офицер обратился к толпе евреев и спросил: “Евреи, куда вы едете? Вы что, не понимаете — мы вас уьем”»⁷⁶. Г. Шухман, зубной техник: «Началась регистрация беженцев, затем открылась советско-немецкая комиссия, которая должна была выслать всех беженцев в Германию. Часть беженцев уехала, часть осталась и устроила манифестацию, чтобы Красная армия пропустила их в немецкую зону, русские разогнали их кавалерией, через несколько дней их арестовали и вывезли в Россию»⁷⁷.

Своеобразной формой протеста было нежелание части евреев, особенно беженцев, получать советское гражданство, т. к. это влекло скорее приобретение обязанностей, чем прав. При этом необходимо учитывать опасность подобных действий, поскольку паспортизация, равно как и участие в выборах, рассматривалась властями как своеобразный тест на лояльность, и те, кто игнорировал данные мероприятия, часто подвергались репрессивным действиям со стороны режима.

Самым организованным проявлением антисоветских настроений еврейского населения явилось создание подполья и издание нелегальной литературы. Вскоре после того, как Западная Белоруссия была занята частями РККА, органы НКВД начали агентурную разработку всех членов «контрреволюционных, фашистских» еврейских организаций, а также провели аресты ряда их руководителей⁷⁸. Однако официальный запрет деятельности политических и общественных объединений не привел к ее фактическому прекращению. Оказавшись вне закона, они в основном занимались налаживанием каналов выезда людей из СССР, изданием нелегальной литературы; пытались с помощью мирового сообщества повлиять на судьбу депортированных евреев.

В отношении Западной Белоруссии особенно значимым был вопрос о возможностях перехода советской границы, т. к. после передачи Вильно Литве именно это направление становилось самым удобным для бегства из СССР. Ряд организаций создали в г. Лида подпольный координационный комитет, занимавшийся данным вопросом. Своей агентурной сетью располагал Бунд. Кроме деятельности на территории СССР, предпринимались попытки наладить контакты с еврейским подпольем в немецкой зоне оккупированной Польши. Один из руководителей НКВД СССР П. Судоплатов вспоминал: «...удалось выявить так называемое левое направление, куда входили молодежные организации “Гордония”, “Гашомер”, “Гаациор”, “Гехолуц”, затем общие сионистские организации... Как выяснилось, они вели активную вербовочную работу. Среди наиболее проверенных сионистов в целях конспирации составлялись группы по четыре-пять человек. Вся их деятельность была направлена на проанглийскую и проамериканскую агитацию, ведение пропагандистской работы по внедрению в среду еврейской молодежи идей палестинизма и отрыва их от комсомола»⁷⁹. Однако необходимо отметить, что при всей своей активности, деятельность еврейского подполья, равно как и любого другого, в условиях сталинского режима оставалась весьма ограниченной.

При рассмотрении данной проблематики необходимо учитывать тот факт, что антисоветские настроения евреев, в основном, носили пассивный характер, что было достаточно распространенным явлением среди всех национальных групп региона. Лишь немногие представители еврейского населе-

ния, как правило, наиболее пострадавшие от нового режима, решались на открытые формы протеста. Основная же часть предпочитала решать свои проблемы, по возможности не вступая в противоречия с новыми властями либо сотрудничая с ними. Даже самые активные формы антисоветской деятельности (побег за границу или работа в подполье) фактически не нанесли ущерба режиму, т. к. изначально не преследовали подобных целей. Они были направлены либо на сохранение, либо улучшение жизни и являлись антисоветскими лишь настолько, насколько таковыми их воспринимала сама власть.

Для польского населения ситуация сложилась по-другому. На это повлияли объективные причины, связанные с особенностями коммуникации в условиях тоталитарного общества. Кроме того, в тот период в самоидентификации поляков на территории западных областей БССР главную роль играл элемент общей «травмы», нанесенной, в том числе, и евреями. Учитывая высокую чувствительность поляков к вопросам престижа, многие «обиды» стали причиной агрессии против евреев. Она подкреплялась и реальными угрозами, с которыми сталкивалось польское население, в том числе и со стороны части евреев. Последние нередко жестоко отыгрывались на поляках и вели себя в повседневном общении по формуле «ваше время [польское — *Е. Р., С. С.*] кончилось». Невозможность продолжения демонстрации культурного превосходства лишь усиливала у поляков комплекс поражения. Участие евреев во властных структурах оценивалось подавляющей частью польского населения не как реализация принципа национального равенства, а как несправедливая привилегированность этой группы, что способствовало восприятию советской власти как власти евреев и для евреев.

Что касается отношения евреев к полякам, по всей вероятности, после того, как в начальный период советского присутствия произошел «расчет» по старым долгам и после первых преобразований новой власти, оно изменилось на более нейтральное и перестало играть для евреев былую первостепенную роль.

В целом, динамику межнациональных отношений по линии «евреи — неевреи» в рассматриваемый период можно обрисовать следующим образом. Установление советской модели социализма в области политики, экономики, идеологии прямо или косвенно приводило к их обострению. Восприятие

«других» этносов в определенной степени отразило раскол в обществе, вызванный новой властью. В принципе, деление местного населения на ее сторонников и противников было неизбежно; прежние противоречия в ходе советизации усугубились, видоизменились и приняли форму открытого или чаще всего скрытого межнационального конфликта. Традиционный антисемитизм жителей Западной Белоруссии, существовавший в основном на бытовом уровне, на протяжении 1939—1941 гг. приобрел политический оттенок, став одной из форм антисоветизма.

Итак, отношения поляков и евреев в Западной Белоруссии, как и других этнических групп, в значительной степени определялись общественно-политической и экономической ситуацией в регионе, сменой политического режима и действиями новой власти. Постепенное формирование у местного населения образа еврея как главного виновника всех бед было не просто трагичным само по себе, но имело свои печальные последствия: во время оккупации нацисты умело использовали антиеврейские настроения, привлекая людей к различным формам сотрудничества — от участия в разделе имущества евреев до пособничества в карательных акциях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Кресы всходни» (восточные границы — польск.) — принятое в Польше обозначение восточных территорий, вошедших в состав государства по условиям Рижского мира 1921 г.
- ² Подр. см., напр.: *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // *Диаспоры.* М., 2000. № 3. С. 10.
- ³ *Chodakiewicz M. J.* Żydzi i polacy. 1918—1955. Współistnienie — Zagłada — Komunizm. Warszawa, 2000. S. 61.
- ⁴ *Lipinska G.* Jesli o nich zapomnie... Warszawa, 1990. S. 13.
- ⁵ *Koszyło Z.* Kompania 1939 roku na Białostocczyźnie. Praca doktorska. Warszawa, 1973. S. 111.
- ⁶ *Wierzbicki M.* Białorusini w Wojsku Polskim w czasie kampanii wrześniowej 1939 // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* Białystok, 1996. Т. 2. № 6. S. 68.
- ⁷ *Ibid.* S. 69.
- ⁸ *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 2000. С. 258.
- ⁹ «Zachodnia Białoruś». 17.IX.1939 — 22.VI.1941. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. Red. nauk. B. Gronek, G. Knatko, M. Kupiecka. Warszawa, 1998. D-t nr. 35, s. 163.
- ¹⁰ *Agresja sowiecka na Polskę w swietle dokumentów.* Т. 3. Działania wojsk frontu białoruskiego. Red. nauk. Cz. Grzeliak. Warszawa, 1995. D-t nr. 50, s. 101; d-t nr. 55, s. 108; d-t nr. 61, s. 120.

- ¹¹ *Wierzbicki M.* Powstanie skidelskie 1939 r. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1997. S. 86, 87.
- ¹² *Szawłowski R.* («Karol Liszewski»). Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawnomiędzynarodowe i psychologiczne. Agresja sowiecka i polska obrona. Sowieckie zbrodnie wojenne i przeciw ludzkości oraz zbrodnie ukraińskie i białoruskie. T. 2. [Dokumenty]. Warszawa, 1997. D-t nr. 18, s. 52.
- ¹³ *Ibid.* D-t nr. 19, s. 58.
- ¹⁴ 1939 na kresach w relacjach. Wybór i opracowanie — Cz. Grzelak. Warszawa, 1999. Cz. III. D-t nr. 23, s. 172.
- ¹⁵ *Szawłowski R.* Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawnomiędzynarodowe i psychologiczne. Agresja sowiecka i polska obrona. Sowieckie zbrodnie wojenne i przeciw ludzkości oraz zbrodnie ukraińskie i białoruskie. T. 1. Warszawa, 1997. S. 110.
- ¹⁶ 1939 na kresach w relacjach... Cz. V. D-t nr. 1, s. 382.
- ¹⁷ *Szawłowski R.* Wojna polsko-sowiecka 1939... T. 2. D-t nr. 21, s. 73.
- ¹⁸ *Nowak J. R.* Przemilczane zbrodnie. Żydzi i polacy na kresach w latach 1939–1941. Warszawa, 1999. S. 17. Достоверность информации, изложенной в реляциях (показаниях) поляков о событиях 1939–1941 гг., подвергается сомнению рядом историков: *Gross J. T.* Upiorna dekada. Kraków, 1998; *Gross J. T.* Studium zniewolenia. Kraków, 1999; *Gross J. T.* Sąsiedzi. Sejny, 2001; *Jasiewicz K.* Zagłada polskich kresów. Ziemiaństwo polskie na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. Okupacja sowiecka. Warszawa, 1998; *Wierzbicki M.* Polacy i białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941. Warszawa, 2000. Особенно осторожно в этом плане следует подходить к фактам, приводимым в работах ряда польских исследователей, придерживающихся крайне правых политических убеждений (к их числу относится и Ян Роберт Новак).
- ¹⁹ Bitwa wrzesnia 1939 r. (Materiały z VI seminarium historyków polskich działań obronnych 1939 r. Koszalin 1989.). Red. nauk. B. Polak. Koszalin, 1993. Cz. I. S. 137.
- ²⁰ Archiwum Wschodni w Warszawie. (AW) Zbiór relacji i analiz w ujęciu powiatowym dla sowieckiej strefy okupacyjnej 1939–1941 z zasoby Instytutu Hoovera w Stanford (kopije) (далее AW — HI). Województwo Białostockie, powiat Łomża, 92.168. Relacja nr. 1932.
- ²¹ *Ibid.* Województwo Poleskie, powiat i miasto Pińsk, 131.165. Relacja nr. 7447.
- ²² *Ibid.* Województwo Wileńskie, powiat Wilejka, 36.185. Relacja nr. 5731.
- ²³ *Ibid.* Powiat Grodno, 91.171, relacja nr. 1365; powiat i miasto Brześć-nad-Bugiem, 138.163, relacja nr. 2542; powiat Kamień Kaszyski, 143.164, relacja nr. 6881.
- ²⁴ *Jasiewicz K.* Zagłada polskich kresów... S. 71.
- ²⁵ «Zachodnia Białoruś»... D-t nr. 24, s. 126, 127; 1939 na kresach w relacjach... Cz. III. D-t nr. 3, s. 84; Cz. V. D-t nr. 1, s. 380.
- ²⁶ *Wierzbicki M.* Polacy i białorusini w zaborze sowieckim... S. 198, 199.
- ²⁷ *Grzelak Cz.* Kresy w czerwieniu. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998. S. 307.
- ²⁸ *Koszyło Z.* Kompania 1939 roku na Białostocczyźnie... S. 27.
- ²⁹ Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie (AŻIH), zespół 301, województwo Białostockie, 2269, 1266, 1276; *Levin D.* The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia-Jerusalem, 5755/1995. P. 62.

- ³⁰ *Pinchuk B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule. Eastern Poland on the Eve of the Holocaust.* Cambridge, 1990. P. 22.
- ³¹ *Chodakiewicz M. J. Żydzi i polacy...* S. 126.
- ³² *Gross J. T. Żydzi polscy pod panowaniem sowieckim w przededniu Holokaustu // Holokaust z perspektywy półwiecza. Pięćdziesiąta rocznica powstania w getcie warszawskim. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Żydowski Instytut Historyczny w dniach 29–31 marca 1993.* Warszawa. Red. D. Grinberg i P. Szapiro. S. 210.
- ³³ Осадники — военные и гражданские колонисты, которых польское правительство переселяло из Центральной Польши в Западную Белоруссию и Западную Украину в 1920–1930-е гг. для укрепления польского влияния.
- ³⁴ AW — HI, województwo Poleskie, powiat Pińsk, 131.165; relacja nr. 9305; powiat Prużana, 135.168, relacja nr. 674; województwo Wileńskie, powiat Dzisna, 31.184, relacja nr. 9027.
- ³⁵ *Szawłowski R. Wojna polsko-sowiecka...* T. 1. S. 122, 123.
- ³⁶ Повет — административно-территориальная единица в Польше в 1921–1939 гг.
- ³⁷ «Кресовый союз земель» — одна из многочисленных общественных организаций, созданных на территории восточных воеводств II Речи Посполитой с целью консолидации польской общественности и укрепления польского влияния. Членами союза были владельцы, совладельцы и управляющие имениями.
- ³⁸ *Jasiewicz K. Zagłada polskich kresów...* S. 187.
- ³⁹ *Wierzbiński M. Polacy i żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko — żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941.* Warszawa, 2001. S. 142.
- ⁴⁰ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 7580 «П», оп. 1, д. 30, л. 3.
- ⁴¹ «Zachodnia Białoruś»... D-t nr. 67, s. 408.
- ⁴² *Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium agresji 17 września i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939-1941.* Łomża, 1997. D-t nr. 4, s. 202–205; *Gnatowski M. Sowietcka administracja wojskowa na północno-wschodnich ziemiach Polski i scenariusze ich aneksji w radzieckich dokumentach // Studia Podlaskie.* T. IX. Białystok, 1999. D-t nr. 7; s. 186–188; d-t nr. 8, s. 188–203; d-t nr. 10, s. 206–207.
- ⁴³ AW — HI. Województwo Poleskie. Powiat i miasto Brześć-nad-Bugiem, 138.163, relacja nr. nr. 1604, 1651, 1504, 7683, 10689, 2750, 9037, 7182.
- ⁴⁴ Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1995. Ч. 2. С. 257.
- ⁴⁵ Okupacja sowiecka (1939–1941). W świetle tajnych dokumentów. Obywateli polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. Red. T. Strzembosz; wybór, opracowanie, wstęp Jasiewicz K., Strzembosz T., Wierzbiński M. Warszawa, 1996. D-t nr. 49, s. 194, 195.
- ⁴⁶ *Wierzbiński M. Polacy i żydzi w zaborze sowieckim...* S. 176.
- ⁴⁷ *Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939–1944.* Брест, 1997. С. 38.
- ⁴⁸ *Розенблат Е. Маргинализация еврейского населения в западных областях Беларуси в 1939–1941 гг. // Материалы седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике.* Ч. 1. М., 2000. С. 187.
- ⁴⁹ ГАБО. Ф. 7580, оп. 1, д. 29, л. 94.
- ⁵⁰ «Zachodnia Białoruś»... D-t nr. 63, s. 387–390.
- ⁵¹ *Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи...* С. 35.
- ⁵² ГАБО. Ф. 7580, оп. 1, д. 243, л. 68.

- ⁵³ Там же. Ф. 7581, оп. 1, д. 86, л. 12.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 7580, оп. 1, д. 243, л. 96.
- ⁵⁵ *Розенблат Е.* Маргинализация еврейского населения... С. 189.
- ⁵⁶ *Eisenbach A.* Materiały. Raport Jana Karskiego o sytuacji żydów na okupowanych ziemiach polskich na początku 1940 r. // *Dzieje najnowsze. Rocznik XXI.* Warszawa, 1989. Cz. 2. S. 193.
- ⁵⁷ Декретами Гитлера от 8 и 12 октября 1939 г. оккупированные польские земли были разделены на две части: Великая Польша, Западная Помория, часть Верхней Силезии и ряд других территорий, объявленных «исконно немецкими землями», включались в состав рейха, а остальные образовали «Генерал-губернаторство для оккупированных польских провинций» со столицей в Кракове и во главе с генерал-губернатором Г. Франком (с июля 1940 г. — Генерал-губернаторство).
- ⁵⁸ *Eisenbach A.* Materiały. Raport Jana Karskiego o... S. 194, 195.
- ⁵⁹ *Armia Krajowa w dokumentach.* Wrocław, 1990. T. 1. S. 107.
- ⁶⁰ *Kierska H.* Dziennik deportowanej. 1939–1946. Wrocław, 1996. S. 29.
- ⁶¹ *Instytut Polski i Muzeum Generała Władysława Sikorskiego w Londynie.* Ministerstwo Spraw Zagranicznych — 03/01. Szkolnictwo pod okupacją sowiecką (wrzesień — listopad 1939) w Archiwum Wschodni.
- ⁶² «Zachodnia Białoruś»... D-t nr. 41, s. 215.
- ⁶³ *Ibid.* D-t nr. 53, s. 323.
- ⁶⁴ *Ibid.* D-t nr. 41, s. 223.
- ⁶⁵ *Opór, konspiracja, partyzantka // Okupacja sowiecka (1939–1941).* W świetle tajnych dokumentów. Warszawa, 1996. S. 229.
- ⁶⁶ AW — HI, województwo Poleskie, powiat Kamień Kaszyski, 143.164. Relacja nr. 10890.
- ⁶⁷ *Levin D.* The Lesser of Two Evils... P. 86.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 155.
- ⁶⁹ *Gnatowski M.* Z tajnych archiwów radzieckich. Antyreligijna działalność władz radzieckich w regionie białostockim w latach 1939–1941 w świetle dokumentów // *Studia Podlaskie.* VII. Białystok, 1997. D-t nr. 19, s. 84; d-t nr. 36, s. 229.
- ⁷⁰ ГАБО. Ф. 7580, оп. 1, д. 26, л. 212.
- ⁷¹ Там же, ф. 7581, оп. 1, д. 127, лл. 151, 155.
- ⁷² Там же, ф. 7580, оп. 1, д. 243, л. 93.
- ⁷³ Там же, оп. 1, д. 243, л. 94.
- ⁷⁴ Там же, д. 30, л. 84 об.
- ⁷⁵ *Gross J. T.* Upiorna Dekada. Trzy esej o stereotypach na temat żydów, polaków, Niemców i komunistów. 1939–1948. Kraków, 1998. S. 82.
- ⁷⁶ *Gross J. T.* Żydzi polscy pod panowaniem sowieckim w przededniu Holokaustu... S. 218.
- ⁷⁷ AW — HI. Województwo Poleskie. Powiat i miasto Brześć-nad-Bugiem, 138.163, relacja nr. 2203.
- ⁷⁸ «Zachodnia Białoruś»... D-t nr. 38, s. 190, 194; d-t nr. 39, s. 202.
- ⁷⁹ *Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001. С. 278.

SUMMARIES

The Fate of the «Great and Powerful» in Post-Soviet Lithuania

Birute Sinochkina

The Russian language in Lithuania, similarly to any other language functioning beyond the borders of its original territory, could always be marked for its specifically regional peculiarities, produced not only by the local realia but also by its status of the language disunited from its ethno-social roots and suffering the influence of the local, that is different, language. For the purposes of the communication, the Russian language in Lithuania has acquired a vast local onomastic range as well as a limited number of words indicating ethnographical realia. The Russian language users, though, adapted Lithuanian names phonetically, morphologically and graphically.

The frequent usage of various kinds of direct verbal translations, permitting the speakers to save their mental and lingual efforts under the existing bilingual conditions, is also indicative of the current contacts in the linguistic and cultural spheres of interaction.

The restoration of the Lithuanian independence has greatly affected the status of the Russian which has become a foreign language as well as one of the minority languages. The alteration of the priorities has also changed the direction of linguistic interference. Whereas earlier it used to be the Russian language which influenced the Lithuanian language greatly, nowadays it is the Lithuanian language which tends to influence the local Russian. The narrowing of the sphere of the Russian language functioning could not help but affect the quality of the latter's version used in Lithuania. The process of vocabulary divergence of the now foreign Russian language in Lithuania in comparison with the usage of the Russian in Russia has intensified.

The changes which took place in the social and political life of the country, together with the post-Soviet renaming, required adequate alterations in the Lithuanian language, followed closely by the corresponding renamings in the Russian in Lithuania as well. If we look at the neologisms which have newly entered or still continue entering the Russian language used in Lithuania, we can note that some of these are quite successful whereas others are destructive in comparison with the Russian norms. The latter neologisms are not in character with the accepted usage of the Russian language in Russia.

The article considers the factors which increase the number of the borrowings in the Russian language used in Lithuania, and that of direct translations from the Lithuanian — all of them finding their ways into the local Russian usage. The author also attempts to analyse the conditions provoking foreign inclusions into the Russian language. A foreign word, when used intentionally as a substitute for that one inherently belonging to a language, may acquire a negative connotation and serve the purposes of the creation of a peculiar layer of style.

Russian-German Bilingualism and the Russian Language. A Case-Study of Germany

Ekaterina Protassova

This article depicts changes in the linguistic and cultural practices of Russian-speaking immigrants in Germany during the process of their integration into the welcoming society. The material has been collected in a longitudinal study by sharing conversations upon the immigrants' perceptions of their own bilingualism that occurred already in childhood (by the elder Russia-Germans) or as a result of their removal from Russia to Germany (younger Russia-Germans; Russian Jews, people of many other nationalities from the former Soviet Union using Russian in their everyday life). Russia-Germans are ethnic Germans who settled in different regions of the Russian Empire by invitation of Russian tsars, particularly of the tsarina Catharine II (1729–1796), as well as their descendants. In respect to the linguistic situation of the Russia-Germans in the Soviet Union, as well as their cultural self-conception, it is important that German, a minority language, was promoted institutionally during the 1920s, but was discouraged in the 1930s and later suppressed, particularly during the Second World War, so that the younger generations are predominantly Russian-speaking. Situational autobiography helps to understand the specific attitudes of the representatives of the new Russian-speaking diaspora towards their mother tongue, their country of origin as well as the emotional and situational factors affecting their self-conceptions. The changes in the quality of Russian language are provoked by the fact of living in a different linguistic environment and using another language; they are more structurally deep in children and more superficial in adults.

Specifics of the Cultural Integration of the Russian-Speaking Immigrants in Israel

Marina Nizhnik

The major objective of the article is to investigate the role, functions and the significance of the Russian language in the social life of the Russian-speaking community in Israel. Here some of the points specifically addressed by the author.

According to the latest statistics, linguistic assimilation to the Hebrew language in this group is relatively rapid, but at the same time when their command of Hebrew is enough to meet the needs of basic communication in outdoor activities, immigrants do not seek any further progress. Hence, Hebrew became a language for the public sphere, Russian remains the language for family, community and cultural needs.

The important factor in acculturation is the degree of similarity between the mother tongue and the target language, between the culture of origin and the target culture. As for the languages, the main differences are in script and spelling which impedes the process of mastering writing and reading. At the same time since modern Hebrew was influenced greatly by Russian, the structure of Hebrew, especially in syntax, does not differ much from that of Russian, with a lot of similarities on the semantic and the idiomatic levels.

As far as the target culture is concerned, the question is quite complicated. On the one hand, the Russian roots of Israeli culture are undeniable. But on the other hand, things changed. Israel is very much inspired nowadays by everything American viewing the United States as a sort of model in almost all the spheres of life. That means that for younger generation «Russian» values are of less if of any importance at all. At the same time Russian immigrants seem neither to be very familiar with

Israeli culture nor very much interested in it, so they are not really motivated to overcome the difficulties in acquisition of literary Hebrew. This can be explained by many circumstances, but first and foremost by their deep roots in Russian culture and the lack of Jewish education.

The problem of acculturation is connected in many aspects with the problem of self-identification. Russians do not seem to be very enthusiastic about converting themselves into «true Jews» or «genuine Israelis». According to the latest research, Soviet Jews show a hesitant self-definition.

The majority of Russian Jews are not satisfied with the cultural life in Israel. They try to import all sorts of Russian cultural production. But this does not seem to satisfy all the cultural requirements of the community the members of which are trying to develop a Russian language Israeli cultural milieu.

All the above mentioned proves that former Soviet Jews can hardly be considered as the supporters of the «melting pot» policy. They consider separation an advantage to a certain extent more than disadvantage.

The Russian spoken in Israel as a modified language full of calques and adoptions and sometimes is called HebRush. Besides this, it is simplified (because cultural sources are though available, but limited in comparison to Russia) and much less formal, because of the influence of Hebrew and Israeli culture.

Similar (but not the same) tendencies can be observed in countries with large groups of Russian-speaking population, but there are factors that make immigration to Israel fairly unique. Being a Returning Diaspora in a Jewish country they feel not an ethnic minority, but a part of a ruling majority, and being of a European origin they consider themselves as well a part of Ashkenazi elite.

Another aspect is the high percentage of Russian Jews in Israel which means they influence every area of Israeli life and no politician can afford not to take them into consideration. These two aspects make Russian Jews recognize themselves as a serious social and political power and inspire their activity in different fields, mainly in culture and education.

Language Policies in Russia and France

Vladimir Alpatov

The language policy in France is very similar to the language policy of many other Western countries. Its principal peculiarities are the severity and the existence of the laws which maintain the status of French as the only official language. Now the role of languages of minorities is not significant and English is the only rival of French. The language policy in France is almost the same since the Great French revolution.

In contrast, the linguistic policy in the Soviet Union and Russia changed more than once. The attempt to change it radically was made in the USSR after the October revolution. The task was to transfer all the official documentation from Russian to the languages of minorities, to create middle and high education, fiction, theatre and so on in all the languages of the country. However, this attempt was not successful. It was more advantageous for the non-Russians to learn Russian than to master the world culture in their native languages.

Since 1935–1938 the spread of Russian became the main task of the Soviet language policy; it became more similar to that operating in France and many other countries. The majority of the population took this policy as something natural but the spread of Russian at the expense of the other languages was one of the reasons of subsequent ethnic tensions. These tensions came to the surface after 1985.

However, after the collapse of the USSR the situation in Russia is different from that in the other new independent states. The real role of Russian remains the same

as at the Soviet time. Some functions of the languages of minorities have broadened but the market laws do not favour the use of these languages. The language policy of the Russia authorities is now not efficient and consistent unlike the policy of the French ones.

The Socio-Linguistic Features of the Jewish Diaspora. Jewish Languages
(a second article)

Mikhail Chlenov

By the term «Jewish languages» we understand verbal vernaculars used by different ethnic components inside the Jewish civilization. These languages were always in diglossal relation with *lashon haqodesh*, being the methalanguage of the Jewish civilization. None of the diaspora Jewish ethnic groups ever used Hebrew as their vernacular. All the Jewish languages, numbering about two dozens, share a certain number of typological features, some of them shared also by the so-called pidgin-creole languages. Specific for Jewish languages, as well as for pidgins, was their pejorative status. Initially most of them were oriented towards women and children, as the first audience who read texts written in Jewish languages. Most of the latter are represented by two versions: the pure vernacular, and the language of written translation of sacred Jewish texts. Sociologically, existence of the Jewish languages was predetermined by the presence of traditional Jewish structure labeled by M. Weinreich as *derekh-ha-SHaS*. Destruction of this system caused by the *haskala* process resulted in disappearance of the most of Jewish languages. Only some of them including Yiddish, Ladino and Judeo-Arab in North-West Africa, continued to function in new circumstances, but changed their socio-linguistic nature turning into Jewish national languages. This process was interrupted by the Holocaust and mass migration to the State of Israel. By now Jewish languages are replaced almost everywhere in the diaspora by national languages of countries where Jews live.

The Forced-Voluntary Oblivion of the Mother Tongue
by Kazakhstani Koreans

German Kim

The article examines different aspects of the history of forced-voluntary oblivion of the «native» language by the Post-Soviet Koreans (taking Kazakhstan as an example). The deportation of 1937 and national-cultural policy of the Stalin regime destroyed the foundations for normal functioning and development of the Korean language. Until the 1950s the Soviet Koreans who were settled relatively compactly in rural regions, used to speak Korean in their everyday life. The Korean language was also used though on a limited basis, in schools, media, literature and art. The intensive urbanization, disperse settlement, transition to the dominating Russian language, the gap between the dialect and the literary Korean language were the main reasons for the total oblivion of the native language by the new generation of Soviet Koreans. At present the native language of the Post-Soviet Koreans, the so called Koryo Mar, is a dying linguistic phenomenon which is impossible to reanimate. The dying native language is being replaced by a foreign South Korean standard language which has been broadly studied and used for the last ten years. During the same period an «explosion of the ethnic renaissance» took place and thousands of Koreans started to study the ABC of the «native» language. However, long time, great efforts, considerable financing and purpose-oriented everyday work are needed in order to compensate for the losses suffered during many years of the forced oblivion.

The Russian Language in Independent Kirghizia

Abdykadyr Orusbayev

The article looks at the long history of the Russian language usage on the territory of modern Kirghizia beginning in the middle of the 19th century when the Kirghiz established regular trade contacts with the then Russian Empire. Status of the Russian in the pre-Soviet and Soviet time as well as official language and educational policies are described by the author. The main focus is upon the changes in these spheres and their consequences for both the local Russian-speaking community and the other ethno-social groups whose cultural and educational demands were, and still are, satisfied predominantly by the Russian language. A special attention is paid to the recent legislation shifts granting to the Russian a status of the official language on the constitutional level.

Ethno-National Diasporas in Politics

Gabriel Sheffer

Contrary to various predictions, ethno-national diasporas have neither disappeared nor marginalized. Rather, these entities proliferated and became more viable, visible and vigorous. These processes have led to an increased interest in diasporism and diasporas. Despite the recent, noteworthy interest in and expansion of the study of ethno-national diasporic communities, this field is still in early stages of development, and therefore there are noticeable lacunae in the study of diasporism. In particular, the politics of diasporas have been understudied. Thus, for example, a significant issue that has not been adequately explored is that of the elaborate political networks that such ethnic groups create, and that transcend the territorial boundaries of their host countries and homelands. Other subjects that need further elaboration are the authority and loyalty patterns in diaspora behavior. Dealing with these and other closely related issues, the present programmatic article considers definitional, analytical, comparative and theoretical questions pertaining to the nature of present-day ethno-national diasporas and the various political functions and roles that these entities perform and fulfil.

The Poles and Jews in Western Byelorussia: The Dynamics of Convergence and Divergence (1939–1941)

Evgeniy Rozenblat, Sergey Strunetz

The article is an attempt to throw light on the complicated issue of the evolution of relationships between the Poles and Jews in Western Byelorussia during the first years of the World War II, after the occupation of this territory by the Soviet army. The main factors which provoked aggravation of the then existing tensions are revealed by the authors as well as mutual stereotypes shared by the ethnic minorities. The focus of the article is also upon the Soviet policies towards the Poles and Jews on the newly annexed territories and these groups' reaction to the steps taken by the Soviet authorities.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДИАСПОРЫ» В 2002 г.

№ 1, 2002

Главная тема номера

ОДИССЕЯ РОССИЙСКИХ/СОВЕТСКИХ ГРЕКОВ

ДИАСПОРА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА **5**

Вячеслав Попков. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина 6

ГРЕЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ БЫВШЕГО СССР. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА **23**

Юлия Иванова. Греки в России — не случайные гости (историко-этнографический очерк) 24

Майя Аствацатурова. Virtuозы диаспорного стиля жизни в Ставропольском крае 53

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ **69**

Что значит быть армянином? Отклики на публикацию в журнале «Арагат» (*завершение темы*) 70

Кира Кауринкоски. Греки Приазовья: особенности этнокультурной идентичности 79

Игорь Кузнецов, Владимир Колесов. «Черкесские греки» — идентичность, культура, религия 106

РУССКИЕ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ **133**

Ирина Молодикова. Миграционное поведение русскоязычного населения Латвии, Украины и Казахстана (конец 90-х гг.) 134

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКИХ ДИАСПОР **161**

Семен Гитлин. Далекое и близкое прошлое бухарских евреев 162

ЗАРИСОВКИ И НАБЛЮДЕНИЯ **187**

Антон Попов. Из жизни грекоязычных мусульман Понта (по материалам этнографической экспедиции в Турцию) 188

ДИАСПОРИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ **213**

Международный научный colloquium в Афинах (Греция): «Армянская и греческая диаспоры: сравнительный подход» (3–7 октября 2001 г.) 214

Summaries 220

Содержание журнала «Диаспоры» в 1999–2001 гг. 224

№ 2, 2002

Главная тема номера

**И СОХРАНИТЬСЯ, И ИЗМЕНИТЬСЯ:
ДИЛЕММЫ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

<i>Микола Рябчук.</i> Кто самая крупная рыба в украинском пруду? Новый взгляд на отношения меньшинства и большинства в постсоветском государстве	6
<i>Наталья Галеткина.</i> От мигранта к сибиряку. Трансформация групповой идентичности при переселении	32
<i>Владислав Волков.</i> Русские в постсоветской Латвии сквозь призму лингвистической идентичности (1992–2000 гг.)	64
<i>Мария Герасимова.</i> Этнические стереотипы московских школьников	83
ДИАСПОРА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА	109
<i>Наталья Космарская.</i> «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания	110
СУДЬБЫ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ	157
<i>Микаэла Польш.</i> «Неужели эти земли нашей могилой станут? Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944–1957 гг.)	158
ИЗ ЖИЗНИ ЕВРЕЙСКИХ ДИАСПОР	205
<i>Владимир Рубинчик.</i> Русскоязычные иммигранты в Израиле 90-х гг.: иллюзии, реальность, протест	206
Summaries	241

№ 3, 2002

Главная тема номера

РОССИЯ И СТРАНЫ БАЛТИИ: «ОБМЕН» ДИАСПОРАМИ

<i>Татьяна Фейгман.</i> Русские в политической жизни Латвии (1918–1940 гг.)	6
<i>Борис Инфантьев.</i> Образ Латвии 20-х–30-х гг. в творчестве русских зарубежных писателей	28
<i>Сергей Исаков.</i> Основные этапы истории русской общины в Эстонии	46
<i>Елена Знобищева.</i> Поколение «тридцатилетних» в странах Балтии — созыательная модель этнических отношений	78
<i>Вадим Полещук.</i> Положение меньшинств в Эстонии: правовые аспекты (1991–2001 гг.)	100

<i>Илга Апинe.</i> Латышская диаспора в России и Америке — психологические особенности	131
<i>Анна Майничева.</i> Бытовая культуры эстонцев Сибири (конец XIX — первая треть XX в.)	153
<u>ДИАСПОРА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА</u>	165
<i>Михаил Членов.</i> К вопросу о социолингвистической характеристике еврейской диаспоры (<i>статья первая</i>)	166
<u>ЗАРИСОВКИ И НАБЛЮДЕНИЯ</u>	185
<i>Мария Гайнер, Леонид Ашкинази.</i> Русскоязычная диаспора Америки в зеркале рекламы	186
<u>ДИАСПОРИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ</u>	193
Обсуждение проблем диаспор на IV конгрессе российских этнографов и антропологов (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.)	194
Summaries	205

№ 4, 2002

Главная тема номера

РУССКИЕ ЕВРЕИ — ОТ ШТЕТЛА ДО МЕГАПОЛИСА

<i>Анна Штерншис.</i> Семья и школа: еврейская молодежная культура 1930-х гг.	6
<i>Евгений Розенблат, Ирина Еленская.</i> Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX в.	27
<i>Владимир Рубинчик.</i> Критические заметки о «еврейской жизни» в постсоветской Белоруссии	53
<i>Алек Эпштейн, Михаил Урицкий.</i> Ученые из СССР/СНГ в израильских научных учреждениях: различия ценностных установок	87
<i>Семен Гитлин.</i> Бухарские евреи — страницы истории советского периода	116
<u>ДИАСПОРА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА</u>	137
<i>Александр Милитарев.</i> Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России	138
<u>ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ</u>	153
<i>Николас Брейфогл.</i> Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в.	154

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ	199
<i>Борис Винер. Возвращение к вере предков. Конструирование современной этноконфессиональной идентичности (статья первая)</i>	200
ЗАРИСОВКИ И НАБЛЮДЕНИЯ	221
<i>Сафроний Жлоба. Взаимодействие этнических культур в полесских местечках</i>	222
<i>Мария Гайнер, Леонид Ашкинази. Язык русской эмиграции в Америке</i>	238
Summaries	250

Уважаемые авторы!

Статьи объемом в 1–1,2 а. л. (вместе с краткой аннотацией на русском языке, 15–20 строк) представляются на дискете (набор в редакторе Microsoft Word для Windows), с приложением распечатки на принтере.

Смысловые и библиографические сноски помещаются в конце текста, в разделе «Примечания», нумерация сносок сплошная.

Внимание! Оформление библиографических сносок должно соответствовать принятому в журнале «Диаспоры», в противном случае статьи не будут рассматриваться редакцией.

Просьба, по возможности, представить иллюстративный материал, особенно к статьям исторического и этнографического характера. Рисунки и фотографии будут обязательно возвращены авторам.

Отсканированные иллюстрации принимаются в виде графических файлов в формате TIFF или JPEG с разрешением 300 dpi, диаграммы — в виде файлов Microsoft Excel. К файлам иллюстраций должна прилагаться распечатка на принтере.

Обращаем внимание потенциальных авторов на то, что к публикации принимаются только оригинальные научные разработки, ранее не публиковавшиеся на русском языке.

Редакционная коллегия приветствует отзывы на уже увидевшие свет статьи, а также рецензии на книги по тематике журнала. Приглашаем к сотрудничеству авторов информационных статей о научных конференциях и семинарах, посвященных диаспорам и смежным с ними сюжетам.

Непременно сообщите информацию о себе для раздела «Сведения об авторах» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, сфера научных интересов), а также необходимую контактную информацию: факс/телефон, адрес электронной почты.

Обратиться за справками и прислать статью можно по следующему адресу:

Наталье Петровне Космарской, 119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2, издательство «Наталис»; тел./факс 7-095-310 63 57; e-mail: artkos@online.ru.

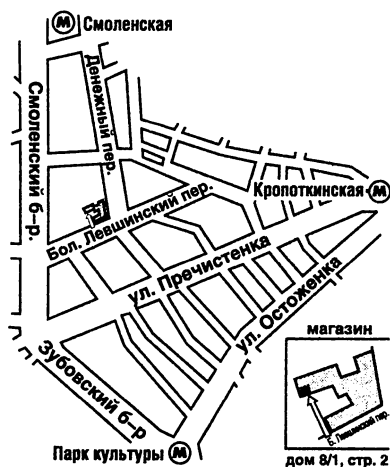
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАТАЛИС»
приглашает посетить открытый при издательстве

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
«ВОСТОЧНАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ»

Здесь вас всегда ждет тщательно подобранная коллекция
восточной литературы, изданной в разные годы

*Магазин принимает на комиссию востоковедческую
литературу*

Адрес магазина: **Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2**
(10 минут от ближайшей станции метро)

Ждем вас ежедневно (кроме воскресенья)
с 11 до 19 часов

Наш телефон: **201-34-38**

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Дiasпоры» сообщает об открытии подписки на это издание на II полугодие 2003 г. Оформить подписку можно на почте или в подписном агентстве по каталогу Роспечати, индекс 81165.

Журнал «Дiasпоры» выходит с 1999 г. Предыдущие выпуски можно заказать в редакции по адресу: 119034, Москва, Б. Левшинский пер, д. 8/1, стр. 2; e-mail: artkos@online.ru

Главный редактор А. Р. Вяткин

ДИАСПОРЫ
независимый научный журнал

№ 1

2003

Научный редактор номера:
Н. П. Космарская

Учредители: В. И. Дятлов, И. А. Мадий, В. Ю. Рабинович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 30 июля 1999 г.
Регистрационный номер 019027

Адрес редакции: 119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон/факс: (095) 201-34-38; e-mail: natalis_press@mail.ru

Журнал публикует дискуссионные материалы, содержание которых не обязательно отражает точку зрения учредителей и редакционной коллегии
За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в журнале материалов обращаться в редакционную коллегию

Формат 60×90¹/₁₆. Объем 15,0 п. л. Печать офсетная. Тираж 800 экз.
Цена договорная. Заказ № **4114**

Отпечатано в типографии ЗАО «Олита».
117259, Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34.

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- СИБИРЬ – МЕСТО ВСТРЕЧИ КУЛЬТУР
- РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ В ДИАСПОРАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ
- РУССКИЕ В БЛИЗКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

FORTHCOMING ISSUES: THE MAINSTREAMS

- SIBERIA AS A MEETING-POINT OF CULTURES
- RUSSIA AND FINLAND IN A DIASPORIC CONTEXT
- RUSSIANS IN THE NEAR ABROAD

Т У Р Н О Г Д И М Е Д У Ж А К А Д Е М И С К О Г О Ж У Р Н А Л А

DIASPORAS

DIASPORAS

2003 №1

ДИАСПОРЫ

ДИАСПОРЫ

Н Е З А В И С И М Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2003

1

СУДЬБА «ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО»
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВРЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ДИАСПОР

ПОЛЯКИ И ЕВРЕИ В ЗАПАДНОЙ
БЕЛОРУССИИ